

ISSN 2412-6519
eISSN 2658-6231

2021

Volume 7

No 2 (26)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2021

Том 7

№ 2 (26)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 106 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № . Дата выхода в свет 30.06.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiay N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Denisov S. A.**

Constitutional innovation as a political science..... 122

Kazantsev D. A., Kachusov D. A.Regional identity in the minds of young people in Siberia
and the Far East..... 134**Shestakova M. N.**Territorial differentiation of public sentiment in modern Georgia
(the experience of sociological survey) 146**Yakovlev M. V.**Political and Philosophical Ideas of Socio-Political Development
of Russia: Opportunities in Modern Conditions..... 158**Tarusina N. N.**Right to dispose of your own life: actualization of social-political
context in COVID-19 pandemic conditions 166**SOCIOLOGY****Zagrebin V. V., Kiselev I. Y., Ovchinnikova N. V.,****Sminova A. G., Yasyuchenya E. V.**The influence of patriotic education on the image of a patriot among
young people (using the example of the Yaroslavl region) 182**Kolosova G. V.**Institutionalization of long-term care for the elderly:
the experience of St. Petersburg 194**PHILOLOGY****Potyomkina Y. S., Shamanova M. V.**Unofficial toponyms in the language consciousness of Yaroslavl
residents(on the example of the toponym Bragino)..... 204**Selezneva K. O.**Thematic group "Education" in Russian language (using analysis
of Russian jargon dictionary as an example) 212

ПОЛИТОЛОГИЯ**Денисов С. А.**

Конституционная инноватика как политическая наука..... 122

Казанцев Д. А., Качусов Д. А.Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири
и Дальнего Востока..... 134**Шестакова М. Н.**Территориальная дифференциация общественных настроений
в современной Грузии (опыт социологического опроса) 146**Яковлев М. В.**Политико-философские идеи общественно-политического
развития России: возможности в современных условиях..... 158**Тарусина Н. Н.**Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-
политического контекста в условиях пандемии COVID-19..... 166**СОЦИОЛОГИЯ****Загребин В. В., Киселев И. Ю., Овчинникова Н. В.,
Смирнова А. Г., Ясюченя Е. В.**Влияние патриотического воспитания на образ патриота
среди молодёжи (на примере Ярославской области)..... 182**Колосова Г. В.**Институционализация долговременного ухода за пожилыми:
опыт Санкт-Петербурга 194**ФИЛОЛОГИЯ****Потемкина Ю. С., Шаманова М. В.**Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев
(на примере топонима Брагино)..... 204**Селезнева К. О.**Тематическая группа «Образование» в русском языке
(на примере анализа Большого словаря русского жаргона)..... 212

Constitutional innovation as a political science

S. A. Denisov¹

¹Humanities University of Yekaterinburg, 19 Studencheskaya str., Yekaterinburg 620049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-122-133

Research Article
Full text in Russian

The article describes the object, subject, main properties, tasks and functions of the science "constitutional innovation". It is a science that studies the implementation of constitutional ideas developed by political philosophy in the life of society. This implementation is carried out throughout the world, in individual countries and at the local level. Based on the subject of the study, the structure of the science "constitutional innovation" is described. Within it, a general theory is distinguished, which studies the laws of the transition of the world and individual countries from the pre-constitutional system to the constitutional one. She answers questions about the possibility of transition of all countries of the world to constitutionalism, about the ways of this transition. In the course of the movement towards constitutionalism, there is usually a stage of imitation of the constitutional system. Part of constitutional innovation should be constitutional deviantology, which studies deviations from the ideals of constitutionalism, the factors that cause them. The General theory develops methods of cognition of this world process. According to the author, the study of the subject of research should be based on dialectics, a materialistic approach using the ideas of Enlightenment, modernization theories, democratic transit, diffusion theory, and conflict theory. Constitutional innovation includes the history of the world's movement towards constitutionalism. On the basis of the known regularities, forecasts of the constitutionalization of the world and individual countries are built. Constitutional innovation performs applied tasks. It helps supporters of constitutionalism to form programs for the promotion of constitutional ideas in the life of society. A separate area of research is the introduction of constitutional ideas through international relations. Constitutional countries are trying to build the whole world in their own image. Science evaluates the effectiveness of the measures applied.

Keywords: constitutional innovation; constitutionalism; constitutional norms; political system; forecasts; science

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Denisov, Sergey A. (correspondence author)	E-mail: Sa-denisov@yandex.ru ORCID 0000-0003-0544-7330 Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor
---	---

For citation: Denisov S. A. Constitutional innovation as a political science // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 122-133. (in Russ.)

Конституционная инноватика как политическая наука

С. А. Денисов¹

¹Гуманитарный университет г. Екатеринбурга, ул. Студенческая, 19, Екатеринбург, 620049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-122-133
УДК 32

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья описывает объект, предмет, основные свойства, задачи и функции науки «конституционная инноватика». Это наука, изучающая внедрение конституционных идей, выработанных политической философией, в жизнь общества. Это внедрение осуществляется в рамках всего мира, в отдельных странах и на локальном уровне. На основе предмета исследования описывается структура науки «конституционная инноватика». Внутри нее выделяется общая теория, изучающая закономерности перехода мира и отдельных стран от доконституционного строя к конституционному. Она отвечает на вопросы о возможности перехода всех стран мира к конституционализму, о путях этого перехода. В ходе движения к конституционализму обычно имеет место стадия имитации конституционного строя. Частью конституционной инноватики должна быть конституционная девиантология, изучающая отклонения от идеалов конституционализма, факторы, их вызывающие. Общая теория вырабатывает методы познания этого мирового процесса. По мнению автора, изучение предмета исследования должно строиться на основе диалектики, материалистического подхода с использованием идей Просвещения, теорий модернизации, демократического транзита, диффузионной теории, теории конфликтов. Конституционная инноватика включает в себя историю движения мира к конституционализму. На основе познанных закономерностей строятся прогнозы конституционализации мира и отдельных стран. Конституционная инноватика выполняет прикладные задачи. Она помогает сторонникам конституционализма формировать программы продвижения конституционных идей в жизнь общества. Отдельным направлением исследования является внедрение конституционных идей посредством международных отношений. Конституционные страны пытаются построить весь мир по своему образу и подобию. Наука оценивает эффективность применяемых мер.

Ключевые слова: конституционная инноватика; конституционализм; конституционные нормы; политическая система; прогнозы; наука

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисов, Сергей Алексеевич (автор для корреспонденции)	E-mail: Sa-denisov@yandex.ru ORCID 0000-0003-0544-7330 Кандидат юридических наук., доцент кафедры прав человека юридического факультета
---	--

Для цитирования: Денисов С. А. Конституционная инноватика как политическая наука // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 122-133.

В России появилось новое направление исследований, которое получило название «конституционная инноватика». Следует определиться с объектом и предметом этого направления научного исследования, его целями, задачами и функциями.

1. Судя по названию, это юридическая наука. Но если посмотреть на предмет ее исследования, то выяснится, что она носит политологический характер.

Понятие конституционной нормы, как известно, дает не юриспруденция, а политическая философия. Сначала была идея ограничения власти государственного аппарата, идея прав человека и гражданина, идея разделения властей и правового государства. Только по истечении какого-то времени эти идеи стали юридическими терминами. Само понятие «конституция» можно рассматривать не как юридический, а как политологический термин. Под ним предлагается понимать систему норм, которые отражают определенные общественные идеалы: социократию, верховенство прав человека, республику, демократию и т. д. Эти нормы могут закрепляться в нормативном акте или оставаться только в сознании людей. Конституция в умах людей появляется до принятия особого нормативного акта государства. Политическая философия выделяет особый вид конституционной идеологии, называемый конституционализмом. Эта идеология содержит ряд универсальных для всего мира идей и обосновывает их ценность.

Разные направления исследования конституционной инноватики могут иметь разную степень нормативности. Здесь возможен крайний догматизм, уверенность, что определенные конституционные ценности должны рассматриваться как непререкаемые. Меньшая нормативность возникает при установке исследователя на то, что ряд ценностей, которые получают названия конституционные, могут с разной степенью вероятности реализоваться в практике сначала отдельных стран, а затем и во всех странах мира. Этот подход исключает фатализм.

Объектом исследования конституционной инноватики являются процессы внедрения конституционных норм и принципов, рожденных политической философией, в жизнь общества. Эти процессы следует рассматривать на трех уровнях. Внедрение конституционных норм в жизнь всего человечества (мировой процесс), в жизнь отдельных стран и на локальном уровне (на отдельных территориях и в небольших сообществах).

2. Предмет исследования конституционной инноватики является основой для структурирования науки на разделы. Очевидно, что необходимо выделять общую теорию конституционной инноватики, которая должна ответить на многие вопросы, касающиеся развития мира. Первейшим является вопрос о том, движется ли весь мир от доконституционного строя к конституционному? Если взять последние 300 лет, то ответ кажется положительным. Конституционный строй, сначала зародившийся в Англии и Соединенных Штатах, постепенно распространился на всю Европу. Сегодня к нему перешли большинство стран Латинской Америки. Многие страны Азии и Африки не перешли к конституционализму, но для того чтобы выжить, вынуждены имитировать этот переход.

Консерваторы разных стран мира стремятся убедить окружающих, что не все страны мира способны перейти к конституционным отношениям. В определенной степени эта идея носит расистский характер. По мнению консерваторов, конституционализм способен воспринять только белый человек (страны Запада). Этот тезис легко отрицается фактами. К конституционному строю перешли Япония, Южная Корея, Тайвань. Борьба за конституционализм идет во всех странах Азии и Африки.

Вполне объяснимо нежелание правящих групп ряда стран попасть под контроль своего общества. Для сохранения своей власти над обществом они убеждают его, что не

следует идти по этому «порочному пути». Архаичные, доконституционные отношения авторитаризма и патернализма объявляются традиционными ценностями отдельных народов, от которых нельзя отказываться. Все эти слова произносились аристократами в послереволюционной Франции, консерваторами в Японии периода революции Мэйдзи. История показала, что развитие человечества остановить невозможно. Консерваторы могут только замедлить движение своих народов к демократии и республике.

Другой важный вопрос, который должна решить общая теория конституционной инноватики: универсален ли путь движения всех стран мира к конституционализму? Ответ очевиден. Страны, сильно различающиеся между собой, идут к конституционализму своими путями. У Англии этот путь был медленный, преимущественно через реформы. Франция шла к конституционализму через череду революций. Германия и Япония перешли к конституционализму только после разгрома их во Второй мировой войне. Следует отметить, что капитализм как основа конституционализма был построен в Германии сверху, при активной поддержке государства. По этому же пути пошла Япония и идет сегодня Китай. Страны, имеющие сходные характеристики, идут к конституционализму приблизительно одним путем. Так, в литературе выделяют путь, по которому шли к конституционализму страны Латинской Америки. Относительно общим путем пришли к конституционализму страны Восточной и Южной Европы после развала СССР.

Как любая наука, конституционная инноватика должна выявлять общие закономерности изучаемых явлений. С точки зрения материалистического подхода конституционный строй может возникнуть только в буржуазных странах, где есть слой предпринимателей, способный подчинить себе государственную бюрократию, поставить ее на службу обществу. Другими словами, господствующий административный класс [см.: 1, с. 90–253] должен превратиться в идеальную бюрократию М. Вебера. В условиях рыночных отношений буржуазия делится на группы, конкурирующие между собой за власть. Они выделяют слой публичных политиков, объединенных в партии. Борющиеся между собой партии втягивают в политическую жизнь широкие слои населения. Таким образом, естественным путем возникает демократический политический режим. Буржуазия привыкла к договорным отношениям. Из экономики они переносятся в политику. Борьба и поиск компромиссов между разными группами общества переносятся в парламент. Так возникает республика. Там, где класс буржуазии слаб, господствующее положение над обществом с неизбежностью захватывает административный класс, из которого состоит государственный аппарат. Буржуазия вынуждена стать клиентелой этого класса. Без сильного класса буржуазии не может появиться гражданской интеллигенции, которая занимается пропагандой конституционализма. Административный класс порождает слой служилой интеллигенции [1, с. 273–274], которая используется для оправдания диктатуры и авторитарного режима.

Конституционализм может появиться только при определенном уровне развития производительных сил, позволяющем освободить человека от поглощающего его производительного труда. К конституционализму не могут перейти страны с преимущественно сельскохозяйственным производством, не прошедшие этап экономической модернизации. Консерваторы, стремящиеся доказать, что отдельные страны неспособны перейти к конституционным отношениям, придерживаются идеалистического подхода. Они доказывают, что менталитет отдельных народов неизменен, что существует определенная «матрица», от которой невозможно отказаться [2, с. 24–29]. Исто-

рия человечества легко отрицает эти идеи. Все народы шли от варварства к цивилизации. Общественное сознание консервативно, но оно изменяется вместе с изменением условий жизни.

Известно, что часть доконституционных стран поддерживает высокий уровень жизни своего населения и удовлетворенность архаичной монархической формой правления в результате получения этими странами природной ренты. Отказ развитых стран мира от углеводородного сырья и переход к использованию новых источников энергии снизит доходы сырьедобывающих государств [3]. Правители этих стран не смогут подкупать свое население и потеряют социальную опору своей власти. Они вынуждены будут либо сохранять свою власть, опираясь только на насилие, либо отдать ее обществу, его представителям (публичным политикам и парламенту).

3. Для решения поставленных исследовательских задач конституционная инноватика должна опираться на собственную методологию. Философской основой конституционной инноватики является диалектика с ее убеждением в том, что человечество не может остановиться на достигнутом и будет постоянно развиваться. Законы диалектики указывают на пути движения человечества от доконституционного к конституционному строю через борьбу старого с новым, через накопление количественных изменений в обществе, которые ведут это общество к качественному скачку к конституционализму.

При изучении движения стран мира от доконституционного строя к конституционному автор предлагает не отказываться от разделения государств на типы в зависимости от их классовой сущности. Кроме традиционно выделяемых марксизмом, предлагается обратить внимание на административный тип государства, обеспечивающий доминирование над обществом административного класса, из которого состоит государственный аппарат [4]. Именно этот тип государства сегодня имеет место в Китае и России. Мировое развитие сегодня выглядит, как борьба административных доконституционных систем с буржуазно-конституционными системами [5, с. 22–33]. От результатов этой борьбы зависят темпы перехода человечества к конституционному строю во всем мире.

По мнению автора, в рамках конституционной инноватики следовало бы недогматически использовать все имеющиеся концепции развития общества, начиная с идеи Просвещения. Сама вера в эволюцию и социальный прогресс вселяет в людей оптимизм и поддерживает их энтузиазм в борьбе за демократию и республику. Некоторые общества все еще не прошли этапа Просвещения. Люди верят в неизменность мира и стараются остановить развитие. Все полезное следует взять из теории модернизации. Особый интерес сегодня представляет теория догоняющей (вторичной) модернизации. Конституционные страны показывают более высокий уровень развития экономики, науки, дают более высокий уровень жизни своему населению. Они неизбежно будут служить образцом для подражания во всем мире (soft power). При современных средствах распространения информации диктаторам доконституционных стран не удастся выстроить эффективно действующие «железные занавесы». Информация о жизни в конституционных странах диффузионным путем будет проникать везде и подтачивать власть автократов.

Как и любая наука, конституционная инноватика не может обойтись без формулирования своих идеальных моделей конституционализма (как идеологии), конституционного и доконституционного строя. Она вырабатывает свои понятия прогресса и модернизации, связанные с изменением общественных отношений. При использовании антропологического подхода конституционная инноватика формулирует понятие и признаки «человека конституционного», обладающего собственным достоинством,

способностью осознавать личные и коллективные интересы, действовать организованно. Предполагается, что люди от инстинктов стадности способны перейти к отношениям коллективизма.

Конституционная инноватика применяет традиционные для современных наук методы исследования: системный, институциональный, функциональный. Следует выделить субъектов, заинтересованных в переходе к конституционным отношениям, и субъектов, втягиваемых в этот процесс. Практика показывает, что заинтересованными является группы предпринимателей (в Европе XIX в. – «третье сословие»), объединенные с гражданской интеллигенцией, которые, как уже отмечалось выше, стараются поставить под свой контроль государство как корпорацию бюрократии (административный класс). Для успешности перехода к конституционным отношениям они должны научиться привлекать на свою сторону массы населения. Естественным противником этого перехода является административный класс, который не желает терять своего господствующего положения. Союзником его выступает клиентистская буржуазия, получающая сверхдоходы от связи с чиновниками, и служившая интеллигенция, получающая плату за обеспечение идеологической поддержки авторитарной власти.

Конституционная инноватика должна изучить все факторы, обуславливающие существование доконституционного строя, и факторы, ведущие к возникновению конституционных отношений. В этом вопросе политологи должны тесно сотрудничать с социологами, экономистами, культурологами и психологами.

Конституционная инноватика должна решить для себя вопрос о допустимых сегодня средствах и методах борьбы за конституционный строй в мире. В XIX в. переход от доконституционного строя к конституционному чаще всего происходил через кровавые революции и гражданские войны. Сегодня мир стал более гуманен. Широкое распространение получили «цветные революции», носящие мирный характер («революция гвоздик» в Португалии, «бархатные революции» в странах Восточной Европы). Но успешно «цветные революции» проходят только там, где диктаторы не готовы проливать кровь своих подданных. Что делать, если диктатор переходит к массовым репрессиям?

4. Особый интерес для конституционной инноватики представляет изучение процесса перехода от доконституционного строя к конституционному. История показала, что он не является «победным шествием» от одного состояния к другому. Этот процесс носит нелинейный характер. Страны мира, сделав шаг или рывок к конституционализму, как правило, затем отступают на полшага назад. Это легко проследить на примере истории Франции XIX в. После каждой революции в стране происходила частичная реставрация старого порядка. Только революция 1870 г. вывела Францию на твердую дорогу конституционализма. Нередки случаи, когда революции, начинавшиеся под лозунгами конституционализма, завершались установлением административного строя с восточной деспотией (Россия, Китай). Автор называет эти революции административными [6, с. 221–253]. Они особенно типичны для отсталых стран, которые в XX в. назывались странами «третьего мира». Скачки назад не являются случайностью. Они закономерно связаны с мощью административного класса, формируемого в ходе революционных событий, или освободительного антиколониального движения из протоэлит, опирающихся на массу населения, не способного использовать конституционные инструменты для реализации своих интересов.

Мировая практика показывает, что сторонники перехода к конституционализму могут торопить развитие событий, пытаться внедрить конституционные нормы там, где для них нет социальной базы. Результатом этого чаще всего является появление

имитаций перехода страны к конституционному строю. Так, в Латинской Америке первые конституции были приняты в начале XIX в. К реальному конституционализму эти страны сумели перейти только в конце XX в. Попытки перейти к конституционным практикам (свободным выборам) в странах, где население не стало разумным народом (автор отличает «народ конституционный» от масс, не способных поддерживать конституционный строй) [7, с. 13-17], могут заканчиваться возвратом этих стран к отношениям, типичным для Средневековья. Примером является проведение свободных выборов в Алжире в 1990–1991 гг. [8, с. 56–57], которое чуть было ни привело к власти мусульманских фундаменталистов. Демократическая революция в Египте (2011– 2012 гг.) и проведение свободных выборов закончились приходом к власти исламского проповедника, который попытался ввести в светской стране законы шариата.

Актуальным для конституционной инноватики остается вопрос о том, с какого уровня должно начинаться движение к конституционализму: «сверху», через захват власти сторонниками конституционализма или снизу, с формирования муниципального самоуправления. История показывает, что элитам, «зараженным» идеями конституционализма, никогда не удавалось внедрить его в общественные отношения искусственным путем. Но они могли расчистить путь для конституционного развития страны, создать условия для движения по пути конституционализма.

При изучении процессов конституционализации в отдельных странах встает вопрос о роли личности в истории. Как известно, талантливые и энергичные правители могли на долгие годы остановить процесс демократизации отдельных стран. Энергичные представители контрэлит могут организовать свержение диктаторского режима. Но вновь следует отметить, что конституционный строй может возникнуть только там, где значительные группы населения представляют собой народ, осознающий свои интересы, организованный и способный участвовать в управлении делами общества и государства. Конституционализм не может быть без демократии. Его нельзя ввести «сверху».

Особый интерес для конституционной инноватики представляет стадия имитации конституционного строя. Значительное количество стран сегодня находится именно на этой стадии своего развития. Сегодня осталось мало стран мира, руководство которых может открыто заявить, что оно вполне обходится без суверенитета народа, демократии и республики. Большая часть стран, не имея возможности и желания перейти к конституционному образу жизни, создает видимость такого перехода. Даже в Северной Корее принята конституция, которая провозглашает власть народа, демократию и республиканскую форму правления [9, с. 308–334]. Необходимо изучать субъектов, заинтересованных в имитации конституционного строя, участников имитационной деятельности, применяемые ими средства, пути, методы, приемы и технологии имитаций. Мировой опыт имитации конституционного строя описан автором в его четырехтомной монографии [10]. Для имитации конституционного строя в стране принимается ложная или формальная конституция. Аборигенные институты получают конституционные названия. Правителя называют президентом, его помощника – премьер-министром. Патерналистское государство выдается за социальное, а полицейское – за правовое. Имитация конституционного строя осуществляется через действия ритуального характера. В стране могут производиться управляемые выборы и референдумы, обеспечивающие правителю пожизненное правление. Для обозначения демократии применяется дозированное дозволение использовать те или иные политические права с разрешения чиновников и под их надзором (дозированное использование свободы слова, права собираться мирно). В стране может имитироваться

многопартийность. Неоценимую роль в имитации конституционного строя играет служилая интеллигенция, которая создает теории ложного конституционализма (советского, исламского и т. д.), «лакирует» действительность, утверждая, что конституционный строй в стране уже возник. Исследования имитаций конституционного строя объединяются автором в особое направление научной мысли, которое называется конституционная имиджелогия.

В период перехода от доконституционного строя к конституционному многочисленными являются отклонения от норм и принципов конституционализма, выработанных политической философией. Изучение этих отклонений объединяется в рамках научной дисциплины, называемой конституционная девиантология [11]. К сожалению, отечественная наука мало обращает внимание на механизм нейтрализации (блокирования) конституционных идеалов, в том числе через законы. Многие в России не понимают, что конституционные акты могут иметь ложный или мнимый характер, т. е. в них могут закрепляться нормы, не соответствующие конституционной идеологии. В этом случае мы говорим о неконституционных конституциях (нормах конституции) [12, с. 185–196]. Неконституционными могут быть поправки к конституции [13, с. 321–341]. Нормативные акты, которые закрепляют конституционные идеалы, но не работают на практике, называются формальными (номинальными или бумажными) [12, с. 197–198]. Отклонения от конституционных идеалов могут быть не только в виде действий (захват власти группой общества, фальсификация результатов выборов). Девиантными могут быть политические институты: монархическая форма правления, авторитарный режим, неправовой характер государства. Отклоняющимся от конституционного идеала может быть общественное сознание, политическая культура (патриархальная или подданническая).

5. Особое развитие в рамках конституционной инноватики должно получить направление изучения истории движения мира (всеобщая история) и отдельных стран к конституционализму. Это направление должно осваиваться совместно политологами и историками. Необходимо обратить внимание на то, что историю борьбы за конституционализм обычно представляют как историю развития конституционной мысли, которая может иметь маргинальный характер и быть совершенно чужда обществу [14]. Юристов, как правило, интересует только правотворческая деятельность государства.

Наибольший интерес вызывает история тех стран, которые завершили переход к конституционному строю. На основе этой истории можно построить гипотезы развития стран, только вступивших на путь перехода к конституционализму. Конечно, важным является также изучение истории неудач перехода к конституционализму, например, в африканских странах. История конституционных инноваций дает материал для обобщения и выявления закономерностей движения мира от доконституционного строя к конституционному.

Безусловно, одним из важных разделов конституционной инноватики является сравнительное изучение внедрения конституционных норм в разных странах мира. Важным является не только страновое, но и темпоральное сравнение. По мнению автора, Россия сегодня вновь переживает период становления капитализма и распространения в обществе конституционных идей, который уже прошла в конце XIX в. – начале XX в. Отсюда вытекает предположение о грядущей революции, которая в марксистской литературе называется буржуазно-демократической. Как известно, революции могут быть и бескровными. Они могут происходить «сверху». К сожалению, сравнительное правоведение в России ограничивается сопоставлением только текстов конституционных актов и не уделяет внимания общественным процессам перехода

разных стран от доконституционной стадии к конституционной. Приятным исключением из этого правила является работа А. Н. Медушевского «Теория конституционных циклов» [15].

6. Отдельным направлением исследования внутри конституционной инноватики является конституционная футурология. Будущее стран, не имеющих конституционного строя, можно предвидеть, сравнивая их с конституционными странами на определенных этапах их доконституционного развития. Уже отмечалось, что Китай идет по германскому пути. Здесь капитализм строится сверху, причем под лозунгами коммунизма. Административный класс сам создает своего могильщика в лице собственников капитала. Уже сегодня им разрешено вступать в Коммунистическую партию Китая. Постепенно они превратят государственную бюрократию в свой послушный инструмент и научатся решать сложные для страны вопросы путем согласования и компромиссов через республиканские инструменты, которые постепенно перестанут быть только фикцией. Метод экстраполяции, примененный для изучения последних 300 лет человеческого развития, указывает на то, что конституционные отношения постепенно во всем мире вытесняют доконституционные.

Современная футурология дает сценарии развития будущего мира и отдельных стран. Оптимистичным для распространения конституционализма в мире является сценарий близкого «конца истории». При негативном сценарии доконституционные государства, опираясь на поддержку Китая, просуществуют еще довольно долго. До сих пор глобализация способствовала распространению конституционных отношений в мире. Но сегодня процессы глобализации возглавляются Китаем, который поддерживает диктаторские формы правления в странах, являющихся его сырьевыми придатками. Для руководства Китая иметь дело с коррумпированным диктатором проще, чем с парламентом, выражающим интересы народа.

При определении перспектив развития того или иного общества конституционная инноватика должна прибегать к использованию синергетического подхода. Как известно, использование метода экстраполяции при построении прогнозов развития отдельных стран часто дает ошибку и обеспечивает знание только на ближайшее будущее. Надо иметь в виду, что доконституционные общества, как правило, не умеют избегать кризисов. Их правители сами доводят развитие страны до накала страстей, до революционной ситуации. На каком-то этапе, часто связанном с передачей власти от одного правителя к другому, страна попадает в точку бифуркации. Неизвестно, какой путь она выберет: сделает резкий скачок назад, к своему прошлому, или начнет строить конституционные отношения. Предпосылки обычно есть и для того и для другого. Большую роль здесь может сыграть случайность, решительность лидеров консервативных или прогрессивных сил.

7. Безусловно, знание законов инновационных процессов позволяет конституционной инноватике реализовать прикладные функции. Она может прямо встать на службу политическим силам, заинтересованным в движении страны и мира к конституционным отношениям. Опираясь на имеющиеся знания, политтехнологи могут помогать политикам выработать программы действий, направленных на конституционные реформы, на противодействие силам, мешающим стране двигаться к конституционным идеалам. Конституционная инноватика может указать сторонникам движения к конституционным ценностям возможные пути, средства, приемы и методы достижения поставленных целей. Исследователи должны предложить политикам как минимум две программы. Одна – рассчитанная на движение в рамках устоявшейся «колеи». Другая программа должна начать действовать в случае попада-

ния страны в точку бифуркации. Первая программа включает в себя медленные и, может быть, малозаметные преобразования общества. Вторая программа должна предвидеть решительные действия по овладению власти и нейтрализации антиконституционных сил в точке бифуркации. Здесь встает ряд вопросов о том, с чего начинать. Следует ли начинать реформы с экономических преобразований (ликвидации государственных монополий и редистрибуции, являющихся основой экономического господства административного класса) или в первую очередь произвести демократические преобразования. Очевидно, что общих рекомендаций для всех стран выработать невозможно. Следует учитывать то состояние, в котором находится страна, наличие элит, способных проводить конституционные реформы, наличие социальных групп, готовых их поддержать. Португалия и Испания быстро перешли от диктатуры к конституционному строю, поскольку это были буржуазные страны. Им пришлось изменить только политическую надстройку. Путь России к конституционализму не может быть легким и быстрым. У нас все еще нет ни буржуазной (конкурентной) экономики, ни сильного класса предпринимателей. Как отмечалось выше, построить конституционализм без социально-экономической базы невозможно.

Наибольший интерес для прикладного направления конституционной инноватики представляет теория транзита (А. Пшеворский, Ф. Шмиттер, Х. Линц). Она выделяет социальные силы, способные продвигать демократические преобразования, указывает на попутчиков и противников преобразований [16, с.109–110]. Теория транзита разработала тактику и стратегию движения к демократии, выделила стадии этого продвижения и указала на возможные модели перехода [17].

Программа медленных реформистских действий включает в себя распространение в обществе конституционных идей через образование и воспитание его членов, через пропаганду и агитацию. Необходима выработка технологий осуществления этой деятельности. К сожалению, большая часть юристов поражена болезнью юридического романтизма. Они считают, что достаточно придумать хорошие нормы конституции, и страна тут же начнет жить по-новому. Политологи понимают, что это не так. Массы надо убедить, что новое будет лучше старого. Нужна кропотливая деятельность по внедрению институтов демократии.

Разработка программ внедрения конституционных норм и принципов в жизнь отдельных стран, естественно, должна опираться на опыт стран, уже прошедших этим путем, на методы компаративистики. Понятно, что история не может повториться, но из нее надо взять все полезное.

Интересным для прикладной конституционной инноватики является вопрос о тактике борьбы за конституционные идеалы. Допустимо ли для достижения конституционных целей применять неконституционные средства насилия, обмана, манипуляции общественным мнением. Конституционная идеология носит секулярный характер. Следует ли ее сторонникам прибегать к религиозным способам ее оправдания. На практике это систематически осуществляется. В США борьбе за свободу и республику в конце XVIII в. придавали явно сакральный характер. В условиях имитации конституционного строя правящая группа принимает конституционный акт, содержащий в себе явно неконституционные нормы, законы антиконституционного характера. Используя риторику правового государства, она требует от членов общества подчиняться этим неконституционным нормам. Понятно, что эта риторика может обмануть только наивных людей. Борьба за право [18, с. 22, 65–74], за конституционализм требует от их сторонников сделать все, чтобы устранить эти антиконституционные нормы конституции и законов. Борьба за власть часто требует от сторонников республики и демо-

кратии идти на компромиссы с явно антиконституционными силами. Вопрос о допустимости этого носит ситуативный характер. Надо иметь в виду, что мир не делится на «хороших» сторонников конституционализма и «плохих» антиконституционалистов. Национализм не обязательно превращается в нацизм. Не все «левые движения» требуют установления диктатуры.

Исторические процессы всегда отчасти носят открытый, а отчасти скрытый характер. Естественно, в условиях авторитарных режимов подготовка общества к конституционализму вынуждена уходить в тень. Она должна осуществляться скрытно, не вызывая подозрения у правящего административного класса. Конечно, следует принимать возможные меры для раскола самого этого класса, выделения в нем так называемой либеральной группировки, готовой на сотрудничество с обществом [16, с. 681–685].

8. Отдельный раздел внутри конституционной инноватики посвящается изучению глобальных процессов развития человечества. Очевидно, что конституционные страны постараются преобразовать весь мир по своему образу и подобию. В этом заинтересована буржуазия этих стран. Она стремится создать глобальный рынок, на котором капиталы свободно перемещаются из страны в страну и имеют везде одинаковую защиту. Идеология гуманизма, присущая конституционным странам, требует одинаковой защиты прав и свобод человека и гражданина, где бы он ни находился. Мир прошел тот период, когда войны приносили огромные доходы. Сегодня большая часть буржуазии не хочет войны. Конституционные страны больше не воюют между собой. Угроза миру исходит от стран, где по-прежнему господствуют административные элиты и правители с отклонениями в психике способны начать войну с соседями для реализации своих честолюбивых планов. Исходя из этого, конституционная инноватика должна предложить политикам пути трансформации отсталых стран. Она должна дать оценку эффективности применяемых сегодня технологий воздействия на доконституционные страны. В частности, не решен вопрос о допустимости применения насилия против диктаторов отдельных стран, которое неизбежно выливается в применение военной силы.

Мировая практика борьбы с антиконституционными режимами широко применяет метод санкций. Эти санкции могут быть направлены не только против конкретных представителей правящих режимов, но и против страны в целом. Наука должна оценить эффективность этих мер для внедрения конституционных норм в отсталые страны. Очевидно, что рост бедности в стране, против которой применяют санкции, может вызвать возмущение населения против своей правящей группы, но вряд ли приведет к переходу страны к конституционным отношениям. Бедные не являются социальной базой конституционализма [19, с. 5].

Все указанные выше подходы к конституционной инноватике могут быть применены к исследованию внедрения отдельных элементов конституционализма: республики, демократии, прав человека, правового государства, федерализма и местного самоуправления. Естественно, изучение борьбы за права человека и гражданина разбивается на исследование борьбы за политические права, за права женщин, детей, меньшинств и т. д.

Итак, в рамках политологической науки России появилось новое направление научных исследований – «конституционная инноватика». У него большое будущее, и оно ждет своих исследователей.

Ссылки / References

1. Денисов С. А. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 608 с.
2. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: Теис, 2000. 21 с.
3. JPMorgan: борьба с изменением климата больно ударит по России и другим странам // ProFinance. 18.09.2020. URL: <https://profinance.ru.turbopages.org/profinance.ru/s/news/2020/09/18/bzgz1-jpmorgan-borba-s-izmeneniem-klimata-bolno-udarit-po-rossii-i-drugim-stranam-em.html> (дата обращения: 12.11.2020).
4. Денисов С. А. Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. 684 с.
5. Денисов С. А. Конец истории откладывается на неопределенный срок // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 22–33.
6. Денисов С. А. Великая административная революция 1917–1920 гг. в России // Проблемы истории общества, государства и права. Сборник научных трудов. Вып. 10. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 221–253.
7. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России: монография. В 3 т. Т. 2. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 411 с.
8. Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Восточная литература, 2009. 494 с.
9. Конституции социалистических государств. Сборник в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1987. 336 с.
10. Денисов С. А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018–2019.
11. Денисов С. А. Конституционная девиантология (общая теория): В 3 кн. Книга 1. Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. 594 с.
12. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России: монография. В 3 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. 348 с.
13. Barak A. Unconstitutional Constitutional Amendments // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. № 3. P. 321–341.
14. Из истории конституционализма в России: проекты и конституции XVIII–XX веков: к 20-летию Конституции Российской Федерации. СПб.: Президентская библиотека, 2014. 106 с.
15. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 576 с.
16. Пшеворский А. Переходы к демократии. Глава VII. Власть верховная и управительная // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 1999. С. 681–685.
17. Карл Т. Л., Шмиттер Ф. К. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Karl_2004_4.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
18. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Парогъ, 1993. 235 с.
19. Липсет С. М., Сен К-Р., Торрес Д. Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.10. С. 5–17.

Regional identity in the minds of young people in Siberia and the Far East

D. A. Kazantsev¹, D. A. Kachusov¹

¹Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-134-145

Research Article
Full text in Russian

Currently, in both Russia and the world, the globalization is extending. The worldwide information field is in the process of formation, and many developed communities are going through blurring. At the same time, the new reasons for people to unite into the groups are arriving, and new communities tend to appear. The dynamic development of such term as identity had created numerous approaches and ways to define it, based on social, cultural and psychological peculiarities. The situation is common, in which the individuals that exist in the same social environment own many different identities, forming their bonds according to their needs. The problem of identity in Russia in particular is nevertheless acute, remaining open to discussion. The regions of the Russian Federation are more diverse due to the natural and territorial differences, as much as historical and social ones. Thus, Siberia and Far East are much more different than the European part of Russia in terms of social, ethnical and cultural aspects, therefore, the self-presentation of people also tends to differ. The goal of this research is to find the dominating identity among the student youth of Siberian and Far Eastern Federal Districts, to estimate the correlations in different types of identity, to shape the whole picture of self-identification among school and university students. The mass sociological study provides the objective and precise data on value-based cultural orientation inside the community under study, and to collect massive data for further analysis. The results of this research are to help and define the local specifics regarding social-political self-identification.

Keywords: regional identity; self-identification; the youth; students; crisis of identity; the Russians; region; distinctness

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazantsev, Dmitry A. | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(correspondence author) | Graduate, senior lecturer

Kachusov, Dmitry A. | E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru
Senior lecturer

Funding: RFBR, project 20-011-31061.

For citation: Kazantsev D. A., Kachusov D. A. Regional identity in the minds of young people in Siberia and the Far East // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 134-145. (in Russ.)

Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока

Д. А. Казанцев¹, Д. А. Качусов¹

¹Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-134-145
УДК 32.019.52

Научная статья
Полный текст на русском языке

В настоящее время в России и мире углубляется процесс глобализации, формируется общемировое информационное пространство, происходит постепенное размывание многих уже сформированных сообществ. В то же время возникают новые основания для объединения людей и новые социальные общности. Динамическое развитие явления идентичности породило множество подходов к ее определению, базирующихся на различных основаниях социального, культурного, психологического характера. Повсеместно можно наблюдать ситуацию, когда существующие в одной социальной среде индивиды разделяют множество разных идентичностей, формируя привязанности согласно своим жизненным потребностям. Проблема идентичности в России также носит не менее глубокий характер и по сей день остается дискуссионной. Регионы Российской Федерации обладают большим разнообразием как в силу природно-территориальных, так и в силу исторических и социальных различий. Сибирь и Дальний Восток в значительной мере отличаются от европейской России по социальным, этническим и культурным характеристикам, соответственно, различаются и самопрезентация жителей данных регионов. Исследование призвано определить доминирующую идентичность в среде учащейся молодежи Сибирского и Дальневосточного Федерального округа, рассмотреть соотношение в сознании различных типов идентичности, сформировать целостное представление о самоидентификации школьников и студентов. Массовое социологическое исследование позволяет наиболее объективно и точно взять срез ценностно-культурных ориентиров в сознании изучаемой социальной группы, получить большой объем материала для дальнейшего анализа. Результаты данного исследования должны помочь в установлении местной специфики в вопросе социально-политической самоидентификации.

Ключевые слова: региональная идентичность; самоидентификация; молодежь; школьники; кризис идентичности; россияне; регион; самобытность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанцев, Дмитрий Анатольевич | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Аспирант, старший преподаватель кафедры политологии

Качусов, Дмитрий Анатольевич | E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru
| Старший преподаватель кафедры политологии

Финансирование: РФФИ, проект № 20-011-31061 «Модели и траектории политической идентификации школьников и студентов регионов РФ в условиях информационного общества (на примере регионов СФОИДФО)».

Для цитирования: Казанцев Д. А., Качусов Д. А. Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 134-145.

Введение

В настоящее время процессы информатизации, глобализации, рост уровня мобильности и плотности социальных связей приводят к трансформации всех сфер жизни человечества. Буквально в пределах одного поколения изменяется социально-культурная структура даже традиционных обществ, представления о положении человека в обществе и мире. Процессы общей глобализации, особенно заметные в развитых странах, вызвали к жизни кризис традиционных оснований идентичности. В то же время увеличение числа сетевых связей на низовом уровне, появление новых оснований для объединения приводит к появлению целого ряда «новых идентичностей», которые накладываются друг на друга и переплетаются друг с другом.

В России кризис идентичности проявился в не меньшей степени, в том числе и в связи с радикальным изменением принципов организации экономической и политической жизни, перекройкой территориальных рамок государства в начале 90-х гг. XX в., изменением статуса страны в системе международных отношений. Важными проявлениями идентификационного кризиса в России выступают мировоззренческий раскол общества, продолжающиеся поиски национальной идеи, адекватной новым социально-экономическим условиям, разрушение сложившейся структуры социально-пространственной идентичности.

Нередко в силу вышеозначенных причин на первый план выдвигается вместо национальной или государственной идентичности ее менее масштабный эквивалент – локальная или региональная идентичность. Она проявляется в самоотождествлении человека со своей малой родиной, с местом проживания, является важным психологическим компенсатором размывания ценностных ориентиров. Региональная идентичность позволяет поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или символические опоры. Данный процесс может идти как сознательно, так и неосознанно, как противовес размытым и непонятым ориентирам «глобального мира».

Прежде всего идентичность рассматривается учёными как социально-культурный феномен, сочетание индивидуального и коллективного действия, позиционирование себя относительно других индивидов и групп. Российский исследователь В. А. Ядов указывает, что основной механизм социальной идентификации – это сопоставление взглядов, ценностей, оценок, интересов, моделей поведения своей и враждебной группы. Однако он отмечает динамизм и множественность социальных взаимосвязей в современном обществе, а также возросшее ввиду перманентных кризисов и нестабильности стремление индивидов к групповой идентификации и солидарности. Это вызывает к жизни феномен сосуществования множества идентичностей, происходит «демократизация идентичности», индивид признает за собой и другими право выбирать свою идентичность и самостоятельно солидаризироваться одновременно с несколькими группами и общностями. Идентичности разного уровня и основания могут существовать одновременно, хотя можно выявить их иерархичность [1, с. 39].

Л. В. Смирнягин характеризует идентичность как основание самосознания индивида, как восприятие им социальной действительности, ассоциация себя с определенной группой на основании общности интересов и признаков. Он также говорит о многослойности и «перекрывании» различных идентичностей, которые могут выбираться самим индивидом и находиться в разных формах взаимосвязи [2, с. 34–35, 37].

Л. М. Дробижева под идентификацией понимает интерактивные процессы, через которые осуществляется самопонимание и возникает коллективная солидарность. Она происходит в процессе взаимодействия, коммуникации, конфликтов между сообществами различного уровня и фактором, способствующим интеграции и консолидации больших сообществ [3, с. 39–41]. Б. С. Ерасов, исследуя вопросы идентичности второй половины XX в., отмечал нарастание в них значения социокультурных факторов в ущерб «материальным». Он считает, что термин «самобытность» больше подходит для изучения вопросов самоопределения граждан и отождествления себя с определенной социальной группой или средой, к тому же он связан с понятиями «традиция», «специфика» и пр. Термин «идентичность» более узкий и обозначает внутреннюю определенность и самосознание личности или общности [4, с. 281–282].

В концепции Г. Брейкуэлла идентичность рассматривается как динамический социальный продукт взаимодействия памяти и сознания. Исследователь подчеркивает социальное происхождение идентичности, она рассматривается как соотношение личностной и социальной, причем первая – точка в процессе развития последней. Но личностная идентичность может влиять на социальную, поскольку они взаимодействуют и развиваются на протяжении всей жизни человека в соответствии с изменениями социального контекста [5, с. 19–20, 28–29]. Р. Брубейкер и Ф. Купер также рассматривают идентичность в динамике как процесс интерактивного развития коллективного самосознания. Она – продукт социального или политического действия, формирующий феномен коллективной солидарности внутри определенной группы. Идентичность – явление не статичное и многоаспектное, на котором основываются коллективное сознание и коллективное поведение, поэтому исследователи предлагают для ее описания термины, указывающие на это: самопонимание, социальная локализация, связанность, общность и т. д. [6, с. 17, 43–44].

Исследователь М. П. Крылов определяет региональную идентичность как социокультурный феномен, систему социальных отношений, строящуюся вокруг понятия «малая родина» и включающую два основных компонента: «местный патриотизм» и «пространственная самоидентификация». Исследователь подчеркивает, что в России местная идентичность носит «глубинный» характер, являясь характеристикой ментальности человека, его мировосприятия и мировоззрения [7, с. 13, 18–19]. Р. Ф. Туровский также связывает региональную идентичность с групповым сознанием локальных сообществ, отмечая, что в России главной проблемой исследования остается пространственная «привязка» идентичностей, так как для различных социальных общностей характерна своя локализация. Он указывает, что чаще всего региональная идентичность опирается на принадлежность к территориально-административным единицам [8, с. 94–95]. Оба исследователя указывают, что в России не сложилось т. н. «исторических провинций» с развитым своеобразием, региональная идентичность долгое время подавлялась, происходила унификация внутренних культурных различий в рамках нации, и в настоящее время предпосылки для ее формирования довольно призрачны.

Позиция ряда авторов по вопросу понимания идентичности отталкивается от социально-психологических определений. Российский исследователь В. Г. Морозин рассматривает идентичность как «архетипический комплекс», систему социально обусловленных установок. Данные конструкты наполняются потребностным содержанием отдельных индивидов, социальных групп или этносов, служа маркерами принадлежности к определенной общности [9, с. 250–251]. Н. Н. Анисимова

также характеризует идентичность с социально-психологических позиций и указывает, что данный термин более широкий, чем «самобытность». Это сложный конструкт, который представляет собой сочетание самобытности (т. е. индивидуальности, уникальности) и самосознания. Самосознание, в свою очередь, – отражение самобытности в сознании реального социокультурного субъекта [10, с. 64].

Е. В. Еремина определяет идентичность как сложное психосоциальное состояние, отражающее отождествление индивидом себя с сообществом, его понимание принадлежности к определенной целостности. Региональная идентичность – это гармоничное сочетание индивидуальных особенностей отдельной личности и ее включенности в локальные социумы. Также исследователь отдельно выделяет более узкое понятие «региональная идентификация», отражающее динамический процесс формирования и функционирования собственно идентичности [11, с. 311–312].

Определение идентичности дается также через понятие «чувство места», которое существует и в иностранной, и в отечественной исследовательской литературе. Британский географ Т. Крессуэлл [12, с. 72, 75–76] и российский исследователь Ю. А. Жердева [13, с. 10–11] рассматривают понятие «чувство места», или «sense of place», понимая «место» не как точку в пространстве, а как социальный конструкт. «Чувство места» обозначает реакцию индивида на его окружение, его способность ассоциировать себя с локальными сообществами и группами. Значение «чувства места» в социальной жизни в том, что оно возникает посредством создания взаимосвязей, как реальных, так и символических. Место проживания вызывает у жителей сходные переживания, что выражается в эмоционально окрашенных реакциях него и связанных с ним образов.

З. Бауман также указывает, что идентичность места формируется за счет чувства привязанности к месту – комплекса связей, образованных общностью проживания, культуры, языка и т. д. Здесь важна не только принадлежность к определенной территории, но и возможность человека идентифицировать себя, получать опыт совместного сосуществования, укреплять связи внутри своего сообщества. Идентичность места и чувство общности с локальной группой, по мнению автора, создают у индивида ощущение безопасности и чувство свободы [14, с. 175–176, 187–188].

Процессы атомизации и эрозии традиционных оснований групповой общности в современном мире вызывают к жизни представление об утрате актуальности прежнего понимания идентичности и критериев ее выделения. В этой связи становятся актуальны теории конструирования идентичности, сформулированные И. Гофманом, Б. Андерсеном, и И. Нойзманом. И. Гофман указывает на «внешнюю» направленность самоидентификации, под ней он понимает процесс репрезентации индивидов по отношению к другим людям, позволяющий защититься от «стигматизации» – приписывания себе негативных характеристик. Принятие определенной идентичности – это способ оказать влияние на мнение окружающих о себе и найти ту общность, в которой человек не будет чувствовать себя ущемленным [15, с. 15–18].

Б. Андерсон вообще называет все социальные объединения людей, кроме первобытных, воображаемыми, так как они формируются на основе определенного образа общности. Соответственно, возникает идентичность только в процессе взаимодействия с другими членами сообщества и сторонними группами [16, с. 47–49]. И. Нойманн подчеркивает, что коллективные идентичности можно рассматривать только в связи с социальным окружением, где и формируются отличительные черты, позволяющие отграничить субъект от «других». Идентичность по своей природе –

продукт межгруппового взаимодействия, и ее возникновение, изменение и поддержание тесно связаны с взаимоотношениями с другими субъектами [17, с. 67–68].

Исследователи П. Бергер и Т. Лукман указывают, что в настоящее время самоидентификация является не только инструментом внутренней рефлексии индивида, но и призмой, через которую он рассматривает и оценивает свое бытие. Более того, идентичность в современном мире выступает фактором, который способен воздействовать даже на жизнь человека в обществе, его связи и действия и таким образом изменять объективные социальные структуры. Идентичность обеспечивает смысловое наполнение повседневности индивида: «Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального» [18, с. 17].

Множественность социальных субсистем, к которым может принадлежать современный человек, приводит к росту числа идентичностей, которые он разделяет. В связи с этим российские исследователи Г. М. Галмагова и М. Н. Кокаревич обращаются к концепции Х. Койпа, который предложил понятие «лоскутная идентичность» (patchwork-identity), концентрируясь на повседневной деятельности по выстраиванию идентичности. Идентичность рассматривается как личный проект, в котором человек упорядочивает для себя фрагменты опыта собственной активности. Лоскутную идентичность следует понимать как открытый постоянный процесс, происходящий на протяжении всей жизни человека, отличительной особенностью которой является многополярность [19, с. 55–56].

Распространение интернет-сервисов для межличностного общения порождает разнообразные трансформации идентичности. Глобальная сеть представляет огромные возможности для яркой и уникальной самопрезентации, а также позволяет частично изменить сведения о себе и даже сконструировать новую сетевую идентичность для каждого нового случая. Виртуальная реальность дает индивиду возможность сформировать идеальный образ себя, даже если он не совместим с реальным [20, с. 122–123]. Чтобы отразить несогласованность идентичностей физического лица и виртуального образа, вводятся новые, «сетевые» или «виртуальные» их понимания, например, «сетевая идентичность», «виртуальная идентичность», «мобильная идентичность», «электронная идентичность» [21, с. 5].

Конструктивистский подход к пониманию идентичности разделяет отечественный исследователь Г. Л. Тульчинский. Основной единицей современного глобализирующегося общества становится личность как видоизменяемый и не статичный проект, который может быть результатом как собственных усилий, так и коммуникационного воздействия других субъектов. Несмотря на то, что это не приводит к отказу от сложившейся системы ролевых идентификаций, роли становятся прежде всего средством, используемым для формирования себя как «бренда». Идентификационная специфика индивида или группы выражается через формирование многочисленных связей и образов, а самоидентификация становится не конечной целью, а инструментом для реализации личностного потенциала [22, с. 88–89].

Таким образом, подходы к определению региональной идентичности и выявлению ее наиболее базовых оснований довольно разнообразны. Исследователи отталкиваются от различных ее характеристик, рассматривая данное явление как динамический процесс формирования коммуникационных связей в рамках определенной территории; как аналог «самобытности» – наличия уникальных социально-культурных особенностей различных социальных групп; как социально-психологический феномен общности с локальными сообществами; как сознательно конструируемую индивидами характеристику социальной реальности. Можно дать

обобщенное определение понятию «региональная идентичность» – это характеристика сознания и поведения, основанная на комплексе взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов социального, культурного и психологического характера, отражающих привязанность индивида к определенному региону, где он проживает или проживал, и связанных с ним социальных общностей. Кроме того, крайне важно помнить, что региональная идентичность является приобретаемой и не является взаимоисключающей – она может успешно сосуществовать с другими видами идентичности.

Методы

Как мы видим, проблема идентичности в общественных науках является актуальной в наше время и находится в центре внимания исследователей. Сибирь и Дальний Восток представляют особый интерес для изучения в силу сложности этнокультурного ландшафта и разницы в экономико-географическом положении составных частей исследуемого региона. Также при обращении к этим территориям нельзя не заметить асимметричности в развитии региональных политических систем, из-за чего в рамках одной страны можно наблюдать различные их модели и различные типы гражданского поведения. Отталкиваясь от заявленной тематики работы и теоретической базы по тематике идентичности, можно сформулировать ряд задач, на которые нужно дать ответы в ходе исследования.

Во-первых, необходимо определить, какой тип идентичности превалирует в сознании учащейся молодежи, проживающей на исследуемой территории. Также необходимо уточнить, с каким уровнем социальных структур (нация, регион, макрорегион и др.) связывается идентичность и можем ли мы вообще говорить о наличии региональной идентичности.

Во-вторых, ввиду наличия в исследуемом регионе разных типов субъектов Федерации представляется необходимым определить наличие или отсутствие различий в картине самоидентификации населения национальных (республики) и административно-территориальных (края и области) образований.

В-третьих, дать ответ, существует ли зависимость между представлениями о собственной идентичности и социально-демографическими (пол, возраст, регион проживания) и ценностно-политическими предпочтениями опрошенных респондентов. Данная задача позволит оценить причинно-следственные связи, влияющие на формирование идентичности молодежи, а также ее динамику у разных возрастных групп.

Дать ответы на поставленные задачи возможно только на основании обширного эмпирического материала. В этих целях в сентябре–октябре 2020 г. был проведен очный опрос учащейся молодежи средних и высших образовательных учреждений методом квотного, гнездового анкетирования. Совокупность выборки составляет 2409 человек – учащихся 8–11 классов школ и студентов 1–2 курсов вузов, из них – 1271 мужчин, 1138 женщин. Опрос проводился в 11 субъектах Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа Российской Федерации, как национально-территориальных – Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия (384 респондента), так и административно-территориальных – Новосибирская область, Иркутская область, Кемеровская область, Красноярский край, Алтайский край, Приморский край, Камчатский край, Забайкальский край (2025 респондентов).

Поиск и выделение признаков идентичности произведены путем выделения в анкетах респондентов «ответов-маркеров», связанных с тематикой самоидентификации индивидов. Для обработки полученных статистических материалов использовалась программа SPSS, полученные результаты при необходимости визуализировались в графическом виде.

Результаты

На вопрос «Кем вы себя в большей степени ощущаете?» (выбор респондентом до 3 вариантов ответа) 1200 опрошенных ответили «россияне» (49,81 % от общего числа), 924 опрошенных (38,36 %) выбрали вариант «Сибиряком/Жителем Дальнего Востока», 752 опрошенных выбрали вариант «Жителем своего города (района)» (31,22 %). Далее «Гражданином мира» идентифицируют себя 669 респондентов (27,77 %), «Жителем своего региона» – 552 респондента (22,91 %), «Представителем своего этноса (русский, украинец и т. п.)» – 476 респондентов (19,76 %), «Представителем своей конфессии» – 142 респондента (5,89 %), вариант «Другое» выбрал 71 человек (2,95 %).

Если отслеживать зависимость между делением респондентов по полу и их идентификационными предпочтениями, то придется отметить, что не наблюдается устойчивой связи. Исключение составляет случай с идентификацией себя «Жителем своего города (района)», где разница показателей с делением по полу составляет около 3,5 % от средней, что демонстрирует диаграмма на рис. 1.

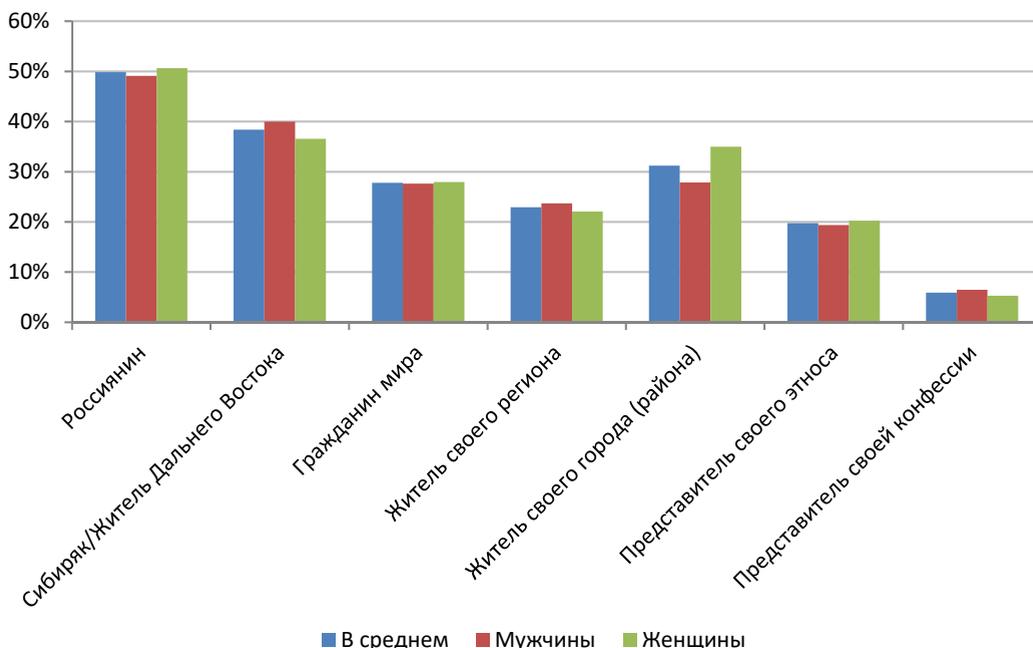

Рисунок 1. Распределение идентификационных предпочтений школьников 8–11 классов и студентов 1–2 курса СФО и ДВО.

Связь между возрастными характеристиками (8–11 классы, 1–2 курс вузов) опрошенных респондентов и их идентификационными предпочтениями демонстрируется на рисунке 2. В целом выраженной связи между возрастными изменениями опрошенных респондентов и динамикой выбираемой ими идентификации не наблюдается, однако можно выявить несколько особенностей, которые наглядно демонстрирует график. Во-первых, необходимо отметить постепенное повышение по мере взросления (от 8 класса к 2 курсу вуза) доли респондентов, идентифицирующих себя с макрорегионом – Сибирью или Дальним Востоком. От показателей 8, 9, 10 классов с данными 34,60 %, 32,34 % и 37,15 % соответственно в 11 классе показатель изменяется на 42,08 %, а в дальнейшем составляет 46,40 % и 45,85 % на 1 и 2 курсе. Во-вторых, значительно снижается процент отождествляющих себя с местом проживания (городом или районом) среди студентов вузов относительно школьников. Постепенное понижения уровня местной идентификации к выпускному классу в школе: 35,31 %, 33,28 %, 33,24 % и 30,37 % сменяется резким «провалом» на первом курсе университета, всего 21,94 %, но вновь начинает расти на втором курсе (28,06 %). В-третьих, максимум идентификации себя как части своего этноса, с одной стороны, и «гражданина мира», с другой, приходится на 11 класс, возрастая в период обучения в школе и снижаясь в вузе.

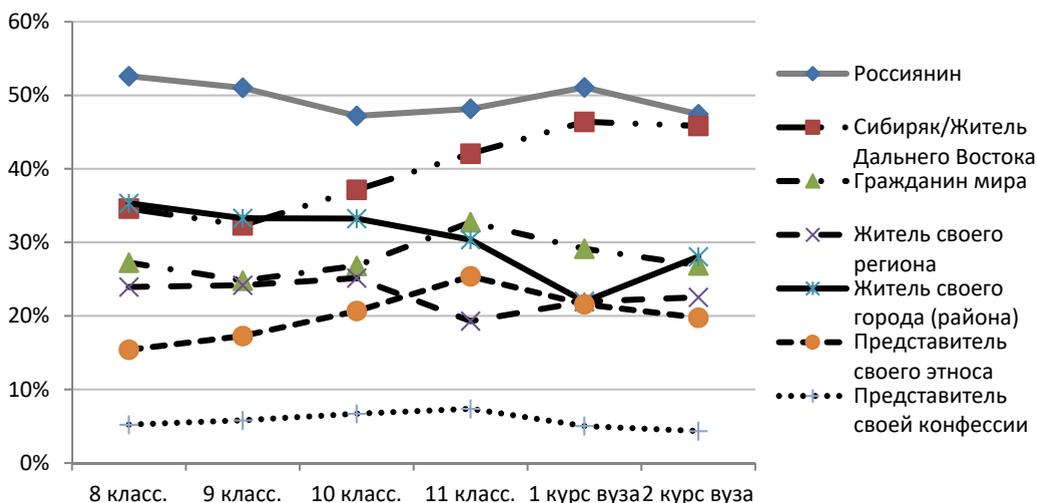

Рисунок 2. Возрастная динамика идентичности школьников 8–11 классов и студентов 1–2 курса СФО и ДВО.

Также следует рассмотреть ответы респондентов на вопрос «Назовите, что из перечисленного больше всего объединяет вас со всеми россиянами?». Большинство, 1088 опрошенных (45,16 %), назвало главным объединяющим фактором «Государство». Далее респонденты поставили «Родной язык» – 871 человек (36,16 %), «Родная земля, территория, природа» – 803 человека (33,33 %), «Культура» – 653 человека (27,11 %), «Обычаи, праздники» – 583 человека (24,20 %), «Историческое прошлое» – 575 человек (23,87 %). Варианты «Ответственность за судьбу страны», «Общие символы (флаг, герб)», «Родственные и дружеские связи» и «Черты характера» выбрали,

соответственно, 461, 457, 396 и 226 опрошенных, а 113 ответили, что «Ничего не объединяет».

Если проследить связь преобладающей идентификации с типом региона, в котором проживают респонденты, то необходимо выделить две основных группы субъектов: административно-территориальные и национальные единицы. В первых распределение доминирующих типов идентичности происходит в следующем порядке: «Россиянин» (49,09 %), «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (38,81 %), «Житель своего города (района)» (30,62 %), «Гражданин мира» (28,3 %), «Житель своего региона» (21,73 %), «Представитель своего этноса» (18,17 %), «Представитель своей конфессии» (5,98 %) и «Другое» (3,36 %). В республиках картина распределения идентичностей следующая: «Россиянин» (53,65 %), «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (35,94 %), «Житель своего города (района)» (34,38 %), «Житель своего региона» (29,17 %), «Представитель своего этноса» (28,13 %), «Гражданин мира» (25,00 %), «Представитель своей конфессии» (5,47 %) и «Другое» (0,78 %).

Таким образом, в республиках несколько выше, чем в краях и областях, уровень общегосударственной (россияне) и локальной (город/район) идентификации и ниже уровень отождествления себя с макрорегионами (Сибирью и Дальним Востоком) и с «гражданином мира». Значительная разница наблюдается в показателях самоидентификации по признаку принадлежности к региону и этнической группе – в национальных субъектах данные показатели выше, чем в административных.

Ответы на вопрос о наиболее близких политических взглядах распределились следующим образом. Затруднилось ответить на этот вопрос 28,1 % от общего числа опрошенных, вариант «смешанные» выбрали 23,1 % респондентов, указали, что не имеют политических убеждений, 18,1 %. Четкие идеологические предпочтения имеет меньшее число опрошенных: социально-демократические – 10 %, либеральные – 10,7 %, коммунистические – 4,5 %, анархистские – 1,8 %, консервативные и националистические – по 1,5 %.

Анализ самых распространенных вариантов идентификации среди представителей различных идеологий демонстрирует следующие предпочтения. Среди коммунистов преобладают выбравшие вариант «Россиянин» (50,93 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (41,67 %) и «Житель своего города (района)» (27,78 %). Приверженцы социал-демократических воззрений чаще выбирают пункты «Россиянин» (50,62 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (42,32 %) и «Гражданин мира» (28,22 %). Среди сторонников либеральных взглядов большинство выбирает «Россиянин» (42,80 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (37,74 %) и «Гражданин мира» (33,85 %). Консерваторы прежде всего указывают в качестве предпочитаемых «Россиянин» (61,11 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (41,67 %) и «Житель своего региона» (27,78 %).

Сторонники националистических воззрений чаще других выбирают «Россиянин» (48,57 %), затем «Гражданин мира» (45,71 %) и «Житель своего региона» (42,86 %), но как ни парадоксально, отождествляют себя с этносом всего 22,86 % респондентов. Разделяющие идеологию анархизма в качестве самоидентификации указывают варианты «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (36,36 %), затем «Россиянин» (31,82 %) и «Гражданин мира» (29,55 %). Люди со смешанными политическими воззрениями характеризуют себя как «Россиянин» (51,35 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (41,11 %) и «Гражданин мира» (31,78 %). Следующие две категории респондентов демонстрируют схожую динамику представлений о собственной идентификации. Не имеющие политических предпочтений респонденты

определяют свою идентичность как «Россиянин» (48,97 %), затем «Житель своего города (района)» (37,47 %) и «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (36,32 %). Затруднившиеся ответить выбрали варианты «Россиянин» (52,37 %), затем «Сибиряк/Житель Дальнего Востока» (38,61 %) и «Житель своего города (района)» (36,69 %).

Выводы

По результатам анализа материала мы можем прийти к следующим выводам. Во-первых, со значительным преимуществом в сознании молодежи доминирует общероссийская идентичность, что вполне объясняется историко-культурными особенностями складывания российского общества, когда данный тип идентичности формировался преимущественно по отношению к остальным. Подтверждает данный тезис и то, что в качестве объединяющего россиян фактора чаще всего называют вариант «государство», независимо от политических предпочтений (кроме анархистов).

Во-вторых, развитие региональной идентичности в республиках выше, чем в ненациональных территориальных единицах, наблюдается гораздо более высокий уровень идентификации на основании принадлежности к региону и этнической группе. Данный факт, очевидно, является следствием особенностей этнонациональной структуры и условий жизни исследуемых регионов.

В-третьих, мы видим, что число опрошенных, идентифицирующих себя как жители Сибири и Дальнего Востока, превышает число тех, кто связывает свою идентичность с субъектом Федерации. Это указывает, что региональная идентичность связана не с субъектом Федерации, как указывал ряд отечественных исследователей, а с макрорегиональными территориальными структурами, своего рода «историческими провинциями» России – Сибирью и Дальним Востоком.

В-четвертых, можно выделить возрастную динамику показателей идентичности у школьников старших классов и студентов. Происходит постепенное повышение по мере взросления доли респондентов, идентифицирующих себя с надрегиональным уровнем, одновременно в студенчестве значительно снижается процент отождествляющих себя с местом проживания (городом или районом) относительно школьников.

В-пятых, существует связь между идеологическими предпочтениями молодежи и их идентичностью, например, представители консервативных взглядов идентифицируют себя как россиян чаще, чем представители либеральных и анархистских взглядов, в то же время «анархисты» и «либералы» чаще говорят о себе как о «человеке мира», чем консерваторы или коммунисты.

Ссылки / References

1. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–51.
2. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А. Ю. Мельвиля. Т. 2. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 81–107.
3. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
4. Ерасов Б. С. Цивилизации универсалии и самобытность. М: Наука, 2002. 524 с.

5. Breakwell M. Coping with threatened identities. London; New York: Methuen, 1986. 222 p.
6. Brubaker R. Ethnicity without groups. Hoboken: Wiley, 2003. 296 p.
7. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
8. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Моск. центр Карнеги; под ред. М. Макфола и А. Рябова. М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.
9. Морогин В. Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 233–253.
10. Анисимова Н. Н. Культурная, национальная и цивилизационная идентичность // KANT. 2019. №2 (31). С. 163–167.
11. Еремина Е. В., Ретинская В. Н. Региональная и гражданская идентичность: взаимосвязь и механизмы формирования // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 310–317.
12. Cresswell T. Place: A short introduction. Oxford, 2009. 153 p.
13. Жердева Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 5–11.
14. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
15. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М. С. Добряковой // Высшая школа экономики: сайт. [2021]. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 26.02.2021).
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышление об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
17. Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
19. Галмагова Г. М., Кокаревич М. Н. Типология форм социокультурной идентичности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2018. № 3 (30). С. 48–60.
20. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124.
21. Лысак И. В., Косенчук Л. Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник +, 2016. 147 с.
22. Тульчинский Г. Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности // Символическая политика: сборник научных трудов / Под ред. О. Ю. Малинова. Вып. 5: Политика идентичности. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 80–97.

Territorial differentiation of public sentiment in modern Georgia (the experience of sociological survey)

M. N. Shestakova¹

¹MGIMO University, 76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-146-157

Research Article
Full text in Russian

At the end of October 2020, parliamentary elections took place in Georgia. Another electoral cycle has started. What will it bring in terms of bilateral relations between Russia and Georgia? After the end of the election campaign, a sociological survey was conducted among residents of the neighboring state in order to clarify their attitude towards Russia, its potential impact on the election campaign, and possible ways of developing relations between the two states. Based on the results of the survey, the author finds out whether there is a territorial differentiation of public opinion on these issues. Is it possible to identify the "neighborhood effect" in relation to Russia? The research paper is an integral part of a large multi-year project, which studies the probable transformation of the electoral behavior of residents of the states bordering Russia. The author comes to the conclusion that despite the existing considerable political contradictions between the two states, there is a great potential for good neighborhood relations, expressed in the prevailing positive public opinion regarding the neighboring state. The regions of Georgia bordering Russia do not demonstrate any particular loyalty. It was possible to identify territorial differences in public opinion along the North-South line, which require additional research.

Keywords: Georgia; Russian Federation; parliamentary elections; Russian-Georgian relations; public opinion poll; territorial differentiation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shestakova, Marianna N. | E-mail: m.shestakova@my.mgimo.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (Geography)

Funding: Russian Science Foundation, Project No. 19- 78-10004 "Transformation of Electoral Behavior in the Regions of Foreign Countries Bordering the Russian Federation: Comparative Spatial Analysis".

For citation: Shestakova M. N. Territorial differentiation of public sentiment in modern Georgia (the experience of sociological survey) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 2. P. 146-157. (in Russ.)

Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса)

М. Н. Шестакова¹

¹МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-146-157

УДК 32.019.52

Научная статья

Полный текст на русском языке

В конце октября 2020 г. в Грузии состоялись парламентские выборы. Стартовал очередной электоральный цикл. Что принесёт он в плане взаимоотношений России и Грузии? После окончания избирательной кампании был проведён социологический опрос среди жителей соседнего государства с целью выяснения их отношения к России, её потенциального влияния на избирательную кампанию, возможных путей развития взаимосвязей двух государств. Опираясь на результаты анкетирования, автор исследует наличие территориальной дифференциации общественного мнения по данным вопросам. Возможно ли выявить «эффект соседства» по отношению к России? Исследование является составной частью большого многолетнего проекта по изучению вероятной трансформации электорального поведения жителей пограничных с Россией государств. Автор приходит к выводу, что, несмотря на довольно серьёзные политические противоречия между двумя государствами, существует большой потенциал добрососедских отношений, выражающийся в преобладающем позитивном общественном мнении по отношению к соседнему государству. Приграничные с Россией регионы Грузии не проявляют какой-либо особой лояльности. В работе также выявлены территориальные различия в общественном мнении по линии Север – Юг, которые требуют дополнительного исследования.

Ключевые слова: Грузия; Российская Федерация; парламентские выборы; российско-грузинские отношения; опрос общественного мнения; территориальная дифференциация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестакова, Марианна Николаевна | Е-mail: m.shestakova@my.mgimo.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат географических наук

Финансирование: РФ, грант № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ», реализуемый научным коллективом МГИМО МИД России.

Для цитирования: Шестакова М. Н. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 146-157.

Введение

Начиная с весны 1989 г. и до последнего времени отношения между Россией и Грузией остаются достаточно сложными. Весомое противоречие, не позволяющее говорить о взаимном доверии в ближайшей и отдаленной перспективе, – это призна-

ние Россией двух бывших регионов Грузии, Абхазии и Южной Осетии, в качестве независимых государств после событий 2008 г. Тем не менее время затягивает даже самые глубокие раны, и зачастую прагматический подход и здравый расчёт берут верх над сильными, неизлечимыми обидами и эмоциями. В течение последнего десятилетия отношения, казалось бы, сдвинулись с точки «невозврата» и даже стали демонстрировать постепенную положительную динамику, перечёркнутую, однако, событиями 2019 г., когда в очередной раз было прервано авиасообщение, сократился товарооборот и снизился туристический поток. При этом сознательно не берётся в расчёт объективный «пандемический спад» 2020 г., который негативно повлиял на всю мировую экономику, на отношения всех со всеми и отголоски которого будут ощущаться ещё в течение продолжительного времени.

В 2013 г. Грузия стала парламентской республикой, и на протяжении двух электоральных циклов взаимоотношения между Россией и Грузией стали постепенно налаживаться, внушая осторожный оптимизм. Несмотря на диаметрально разные позиции по поводу Абхазии и Южной Осетии (рассматриваемые Грузией как «оккупированные территории»: «Автономная Республика Абхазия» и «Цхинвальский регион») и, как следствие, до сих пор невосстановленные дипломатические отношения, сторонам по ряду вопросов удаётся вести переговоры. В первую очередь это касается экономической и социальной сфер: «на российский капитал приходится значительная доля прямых зарубежных инвестиций в экономику Грузии» [1, с. 82]. Вопрос об активизации политического диалога остаётся открытым [Там же. С. 84] при сохранении российско-грузинского конфликта, который, по утверждению А. М. Понамарёвой, «преподносится как конфликт ценностный, часть более широкого фронта борьбы Запада с авторитарными недемократическими политиями» [2, с. 118].

Скорее всего, не улучшит политический климат между государствами и недавнее решение ЕСПЧ (21 января 2021 г.) по иску Грузии к России по правам человека, которое каждая из сторон сочла своей победой [3]. По убеждению В. М. Муханова, «позиции сторон по ряду вопросов, включая оценку событий 2008 г., диаметрально противоположны ... Единственное, что может повлиять на улучшение ситуации, – это только время» [4]. Грузия не скрывает своей «прозападной» направленности и последовательного движения в сторону членства в Евросоюзе и НАТО. Можно утверждать, что идея европейской интеграции страны, возвращения её в Европу для грузинского общества не нова. По словам Н. Ю. Силаева, «Россия была ценна для Грузии постольку, поскольку способствовала такому возвращению, например, давала доступ к университетскому образованию» [5, с. 106].

Вначале коалиция, а потом и правящая «монолитная партия» [6] «Грузинская мечта», которая уже трижды побеждала на выборах в республиканский парламент («первый случай в постсоветской истории Грузии, когда партия власти выигрывает третий раз кряду») [7] в 2020 г., не собирается менять данный внешнеполитический курс, сочетая его с попыткой нормализации российско-грузинских отношений. При этом практически вся нынешняя оппозиция, прошедшая в парламент (но не планирующая пока повышать его легитимность своим присутствием), также в большинстве своём ориентируется на европейских и американских партнёров. По мнению Н. Ю. Силаева, выраженному по итогам выборов 2016 г., «в условиях, когда внешнеполитическая программа большинства партий практически одинакова, избиратели не склонны разбираться в деталях политической позиции мелких либеральных партий, отдавая предпочтение мейнстриму» [8, с. 8]. Данный вывод не утратил своей актуальности и в нынешнем электоральном цикле.

Справедливости ради следует отметить и тот факт, что Грузия также вполне адекватно выстраивает отношения с соседними государствами: прежде всего с Турцией, Арменией и Азербайджаном. Очень часто в дискурсе противопоставляют ориентацию на «коллективный Запад» (США, НАТО, ЕС) и пророссийскую позицию как два ключевых противовеса, при этом не беря в расчёт соседей и региональных акторов. И хотя Грузия является, пожалуй, единственной в регионе страной, планомерно стремящейся к евро-атлантической интеграции, тем не менее она старается выстраивать многовекторные взаимоотношения с соседними государствами: «Экономические реалии заставляют её разворачиваться на юг и на север» [9, с. 58].

Безусловно, почти половина голосов пришедших на выборы избирателей, отданных за «Грузинскую мечту», достаточно убедительна, чтобы считать, что граждане, точно так же, как и политики, безоговорочно придерживаются «прозападного» курса, впрочем, как и большинство оппозиционеров, а некоторые из них при этом имеют и ярко выраженный антироссийский настрой. Опросы, проходящие в стране, показывают достаточно высокий уровень поддержки выбранного властями внешнеполитического курса. По различным данным, «около 80 % населения выступают за членство страны в НАТО и в Евросоюзе» [10]. Т. З. Мансуров приводит результаты исследования Международного республиканского института Грузии, который проводился в 2015 г. и согласно которому «76 % респондентов считают Россию угрозой и только 18 % партнером» [11, с. 35]. Хотя в этом же опросе «весьма оптимистичным выглядит стремление грузин развивать взаимоотношения с Россией» [Там же]. На последнее указывают и другие авторы: исследования общественного мнения с учётом прозападного курса «демонстрируют важность добрососедских отношений с Россией» [12, с. 88].

Вызывает интерес ответ на вопрос, подтверждается ли представленный тезис в настоящее время: каково отношение жителей страны к самому крупному и ещё не так давно «родному» соседу. Имеет ли место территориальная дифференциация этого отношения или все регионы демонстрируют одинаковые показатели?

Методы

После того, как 31 октября 2020 г. прошли выборы в парламент Грузии¹, по заказу исследовательской группы² был проведён социологический опрос жителей республики на предмет их отношения и проявления интереса к России, возможного влияния соседнего государства на избирательную кампанию, потенциального воздействия соседей на электоральное поведение. Данный сощпрос являлся очередным этапом изучения стран – соседей Российской Федерации в рамках большого многолетнего исследования, призванного изучить феномен влияния «соседства» государства на электоральное поведение граждан сопредельных стран. Социологический опрос состоялся в формате телефонного анкетирования, в ходе которого было совершено более 6000 звонков, ответили 2000 человек, было получено 500 полноценных анкет. Опрос проходил в столице государства, в девяти краях и одной автономной республике. На рис. 1 представлено современное административно-территориальное деление Грузии³.

¹Формально избирательная кампания ещё не была завершена, поскольку выборы проходили по смешанной системе и в части одномандатных округов 21 ноября состоялся второй тур.

²Исследовательская группа научного коллектива МГИМО МИД России, куда входит и автор настоящей статьи.

³Современное административно-территориальное деление дано с учетом выделения Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств, на территории которых исследование не проводилось.

Рисунок 1. Административно-территориальное деление Грузии¹.

При этом было соблюдено относительно равномерное распределение в территориальном разрезе среди населения с фиксацией возраста, пола и национальности. Социальное положение, образование, доход были вне рамок анкетирования. Поскольку сбор данных был проведён среди абонентов стационарных телефонов, то больше всего анкет было получено в Тбилиси, минимальное число полноценных анкет – в регионах горной местности: Рача-Лечуми и Квемо-Сванети, Самегрело и Земо-Сванети (самый малонаселённый край Нижнюю Сванетию пришлось технически соединить с Верхней Сванетией в один кластер), а также в Мцхета-Мтианети, Кахети, Имерети.

В соцопросе приняли участие 64 % мужчин и 36 % женщин (что, разумеется, не отражает реальное гендерное соотношение в республике: по переписи населения, проведённой в 2014 г., данный показатель составлял 47,7 и 52,3 % соответственно) [13]. При этом по регионам по данному параметру велики диспропорции: так, в Гурии, Кахети и Шида-Картли доля женщин, участвовавших в соцопросе, составила всего от 10 до 20 % интервьюируемых. В Тбилиси и Аджарии удельный вес женщин, принимавших участие в анкетировании, напротив, достигает более половины (58 % и 56 % соответственно). Такие несоответствия по полу респондентов в реальной ситуации вполне объяснимы тем, что жанр телефонного опроса на тему политики предполагает большую вовлечённость в такие сюжеты традиционно мужского населения, особенно в регионах, где в большинстве своём все ещё сохраняется патриархальный уклад.

Что касается возраста респондентов, то предсказуемо мало для такого вида опроса молодёжи от 18 до 25 лет – лишь 4 %, более половины опрошиваемых – от 35 до 55 лет, пожилых людей старше 65 лет – каждый десятый (согласно последней переписи населения таковых в стране 14 %) [13]. Самому молодому участнику –

¹ Карта взята с сайта <https://allgeotrip.ru/stati/karta-gruzii> (дата обращения: 10.02.2021).

19 лет, самому пожилому – 80 лет. Анкетирование проводилось на русском языке, который раньше «изучался в школах практически наравне с грузинским» [14, с. 104] и на котором, по утверждению ряда авторов, свободно говорит «старшее поколение Грузии» [Там же]. Опрос на русском наложил ограничения на выборку и, вероятно, частично повлиял на выбор ответов респондентов. Однако, поскольку, по убеждению ряда экспертов, русский язык «продолжает сохранять в Грузии стабильные позиции как язык межнационального и лингвогосударственного общения» [15, с. 139] и владение им «укорачивает путь к диалогу по нормализации грузино-российских отношений» [16, с. 130], мы сочли возможным считать релевантными значения данного опроса.

Подавляющее число интервьюируемых – 86 % – грузинской национальности, 4,5 % – армяне, 3,7 % – русские, 2 % – азербайджанцы, на остальные национальности приходится менее 5 %. Доля грузин и армян, принимавших участие в опросе, соответствует показателям переписи в 2014 г. [13], удельный вес азербайджанцев и русских не совпадает. Что касается распределения национальностей по регионам, то практически только грузины приняли участие в опросе в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети (98 %), Тбилиси (97 %), Шида-Картли (94 %) (эти данные коррелируются с переписью 2014 г.). Меньше всего грузин в Абхазии (76 %), Квемо-Картли (70 %), Самцхе-Джавахети (68 %). Последние два края – ареалы традиционного проживания азербайджанцев и армян на территории Грузии. Но в анкетировании приняли участие меньше граждан данных национальностей, нежели их зафиксировано в последней переписи: «В Квемо-Картли доля азербайджанцев составляет 41,8 %, армян – 5,1 %. В Самцхе-Джавахети 50,5 % населения составляют армяне» [17, с. 110]. В опросе же приняли участие в Квемо-Картли 14 % азербайджанцев и 4 % армян; в Самцхе-Джавахети – 24 % армян и 2 % азербайджанцев. Необходимо заметить, что в постсоветской Грузии некогда политэтнический Тбилиси превратился практически в моноэтнический, а основная тенденция в условиях уменьшения численности населения – увеличение доли грузин в стране [Там же. С. 106].

Результаты

Достаточно непростые взаимоотношения государств сыграли свою роль, и на вопрос: «Как часто Вы бываете в России?», почти 1/3 населения ответили, что никогда не были в соседней стране. Больше всего таких граждан проживает в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети и Тбилиси (47,6 и 42,2 % соответственно), меньше всего – 15,9 % – в пограничном с Россией Мцхета-Мтианети. Ничтожно мала доля тех, кто регулярно посещает Россию (раз в год и чаще), – менее 5 %. В основном в стране больше всего тех, кто изредка бывает в России (реже одного раза в год). Таких почти 2/3.

Каждый 10-й опрошенный не интересуется новостями из России, больше всего – в столице (почти каждый 5-й), меньше всего (4,1 %) – в Квемо-Картли. Почти половина всех опрошенных узнает новости о соседней стране из интернета (49,5 %), почти 1/3 – из российских СМИ. Больше всего тех, кто обращается к российским СМИ с целью узнать новости из соседнего государства, в Абхазии и Мцхета-Мтианети (38 и 40,9 %), меньше всего (что вполне объяснимо) – в Тбилиси (24,2 %), в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети (21,4 %). В последнем регионе жители узнают новости из интернета (69 %). Из местных средств массовой информации получают

сведения о России менее 8 %, больше всего в Кахети (17,5 %), в Имерети (2,9 %) и таковых не оказалось в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети.

Поскольку опрос проходил сразу после парламентских выборов, то ряд вопросов был посвящён прошедшей избирательной кампании. Лишь 13,6 % респондентов считают, что в ходе последней кампании много обсуждались отношения с Россией. Почти 60 % утверждают, что взаимоотношения с Россией не были в фокусе внимания. При этом 45,3 % интервьюируемых полагают, что отношения с Россией должны быть одной из важных тем политической кампании (в Имерети – более 57 %), четверть придерживаются противоположного мнения (треть – в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети), 30 % не имеют мнения на этот счёт.

На вопрос: «Менялось ли Ваше отношение к кандидату, если в ходе избирательной кампании он делал акцент на взаимоотношения с Россией?» – в целом по стране 38,5 % ответили, что это повышало симпатии избирателей, причём в таких регионах, как Гурия, Самцхе-Джавахети и Шида-Картли их почти половина. Меньше всего положительно ответили на этот вопрос жители столицы (27,5 %) и Мцхета-Мтианети (29,5 %). На рис. 2¹ представлены данные среднего квадратичного отклонения по вопросу об увеличении симпатии к кандидатам, делающим акцент в избирательной кампании на развитие отношений с Россией.

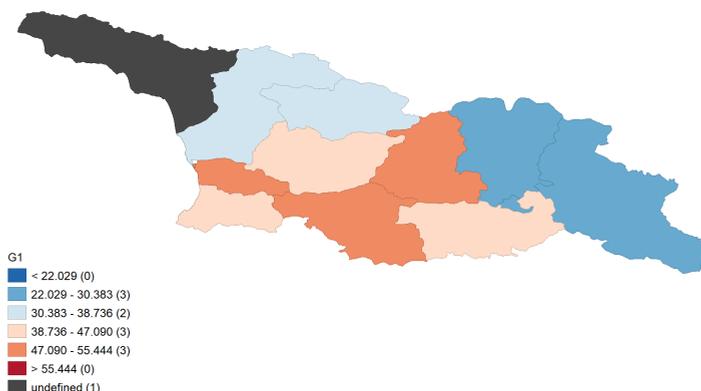

Рисунок 2. Территориальная дифференциация регионов Грузии по отношению к кандидатам, делающим акцент на развитие отношений с Россией.

¹Для построения картограмм был использован векторный слой международной открытой базы данных по административным границам стран мира (GADM, Database of Global Administrative Areas), распространяемый по лицензии, допускающей свободное использование данных в исследовательских целях (<https://gadm.org/license.html>). Данный слой фиксирует международно признанные границы, поэтому территории Абхазии (без цвета) и Южной Осетии (не выделена цветом) показаны на карте Грузии, что не отражает политическую позицию автора.

В среднем по Грузии доля тех, для кого упор на развитие отношений с Россией снижал симпатию к кандидату, составляла 7,8 %, минимальный удельный вес таких респондентов наблюдался в Шида-Картли (2 %) и Мцхета-Мтианети (4,5 %), больше всего их было в Аджарии и Тбилиси (14 и 13,2 % соответственно). На более чем половину интервьюируемых акцент кандидата в избирательной кампании на взаимоотношения с Россией никак не влиял на восприятие самого кандидата.

Российское влияние на избирательную кампанию ощутили 17 % из числа опрошенных (максимально – в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети (21,4 %), минимально – в Гурии (10,2 %)). Не заметили «русский след» каждый третий (34,5 %), почти половина (48,5 %) респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Ещё два важных вопроса, которые интересовали интервьюеров: формат отношений жителей Грузии к северному соседу и Евросоюзу. Поскольку Европейский союз и Грузия в 2014 г. уже подписали соглашение об ассоциации, а с начала 2017 г. действует безвизовый въезд с краткосрочным визитом в страны Шенгена, для жителей республики вопрос взаимоотношений с Евросоюзом не является некоей абстракцией (хотя до реального членства ещё далеко). Респондентам были предложены четыре варианта ответа: союзнические, партнерские, нейтральные и враждебные, на вопрос, какой из этих форматов наиболее предпочтителен. Неожиданностью было получить в среднем по стране 42,5 % респондентов, желающих союзнических отношений с Российской Федерацией. А в Кахети, Гурии и Самцхе-Джавахети так отвечал каждый второй (52,5, 49,0 и 48 % соответственно). И если в последнем из перечисленных регионов велика доля этнических армян, всегда с симпатией относящихся к России (хотя в нашем опросе принимало меньше армян, чем живёт в крае), то в Кахети и Гурии на вопросы отвечали в основном грузины (87,5 и 92 % соответственно). На рис. 3 обращает на себя внимание объединение в одну группу регионов, которые ряд авторов выделяет как «один целостный регион» [18, с. 224]: Квемо Картли и Шида Картли, Самцхе-Джавахети и Гурия.

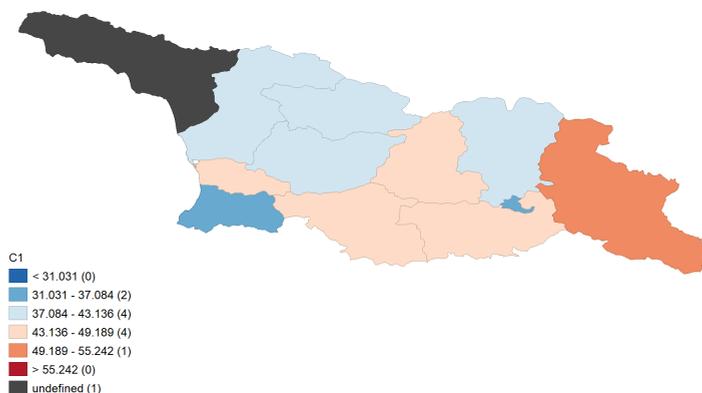

Рисунок 3. Удельный вес респондентов, выступающих за союзнические отношения с Россией.

За партнёрские отношения с Россией выступили чуть более 30 % по стране в целом, больше всего в Аджарии (40 %) и в Квемо Картли (38,8 %). Если сложить обе цифры, то видно, что за союзнические и партнёрские отношения с Россией (очевидно, стоит понимать, скорее, как «добрососедские») высказались 3/4 всех участвующих в опросе граждан.

Что касается нейтральной позиции, то её придерживаются 22,6 % респондентов, больше всего – 37,4 % – в Тбилиси, где предсказуемо меньше жителей, выступающих за союзнические отношения (33 %) и партнёрские (24,2 %).

За враждебный формат отношений с Россией высказалось всего около 3 % опрошенных. Больше всего таковых в столице и в Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети – Самегрело и Земо-Сванети, однако и в них эта цифра существенно ниже 10 %.

На аналогичный вопрос про отношения с Евросоюзом были получены следующие ответы: в среднем по стране 28,1 % выступают за союзнические отношения; 42,3 % – за партнёрские, 28,3 % – за нейтральные (идентично по числу союзническим) и за враждебные – 1,2 %. Если суммировать цифры за партнёрские и союзнические отношения с ЕС, то общий итог получается даже меньше (70,4 %), чем за отношения с РФ. В среднем по Грузии данные представлены на рис. 4, отображающем соотношение голосов респондентов, отданных за разный формат взаимоотношений с Россией и Европейским союзом.

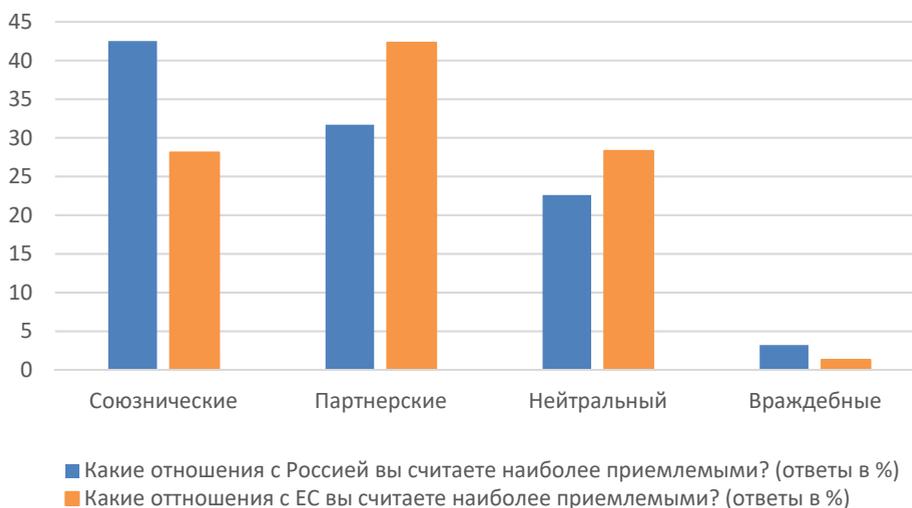

Рисунок 4. Соотношение ответов респондентов за разные форматы взаимоотношений с Россией и Евросоюзом (в процентном отношении от всего количества ответов).

В разрезе территории здесь зеркальная картина, наблюдаемая по отношению к России: больше всего за союзнические отношения выступают опрошенные из Тбилиси и Аджарии – самые интегрированные в международную жизнь регионы (41,8 и 36 % соответственно). Меньше всего – в Шида-Картли и Кахети (15,7 и 17,5 %). В этих же регионах самый высокий процент тех, кто готов довольствоваться

нейтральными отношениями с Европой (37,3 и 37,5 % соответственно). На рис. 5 представлена территориальная дифференциация по вопросу относительно партнерских отношений с Евросоюзом.

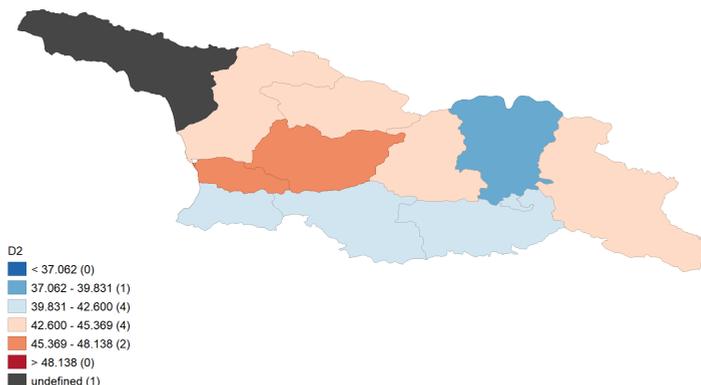

Рисунок 5. Удельный вес респондентов, выступающих за партнёрский формат отношений с Евросоюзом.

Выводы

По итогам опроса можно прийти к выводу, что, несмотря на очень серьезные разногласия, которые осложняют отношения между Россией и Грузией, существуют достаточно большие внутренние резервы для восстановления связей между соседями. По выражению С. М. Маркедонова, Россия для всего Кавказа останется «одним из главных гравитационных центров» [19, с. 117]. Для Грузии эти слова также вполне применимы.

Ответы на вопросы по поводу предпочтительного формата взаимоотношений с РФ расходятся с данными остальных опросов, а также общепринятым мнением об отторжении России и полной ориентации на Запад. Н. Ю. Силаев видит одну из причин стремительной утраты позиций России в Грузии в постсоветский период в том, что «потенциал российской «европейскости» был исчерпан в глазах грузинской элиты» [5, с. 107]. Тем не менее подчеркнем, что, возможно, потенциал исчерпан для элиты и столицы, но не для жителей остальных регионов Грузии. Не секрет, что уровень жизни в регионах достаточно низок, социально-экономическая ситуация оставляет желать лучшего, особенно после пандемии 2020 г., и, вероятно, при ответах на вопросы респонденты (преимущественно среднего возраста) испытывали некоторую ностальгию по вполне благополучным временам позднего социализма. Поэтому нельзя не согласиться с Г. А. Гамкрелидзе, который считает, что «само культурно-историческое развитие Грузии, как и ее экономическая и политическая составляющие, тесно связаны с процессами, происходящими в России» [20, с. 136].

Как указывают многие исследователи, Грузия – «одна из самых мозаичных в отношении развития регионов страна» [21, с. 172]. На основе данной выборки мы не заметили территориальных расколов по линии Запад – Восток или Центр – Периферия (хотя, безусловно, столица во многом отличается от других регионов) или по традиционно сложившимся трём группам регионов: «западной (приморской), восточной и центральной (с городом Тбилиси – как хозяйственным стержнем» [18, с. 224].

Однако по некоторым показателям заметно формирование статистически значимых различий Север – Юг, при этом следует обратить внимание на то, что как раз южные регионы, не граничащие с Российской Федерацией, демонстрируют к ней большую лояльность, нежели края-соседи. Тем не менее данная гипотеза требует дополнительных проверок на более широкой выборке, учитывающей дифференциацию на более низком уровне административно-территориального деления.

Как уже упоминалось, соцопрос в Грузии является составной частью долгосрочного проекта изучения электоральных процессов, происходящих на протяжении последних десятилетий в соседних с Россией государствах. Более года назад на практически аналогичные вопросы было предложено ответить жителям Белоруссии с целью выявления территориальной дифференциации общественного мнения. Результаты были опубликованы в конце 2020 г. [22]. Сопоставление мнений жителей ближайших соседей по отношению к России представляется дальнейшей исследовательской задачей.

Ссылки / References

1. Баум В. В., Дегтерёв Д. А., Зябкина Е. И. Десять лет без дипломатического признания: прикладной анализ российско-грузинских отношений (2008–2018 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4 (55). С. 70–86.
2. Понамарёва А. М. Репрезентация образа России в политике идентичности властных элит постсоветской Грузии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 106–126.
3. ЕСПЧ вынес вердикт по иску Грузии к России о нарушениях прав человека в войне 2008 года // Ведомости. 21.01.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/01/21/855017-espch-verdikt> (дата обращения: 13.02.2021).
4. Торжество, ложь и безразличие. Как Грузия и Россия восприняли решение ЕСПЧ по делу о войне 2008 года // Кавказ. Реалии. 27.01.2021. URL: <https://www.kavkazr.com/a/31063640.html> (дата обращения: 13.02.2021).
5. Силаев Н. Ю. Двадцать лет расходящимся курсом // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 103–114.
6. Маркедонов С. «Знаковая отставка»: что стоит за уходом Иванишвили из грузинской политики // Евразия Эксперт. 14.01.2021. URL: <https://eurasia.expert/chto-stoit-zakukhodom-ivanishvili-iz-gruzinskoj-politiki/> (дата обращения: 10.02.2021).
7. Маркедонов С. «Третий региональный порядок»: как изменились политические расклады в Закавказье в 2020 году // Евразия Эксперт. 28.12.2020. URL: <https://eurasia.expert/kak-izmenilis-politicheskie-rasklady-v-zakavkaze-v-2020/> (дата обращения 10.02.2020).

8. Силаев Н. Ю. Пределы нормализации: российско-грузинские отношения после парламентских выборов в Грузии // *Международная аналитика*. 2016. № 3 (17). С. 7–14.
9. Муханов В. М., Скаков А. Ю. Политическая стабильность по-грузински (Грузия после выборов 2016 г.) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 53–62.
10. Выборы в Грузии 2020: третий срок, смена власти или политический кризис // ИНОСМИ.РУ. URL: <https://inosmi.ru/social/20201101/248445729.html> (дата обращения: 10.02.2021).
11. Мансуров Т. З. Российско-грузинский диалог о нормализации отношений: ограничения и сферы взаимодействия // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 30–36.
12. Айвазян А. С. Грузия: внешняя политика малого государства // *Современная Европа*. 2020. № 1 (94). С. 80–91.
13. Мосаки Н. Предварительные итоги переписи населения в Грузии: население Грузии составляет лишь 3,7 млн. человек // *Демоскоп weekly*. № 661–662. 02–15.11.2015. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/analit05.php> (дата обращения: 12.02.2021).
14. Хатуашвили Х. О. Цивилизационный выбор Грузии // *Восточная аналитика*. 2018. № 1–2. С. 101–106.
15. Гоциридзе Д. Язык как интеракционное поле в межкультурных отношениях (русский язык в Грузии) // *Россия – Грузия. Отношения: энергетика, экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура: сборник*. Тбилиси, 2018. С. 133–142.
16. Челидзе Н. Миграционные процессы в российско-грузинских отношениях и социально-экономические последствия // *Россия – Грузия. Отношения: энергетика, экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура: сборник*. Тбилиси, 2018. С. 109–132.
17. Мосаки Н. З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 1. С. 104–120.
18. Мадры Ц., Качмарек-Кхубная Ю. Социально-экономическая регионализация Грузии // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2016. № 5. С. 224–229.
19. Маркедонов С. М. «Грузинский парадокс» в российской политике // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 1 (1). С. 116–121.
20. Гамкрелидзе Г. А. Постсоветская Грузия и ее внешняя политика в годы правления Михаила Саакашвили: размышления грузинских интеллектуалов // *Интеллигенция и мир*. 2017. № 1. С. 129–138.
21. Кошечкина Е. А. Политические и экономические аспекты региональной политики Грузии // *Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона. Материалы VIII Международной научно-практической конференции*. Махачкала, 09–10 октября 2017 г. Махачкала, 2017. С. 168–174.
22. Okunev I. Yu., Shestakova M. N., Bibina E. S. Neighborhood with Russia: implications for regional differentiation of public opinion in Belarus // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18. № 4 (72). P. 10–36.

Political and Philosophical Ideas of Socio-Political Development of Russia: Opportunities in Modern Conditions

M. V. Yakovlev¹

¹Lomonosov Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-158-165

Research Article
Full text in Russian

The article draws attention to the risks associated with the loss of national research traditions in political theory. It is shown that non-creative borrowing and imitative reproduction of foreign concepts and theories does not contribute to the scientific rise, especially if the Russian heritage and scientific schools are pushed aside and forgotten. To attract the attention of academic circles to the existing potential of Russian socio-political thought and discuss opportunities for further development, the article analyzes and compares the concepts of "Autocracy of the people", "Holy Russia", "Moscow – the Third Rome", and "Spiritual Vertical". Their philosophical and political significance for the development of the Russian state in modern conditions is determined. Conclusions are drawn that due to the alienation of citizens, especially young people, from the national intellectual tradition (together with economic and political reasons), emigration moods, spiritual decline, and pessimism are expanding in Russian society.

The problem could be a funded study, support and promotion oriented to the spiritual development of the adherents of the concepts of "Holy Russia" and the likes, which have a long history, formed in the domestic tradition, belong to the history of the first and the second Rome have religious and philosophical and political justification provide the basis for social and national consolidation of many peoples of the Russian state.

Keywords: "Holy Russia"; "Moscow – Third Rome"; national features of politics; political ideology; Russia; socio-political development; "Spiritual vertical"

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yakovlev, Maxim V.	E-mail: maxvuz@mail.ru
	ORCID 0000-0002-0127-5642
	Doc. Sc. (Psychology), Professor

For citation: Yakovlev M. V. Political and Philosophical Ideas of Socio-Political Development of Russia: Opportunities in Modern Conditions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 158-165. (in Russ.)

Политико-философские идеи общественно-политического развития России: возможности в современных условиях

М. В. Яковлев¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-158-165
УДК 32.019.5

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье обращается внимание на риски, связанные с утратой национальных исследовательских традиций в политической теории. Показываются неблагоприятные последствия нетворческого заимствования и подражательного воспроизводства зарубежных концепций и подходов, особенно если при этом в сторону отодвигаются и подвергаются забвению российские философско-политические идеи и научные школы.

Для привлечения внимания академических кругов к потенциалу отечественной общественно-политической мысли и обсуждения ее возможностей в статье аналитически рассматриваются и сопоставляются концепты «Духовная вертикаль», «Москва – Третий Рим», «Самодержавие народа», «Святая Русь». Определяется их значение для научного подъема и для эволюции российского государства в современных условиях.

Делаются выводы о том, что по причине отчуждения граждан, прежде всего молодежи, от отечественной интеллектуальной традиции (вкуче с причинами экономического и политического характера) в российском обществе расширяются эмиграционные настроения, духовный упадок, пессимизм, что уже в среднесрочной перспективе может привести к крушению суверенной российской государственности и культуры.

Одним из решений проблемы может стать фундированное исследование, развитие и продвижение ориентирующимися на духовное развитие единомышленниками созданных в России концепций, которые имеют многовековую историю, оформились в отечественную традицию, относятся к истории и первого, и второго Рима, имеют развернутое философско-политическое обоснование, служат базой для общественной и национальной консолидации многих народов России.

Ключевые слова: «духовная вертикаль»; «Москва – Третий Рим»; национальные особенности политики; политическая идеология; Россия; «Святая Русь»; социально-политическое развитие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яковлев, Максим Владимирович

E-mail: maxvuz@mail.ru

ORCID 0000-0002-0127-5642

Доктор политических наук, профессор кафедры философии
политики и права философского факультета

Для цитирования: Яковлев М. В. Политико-философские идеи общественно-политического развития России: возможности в современных условиях // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 158-165.

Обсуждения последних лет, ведущиеся в сообществе российских ученых и преподавателей, демонстрируют утверждение и поддержку преимущественно зарубежных концептов и понятий в области политической теории. На первый взгляд это может показаться результатом включения в доминирующую парадигму, а также частью устремления на воспроизводство тех моделей (образа жизни, научных методологий и т. д.), которые представляются наиболее успешными и передовыми. Аналогичные тенденции, развертывающиеся в более общем контексте глобализации, наблюдаются во многих странах. Однако более глубокое и критическое рассмотрение позволяет увидеть ряд значительных проблем.

Во-первых, в нашем обществе страсть перенимать что-либо (подчас слепо, в искаженном виде) давно оформилась в черту национального характера (чем вряд ли следует гордиться). Еще Стендаль писал о том, что «русские старательно копируют французские нравы, только отставая лет на пятьдесят» [1, с. 37].

Во-вторых, стремление влиться в торжественное шествие мирового научного авангарда под лозунгами инноваций и прогресса заслуживает всяческого поощрения. Разумеется, делать это лучше всего степенно, с чувством собственного достоинства и накопленным в результате кропотливого исследовательского труда весомым вкладом, который обеспечит признание заслуг и почетное место в рядах авторитетных ученых. Суевливая попытка пристроиться к процессии сбоку, под прикрытием чужих имен и достижений, вряд ли приведет к чему-то хорошему – в лучшем случае самозванца мягко отстранят на обочину. В худшем – незадачливый подражатель, легкомысленно отказавшийся от опоры на собственную интеллектуальную традицию, вряд ли устоит в ходе общего движения вперед, пошатнется, толкнет других или вовсе собьет их с ног. И в начавшейся сумятице будут повержены наземь эмблемы инноваций и прогресса, весь парад мировой науки остановится.

В-третьих, копирование чужих стандартов и понятий, пусть даже самое старательное и дисциплинированное, вкупе с игнорированием отечественных достижений, может оказаться причиной, как выразился бы М. Вебер, ненамеренных последствий, которые угрожают серьезными опасностями и потерями.

Автор этих строк уже указывал, например, на то, что массовое увлечение теориями либеральной демократии повлекло за собой почти полное забвение истории российской демократической практики (от вечевых традиций до представительства трудовых коллективов на советских предприятиях, опыт которых, в частности, был учтен в партиципаторной модели К. Макферсона [2]) и идей о народовластии, об общем благе, об общественном идеале, сформулированных русскими философами политики (И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, Ф. А. Степун, Б. Н. Чичерин и др. [3; 4; 5; 6; 7, с. 4]). Полагаю, что найдутся скептики, которые выскажут большие сомнения в познавательном потенциале указанных философско-политических идей применительно к сегодняшним реалиям и заявят об их упадке. Здесь можно привести контрдоводы, однако для экономии времени и мышления сразу прибегну к аргументу, к которому вряд ли можно отнестись легкомысленно и с недоверием.

Речь идет о том, что вдохновленная западными концептами и образами российская молодежь, особенно наиболее талантливая и перспективная ее часть, же-

лает уехать из России. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в августе 2018 г., 31 % молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет хотел бы переехать в другую страну на постоянное место жительства [8].

В январе 2019 г. специалисты Левада-центра в ходе опроса сделали вывод о том, что 41 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет хотел бы переехать жить за границу [9].

Конечно, причины этих настроений кроются и в экономическом положении, и в политическом состоянии нашего государства. Но хотелось бы отвлечься от установок марксистской теории, а также от объяснений, базирующихся на связи между социально-экономическим развитием и общественным устройством (тезисы А. Пшеворского, У. Росту, С. Липсета и др. [10; 11; 12]), и обратить внимание на то, что не только способ производства и/или рост благосостояния, но и сами идеи также имеют большую силу в массовом сознании, программируют развитие народов, меняют их историю и будущее, что очень хорошо показал упоминавшийся выше М. Вебер.

Можно утверждать, что во многом именно ввиду отчуждения от объединяющих и вселяющих энтузиазм национальных идей, придающих подлинную ценность и значение Отечеству, российская молодежь, сегодня обучаемая на основе западных подходов, находящаяся под влиянием западных ценностей, не знающая отечественных достижений или имеющая о них искаженное представление, не хочет созидать в России и намеревается устроить свою жизнь в других странах.

Среди таких идей, пожалуй, одно из наиболее заметных мест занимает концепт «Святая Русь», который появился в отечественной литературе не позднее середины XVI в. Согласно А. В. Соловьеву, впервые это понятие встречается у А. М. Курбского [13, с. 234–269]. Профессор Йельского университета П. Бушкович нашел его в одном из сочинений Максима Грека [14, с. 36].

Позднее, в XVII–XVIII вв., широкую известность получило фольклорное истолкование «Святой Руси» в таких произведениях, как «Поэтическая повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков» Ф. И. Порошина, сборнике русских былин Кирши Данилова и др. В XIX в. словосочетание довольно часто употребляется в среде русских интеллектуалов: о нем говорят Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский и др. [15, с. 15].

В народном восприятии значение понятия «Святая Русь» изначально связано с Православной церковью и православной верой. На это указывает, например, Г. П. Федотов, исходя из стихов о Егории Храбром, в которых герой сражается в Палестине за Святую Русь, а его матушка плачет в Иерусалиме – в центре Святой Руси [16]. Причем жители «Святой Руси» – это не только и не столько русские, это многие люди и народы, исповедующие православие (татары, чуваша, удмурты, якуты, осетины, русские и др.).

Аналогичная картина наблюдалась и во Второй Римской империи, где ромеями именовались не только греки, но и все жители: православные, подданные православного императора, носители христианской цивилизации.

В сущности, тот же тезис воспроизводится и в концепции «Москва – Третий Рим», где утверждается представление о Руси, народ которой сохранил приверженность истинной вере – православию, как о третьем Риме, т. е. православной империи, православном мире (при этом Москва ассоциируется с Иерусалимом).

Интересно заметить, как здесь сопоставляются и передаются созвучие и смысл слов «Рим» и «мир»: Рим – это тот мир, который исповедует православие, а Русь – это и есть православный Рим-мир.

Очевидно, что теория эта по сути своей имперская. Однако здесь необходимо сделать важную оговорку. Она не направлена на обоснование амбиций и претензий России на создание мировой империи, она исходит из посылки о том, что христианский мир – это обязательно империя, и в настоящее время волей высшей силы центром этой империи стала Москва – Третий Рим как оплот православного христианства.

В этой концептуальной призме «Святая Русь» предстает метафизической и метаисторической идеей православного мира – империи Рима, которая существует вечно (при этом ее географические центры и материальные формы могут меняться).

Впоследствии рассмотрение понятия «Святая Русь» продолжили С. С. Аверинцев, А. А. Горский, И. Н. Данилевский, Ф. Кэмпфер, Б. А. Рыбаков и др. Фундированное обоснование оно получило в рамках исследовательского проекта «Confessiones et nationes».

Суть феномена «Святой Руси» академик В. Н. Топоров определил как некую квинтэссенцию всей отечественной истории, включающую в себя великие духовные ценности: святых людей, святых текстов, святых икон; как «святость вопреки всему, признание ее высшей целью, сознание неразрывной – на глубине – связи с нею и веры во всеобщее распространение в будущем» [17, с. 11].

Можно сделать вывод о том, что понятие «Святая Русь» не связано ни с этничностью, ни с нацией, оно обозначает устремленность к святости и духовности, которая на протяжении многих веков поддерживается в России (в то время как страны Запада ориентируются, в первую очередь, на извлечение прибыли и материальной выгоды).

Подобная трактовка концепта «Святая Русь» может стать одним из оснований деятельности России, целью и смыслом ее существования в мировом сообществе. Она коренится в многовековой традиции, восходящей к истории и первого, и второго Рима, имеет и религиозное, и философское обоснование, служит рамкой для объединения многих народов, на опыте Российского государства показала свою действенность и жизнеспособность.

На эту тему Ф. М. Достоевский писал: «Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово...»

Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасается лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм...

«Кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и русского...» [18, с. 19].

В свою очередь, немецкий мыслитель и историк В. Шубарт отмечает: «Русский не является человеком массы, он высоко ценит свободу человеческой личности... Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, в России – всечеловек. Сверхчеловек стремится ввысь из жажды власти, всечеловек идёт вширь из чувства любви» [19, с. 79]. В. Шубарт склонен считать соборность русских формой демократии: «Если он (русский – прим. авт.) смотрит на ближнего своего, он видит

в нем не врага, а брата. Он верит в естественную доброту ближнего вплоть до доказательства противного... Чувство братства делает русскому жизнь много легче и выносимее, чем европейцу с его инстинктом борьбы, грабительства и конкуренции... Сколь братским является обычай называть друг друга не по титулам и званиям, а по имени и отчеству. Это признак подлинного и внутреннего демократизма» [Там же. С. 76].

С учетом положений Ф. М. Достоевского, В. Шубарта и других мыслителей в настоящее время концепт «Святая Русь» может рассматриваться как основание для нового союза народов и стран, как ориентир для (вос)создания вселенской христианского государства.

Конечно, с одной стороны, эти идеи довольно далеки от светского мышления, во многом навязанного. С другой стороны, эти идеи и сейчас имеют немало сторонников во многих частях мира, которые могут объяснять и распространять свои взгляды и привлекать новых последователей.

Созвучен этим положениям и тезис А. С. Панарина о «духовной вертикали», под которой понимается строительство на евразийском континенте новой геополитической линии Север-Юг, олицетворяемой союзом Индии и России. Духовной доминантой этого объединения провозглашается «нравственно-религиозный дух солидарности и сострадательности» [20, с. 229]. А. С. Панарин полагал, что общая духовная ориентация открывает совершенно новые перспективы для такого союза.

Еще один очень интересный концепт из корпуса отечественной философско-политической мысли – это «самодержавие народа» («народное самодержавие»). Он был сформулирован идеологами «Народной воли» и получил известность уже в 1879 г. [21, с. 168]. Один из его авторов, Л. А. Тихомиров, рассматривал этот концепт как одну из двух главных основ мирозозерцания народа (наряду со всеобщим правом на землю) [22, с. 22].

Один из наиболее известных разработчиков этого понятия Я. М. Магазинер указывал, что «действительное самодержавие какого-нибудь класса мирится лишь с фикцией самодержавия всего народа, поскольку эта фикция необходима для создания или упрочения его господства» [23, с. 111].

Концепт «самодержавие народа» оказался столь емким, актуальным и многоплановым, что в дальнейшем его активно использовали Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, И. В. Сталин [24, с. 122].

В этом понятии содержались и момент противостояния с «самодержавием царя», и самобытность России. Кроме того, оно было предельно понятно для самой широкой аудитории.

Итак, именно сильная объединяющая идея, основанная на традициях христианства, представляющая собой альтернативу и секулярному капитализму, и всемирному халифату, может вдохновить молодежь и другие группы граждан на то, чтобы остаться на Родине, достичь личного успеха, принести пользу обществу, внести весомый вклад в научное развитие. Одной политико-философской идеи, какой бы мощной она ни была, явно недостаточно.

Ясно, что еще одним необходимым условием является отыскание и наделение полномочиями таких людей, которые составили бы правящий класс, отличающийся высокой моральной ответственностью и, безусловно, ориентирующийся на государственное и общественное развитие. Кроме того, необходима поддержка

авторитетных российских исследователей, которые знают и совершенствуют отечественную интеллектуальную традицию и сочетают ее с новейшими зарубежными достижениями. И здесь в качестве примера можно привести работу научной школы Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, в частности, организацию и проведение Всероссийской научно-практической конференции «Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы», которая стала солидной площадкой для очень плодотворной дискуссии в декабре 2020 г.

Действенной стратегией, нацеленной на то, чтобы занять почетное место в мировой политической науке, представляется не простой повтор заимствованных категорий и теорий, а план сохранения и преумножения отечественного потенциала и направление усилий на самостоятельное создание того нового, что может стать ценным вкладом в развитие мировой социально-политической мысли, что может усовершенствовать устройство нашей страны и других государств, конечно, в совокупности с достижениями зарубежных коллег.

При совмещении всех указанных обстоятельств наиболее вероятны и начало нового этапа в развитии российской нации, и занятие ее представителями достойного места в первом ряду мировой политической теории и науки.

Ссылки / References

1. Стендаль. Красное и черное // Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. М.: Правда, 1978. 480 с.
2. Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ГУ ВШЭ, 2011. 174 с.
3. Ильин И. А. Понятия права и силы; Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания; О монархии и республике; Из лекций «Понятия монархии и республики» // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
4. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
5. Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. 1934. № 8. С. 15–27.
6. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1899. 810 с.
7. Яковлев М. В. Идеи демократии в политической мысли стран СНГ. Уфа: Альфа-реклама, 2016. 352 с.
8. Эмиграционные настроения россиян-2018 // ВЦИОМ: официальный сайт. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9187> (дата обращения: 05.01.2021).
9. Эмиграционные настроения // Левада-центр: официальный сайт. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3/> (дата обращения: 05.01.2021).
10. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990 / A. Przeworski, M. Alvarez, J. Cheibub, F. Limongi. Cambridge, 2000. 340 p.
11. Ростю У. У. Политика и стадии роста. М.: Прогресс, 1973. 208 с.
12. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. № 53 (March). P. 69–105.

13. Соловьев А. В. Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Русская государственность в трудах историков зарубежья. М.: Вече, 2012. С. 234–269.
14. Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII веков // Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 36–55.
15. Дмитриев М. В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nations». Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время: сборник статей. М.: Индрик, 2008. С. 15–45.
16. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.
17. Топоров В. Н. Святость и святые // Сочинения в 2 т. Т. 1. Три века христианства на Руси. М.: Языки русской культуры, 1998. 874 с.
18. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1980. 463 с.
19. Шубарт В. Европа и душа Востока. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1947. 123 с.
20. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
21. Литература социально-революционной партии «Народной Воли». СПб.: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. 978 с.
22. Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? СПб.: Издание группы типографщиков Народной Воли, 1885. 29 с.
23. Магазинер Я. М. Самодержавие народа. Опыт социально-политической конструкции суверенитета. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1907. 150 с.
24. Никандров А. В. Концепт «самодержавие народа» в политической риторике большевиков и народнические истоки большевизма // Вопросы философии. 2020. Т. № 10. С. 122–133.

Right to dispose of your own life: actualization of social-political context in COVID-19 pandemic conditions

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-166-181

Research Article
Full text in Russian

The article examines the content of a person's right to dispose of his life (with emphasis on socio-political meanings) as a component of his right to life, including assumptions, probabilistic or unacceptable, about alternatives to the deployment of individual elements of this possibility (voluntary departure from life, the assumption of euthanasia, as well as options for the embodiment of the idea and the right to risk your life). The last one is analyzed both in a classical way (within the framework of activities objectively related to occupational risks and other activities with similar characteristics), and in an updated context due to the coronavirus pandemic. The author reflects on the socio-political, sociological and other aspects that have manifested or strengthened their presence in doctrine, public practice and public policy in connection with the current emergency situation, illustrates them with specific examples, examines and criticizes individual decisions on this issue, especially in relation to the elderly people, states in this regard the emergence in the Russian socio-political space of a new type of minorities subjected to discrimination. It is also compares the strategy and tactics of decision-making by power structures and major confessions during a pandemic, including for the elderly. Considerations are expressed about the need to take into account the experience of making political decisions in such situations, and to correct them on the base of state, social and individual interests and meanings.

Keywords: to be one's own master; pandemic; COVID-19; citizen; limitations of rights; discrimination; social-political context

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Department head

For citation: Tarusina N. N. Right to dispose of your own life: actualization of social-political context in COVID-19 pandemic conditions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 166-181. (in Russ.)

Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-166-181
УДК 323.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы содержания права человека распоряжаться своей жизнью (с акцентами на социально-политические смыслы) как компонента его права на жизнь, включая предположения, вероятностные или же неприемлемые, об альтернативах развертывания отдельных элементов указанной возможности (добровольный уход из жизни, допущение эвтаназии, а также варианты воплощения идеи и права рисковать своей жизнью). Последнее анализируется как в классическом ключе (в рамках деятельности, объективно связанной с профессиональными рисками, и иных видов деятельности со сходными характеристиками), так и в актуализированном контексте, обусловленном коронавирусной пандемией. Автор размышляет о социально-политических, социологических и иных аспектах, проявившихся или усиливших свое присутствие в доктрине, общественной практике и государственной политике в связи с действующей чрезвычайной ситуацией, иллюстрирует их конкретными примерами, рассматривает и подвергает критике отдельные решения по данному вопросу, особенно в отношении пожилых людей, констатирует в этой связи появление в российском общественно-политическом пространстве нового вида меньшинств, подвергаемых дискриминации. Сравнивается также стратегия и тактика принятия решений властными структурами и основными конфессиями в период пандемии, в том числе в адрес пожилых людей. Высказываются соображения о необходимости учета опыта принятия политических решений в подобных ситуациях, их корректировки на основе учета государственных, общественных и индивидуальных смыслов и интересов.

Ключевые слова: распоряжаться своей судьбой; пандемия; коронавирус; гражданин; ограничения прав; дискриминация; социально-политический контекст

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна		Е-mail: nant@uniyar.ac.ru
		ORCID 0000-0001-8827-5532
		Кандидат юридических наук, профессор, завкафедрой

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 166-181.

Коронавирусная пандемия видоизменила многие, если не все, «смыслоложившие» компоненты – от этико-философской, религиозной, психологической до правовой природы [1]. При этом очевидно, что беспрецедентные меры, принимаемые российским и другими государствами, в большой степени различно воспринимаются и внутри политической/правлящей элиты, и в стратах гражданского общества, и конкретным человеком. Соответственно, в первом случае мы имеем решения как соразмерные, так и несоизмерные пандемическим и производным от него рискам, а во втором – исключительно дифференцированные реакции: от осознанного или вынужденного подчинения вводимым ограничениям до открытой или скрытой агрессии, ковид-диссидентства и безразличия. Государственные структуры разных стран «меряются силами» в вопросах борьбы с пандемией: объявляют страну «х» виновницей распространения вируса и немедленно уходят в «информационный песок», если появляются небезосновательные указания на вину совсем другого государства; устраивают гонки за вакциной (российская наука дождала этот интеллектуальный вес – и первая «порвала ленточку» в забеге); делятся или не делятся ресурсами с нуждающимися в помощи (перенаправляют в свое небо самолет с медицинскими масками; пытаются перекупить специалистов и целые фармкомпании); обливают информационными «помоями» конкурентную российскую вакцину, а затем отступают от прежней позиции – с неопределенным результатом; объявляют локдауны и закрывают целые города в квартирах; квалифицируют помощь российских военных медиков как бесполезную и пиарориентированную; жестко подавляют «ковидные» протесты (вплоть до применения сил конной полиции и кинологов) и ищут «соринку в российском политическом глазу», безмерно сожалея об отсутствии таких протестов у нас и т. д. На этом фоне не получила международной поддержки идея российского президента о создании гуманитарных «зеленых коридоров», однако она была реализована и продолжает реализовываться на локальных уровнях – в виде медицинской (в том числе консультационной) помощи, предоставлении вакцины и прав на локализацию ее производства, а также медицинского обслуживания, средств защиты¹.

Среди большого числа политических, экономических и гуманитарных проблем, рожденных или актуализированных означенной чрезвычайной ситуацией, весьма значимое, если не одно из фундаментальных мест, занимают вопросы о содержательных компонентах права на жизнь как основного среди прав человека первого поколения. Ибо, собственно, о чем же ином и беспокоятся правящие элиты и рядовые граждане, как не об этом, – не на теоретическом уровне, а на уровне прикладном и лично ощущаемом. Тем не менее это не исключает и некоторой доктринальной отстраненности (в разумной, конечно, степени) от каждодневной повестки «ковидного дня», попытки встроить данную чрезвычайную проблематику в общий контекст конструкции прав и свобод человека и их обоснованных либо чрезмерных ограничений, ведомых разнообразно трактуемыми интересами публичного порядка.

¹ Политологи подчеркивают, что особенности национальной ментальности выявили два противоположных подхода к решению биополитических проблем, в частности, производных от обстоятельств пандемии: практики солидарности проявились в странах с доминирующими коллективистскими ценностями, а практики политического эгоизма – при доминировании индивидуалистских акцентов государственного поведения [2, с. 95].

Так, право на жизнь изначально допускает весьма неоднозначные, неоднопланарные трактовки – при решении вопросов о точке отчета своего возникновения, соответственно, охране и защите, прерывании жизни проточеловека, наличии у него самоценностных интересов и их обеспечении институтами морали, политики, права, о мере вмешательства третьих лиц и государства в его реализацию и даже его отъем [3; 4]. Оставляя обсуждение данных проблемных аспектов другим авторам (не исключая, впрочем, и себя, но в ином временном и информационном пространстве), перейдем к не менее спорным позициям по более узкой заявленной теме.

Среди компонентов права на жизнь значимое место занимает правомочие распоряжаться своей жизнью. В доктрине выявлены три относительно самостоятельных элемента композиции означенного распоряжения: «право на самоубийство», право на эвтаназию и право рисковать своей жизнью. Политические и этические подходы к означенным вопросам имеют как общие, так и специфические характеристики. Это, как и должно, отражается в политических заявлениях и практиках, законодательстве, российском и зарубежном, различая их и векторно, и содержательно, как в связи с общей тенденцией к разнообразию национальных политических реалий, национального права, в том числе в области прав и свобод человека (при универсальности данной конструкции, впрочем, спорной), так и в связи с очевидной нетривиальностью указанных элементов. Первые два элемента, казалось бы, напрямую не связаны с пандемическим контекстом, однако мы считаем необходимым адресовать им несколько тезисов по трем причинам: без их характеристики «картина» права распоряжаться своей жизнью будет неполной, не отразит его содержания; бытийное воплощение этих специфических распоряжений в чрезвычайных ситуациях в том или ином виде может актуализироваться и видоизмениться; соответственно, не исключается и корректировка доктринальной и официальной их оценки в «постокоронавирусный» период.

Так, «право на самоубийство», конечно же, в России и в абсолютном большинстве других государств не имеет официального признания (исключение составляют некоторые западные страны, о чем речь впереди, во взаимосвязи их законодательных решений об означенном праве и праве на эвтаназию). Не только регуляторных норм, но и охранительных, то есть ответственности за самоубийство, законодатель не устанавливает, так как отвечать, собственно, некому (кроме уголовного преследования другого лица за доведение до самоубийства – ст. 110 Уголовного кодекса РФ). Можно говорить лишь о некоторых регуляторах в этической и религиозной сферах: этика призывает к поиску нравственных образцов, гармонизации внутреннего мира, ответственности перед близкими. Церковь, осуждая эту акцию как греховную, осуществляет аналогичные призывы, дополненные известным адресатом, и одновременно вводит определенные обрядовые ограничения. Власти же озабочены агрессивностью информационного поля Интернета, призывающего к суициду, что, наконец-то, получило свое выражение в проектировании соответствующих ограничений и даже в практике блокировки сайтов.

Однако неблагоприятные юридические последствия все же установлены, но для особых случаев – для так называемых «неудачливых самоубийц»: в федеральном законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (п. 4, ст. 24) предусмотрено, что психиатрическое освидетельствование может про-

изводиться без согласия гражданина (принудительно) – при наличии непосредственной опасности для него самого (и окружающих). Насколько это гуманно и справедливо для всех случаев попытки самоубийства без исключения, непростой этический, психологический и юридический вопрос. И он все же решается, но не в жестко императивном ключе, а на диспозитивном уровне – врачом-психиатром с санкции судьи, то есть в рамках административного и судебного усмотрения, с учетом обстоятельств конкретной ситуации. Именно технология придания относительной неопределенности данной правовой норме позволяет принять адекватное, гуманитарное решение, если, конечно, к тому способны конкретные субъекты ее применения.

При этом очевидно, что медико-психологические и юридические средства не способны достигать приемлемого эффекта. Государственные институты пытаются выстраивать режимы превенции, консервативно-классические и осовремененные информационно-цифровым модерном, отставая, к сожалению, от проявлений его негативного воздействия, как, впрочем, и в других сферах частной, общественной и политической жизни. Значимую роль в деле превенции выполняют и должны выполнять некоммерческие организации социальной направленности, которые в последние годы расширяют сферу своих компетенций и оптимизируют результаты своей весьма полезной деятельности, в том числе на основе поддержки и координации со стороны соответствующих ресурсных центров¹[5]. Очевидно, что сплав политических ресурсов и ресурсов гражданского общества актуален и при решении данной проблемы.

Второй содержательный срез пространства права распоряжаться своей жизнью олицетворяет собой законную возможность прибегнуть к эвтаназии (от греческого – «хорошая смерть»). В научный обиход данный термин ввел Френсис Бэкон (в книге «О достоинстве и приумножении наук» (1623 г.), который, в частности, отметил: «... обязанность врача состоит не только в том, чтобы восстановить здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучение, причиняемое болезнью, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома может привести к выздоровлению, но и в том случае, если уже нет ни единой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, такая эвтаназия уже самая по себе есть немалое счастье» [6, с. 268]. Впоследствии данное понятие и действия, им обозначаемые, приобрели иной смысл: акцент с понимания эвтаназии как естественной безболезненной смерти был перенесен в область специального в нее вмешательства. В современном прочтении ее отличают следующие характеристики: активный или пассивный вид деятельности с участием профессионального субъекта – медицинского работника (врача, фельдшера, медсестры, медбрата), которая совершается сознательно и преднамеренно с явно выраженным предвидением последствий в виде смерти пациента и на основе осознанной и однозначно трактуемой просьбы последнего либо его законного представителя (если пациент не способен к волеизъявлению) с уведомлением того (или другого) о необратимости последствий [4, с. 89–90]. Пассивная эвтаназия предполагает неприменение средств и невыполнение необходимых медицинских манипуляций для поддержания жизнеспособности терминального больного. Активная же может проявлять себя в трех альтернативных ипостасях: в «убийстве из милосердия», «самоубийстве,

¹ Ярким примером такого помощника является АНО «Ресурсный центр поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив», действующий в Ярославской области.

ассистируемом врачом/иным медработником», «самоубийстве при попустительстве медицинского персонала» (когда пациенту оказывается доступно соответствующее техническое средство или препарат).

В настоящее время окончательное отношение к эвтаназии пока не сформировано. Философско-этический, медицинский и юридический дискурсы объединяются в дискурс социально-политический. Так, ее сторонники, утверждая, что эвтаназия *de facto* все равно существует и ее узаконение с необходимостью нормативно упорядочит то, что осуществляется на стихийно-инициативной основе, подчеркивают: 1) цель соответствующих действий заключается в помощи безнадежному больному избавиться от страданий, достойно уйти из жизни; 2) отказ медиков пациенту, испытывающему невыносимые страдания, может квалифицироваться как применение к человеку пыток, жестокого обращения¹; 3) человек имеет право на жизнь, включая свободу распоряжения данным правом по своему усмотрению; 4) такое решение расширяет завещательные и другие юридические возможности выражения воли осознанно и заранее; 5) эвтаназия избавляет членов семьи от тяжелых моральных, физических и финансовых испытаний (которые могут длиться годами, ложиться тяжелым бременем и разрушать, иной раз невосполнимо, их собственное здоровье). При этом она предполагается возможной исключительно при наличии продолжительного заболевания и его лечения, максимального использования медицинских технологий для улучшения состояния больного и их исчерпания, неотвратимости летального исхода, крайне тяжелых страданий пациента, его осознанного добровольного решения, процессуальных гарантий – экспертизы заболевания и воли пациента, консилиума врачей, уведомления близких родственников, санкционирования эвтаназии судом или прокурором [4, с. 94–95].

Контраргументация противников эвтаназии также характеризуется разноплановостью и разновекторностью: при решении вопроса возможны врачебные ошибки и порок воли больного человека, измученного болью, даже если констатация терминального состояния и осознанное волеизъявление осуществлены консилиумно; узаконение данного вида деятельности может отрицательно повлиять на состояние общественной морали, а также спровоцировать злоупотребления в области медицинской науки и практической медицины – приостановить ее развитие в направлении поиска новых методов лечения, массовое применение (в том числе по кадровым и финансовым соображениям), следует также учитывать восприятие эвтаназии религиозными конфессиями, оказывающими влияние на большие группы верующих или внешне к ним примыкающих.

¹Элементы «медицинского жестокосердия» (при всем уважении к профессии и их носителям), к сожалению, встречаются в самых различных областях, а в недавней истории – особенно, например, отказ от применения наркоза при прерывании беременности (с профилактическо-воспитательной целью? ...) или при удалении зубного нерва (с целью заботы о здоровье пациента, ибо обезболивающие препараты вредны? ...) и т. п. Возникает житейская потребность задать вопрос: в отношении себя и своих коллег поступали аналогичным образом? ...

Так или иначе, философско-этическое обоснование запрета последней на политическом уровне принимается большинством европейских стран¹ и странами Востока. Однако есть государства, которые все же идут по другому пути. Так, в Нидерландах в 2002 г. принят закон «О прекращении жизни по желанию или помощь в самоубийстве», допускающий ассистированный суицид и эвтаназию (с 16 лет – на основе самостоятельного определения порядка и способа завершения своей жизни, а с 12 лет – с согласия родителей или иных законных представителей); аналогичные возможности предусмотрены в Бельгии (с 18-летнего возраста); имеются сходные судебные прецеденты в ряде штатов США (а, например, в Калифорнии действует закон 1997 г. «О праве человека на смерть»; пассивная эвтаназия разрешена в Японии, Колумбии и др. [4, с. 100–101]. В России же в федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрен прямой ее запрет (ст. 45). В доктрине высказано также пожелание к законодателю квалифицировать данную деятельность не в рамках норм ст. 106 Уголовного кодекса РФ (убийство, с применением конструкции смягчающих обстоятельств – из сострадания), а на основе специального состава, однако подобное предложение вызывает и возражения, так как привилегированный состав может провоцировать злоупотребления со стороны родственников и медработников. В соответствии с Венецианской декларацией о терминальном состоянии (1983 г.), «отказ от лечения не освобождает врача от обязанности помочь умирающему, назначив лекарства, облегчающие страдания»; в Декларации об эвтаназии 1987 г. подчеркивается: данная деятельность неэтична, но это «не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания». Медицинская, правовая и политическая доктрины большинства европейских стран исходят из идеи приоритетного развития не эвтаназии, а паллиативной помощи, устранения боли и поддержки терминального больного и членов его семьи. Нормы ст. 36 указанного ранее российского закона (в редакции 2019 г.) также ориентированы именно на это, однако очевидно, что нормотворчество в этой области – дело необходимое, но далеко не достаточное: без обеспечения организаций паллиативной помощи квалифицированными кадрами, добровольческой поддержкой и благотворительностью правовые нормы обречены на бесплодие². В этом вопросе, как и во многих других (см. тезисы о превенции самоубийств), некоммерческие организации социальной направленности незаменимы. А российское государство незаменимо в вопросе их системной и одновременно адресной поддержки – политической и экономической [7, с. 10–13].

Третий компонент права распоряжаться своей жизнью, в том числе рисковать ею, представлен в доктрине, законодательстве и общественной практике в весьма разнообразных и вполне актуальных проявлениях. Как таковое право рисковать

¹Это, конечно, в настоящее время не может, в принципе, являться ключевым, решающим аргументом (только на основании его высказанности западным миром) – как в связи с относительной, а не абсолютной, универсальностью конструкции прав и свобод человека, так и в связи с конкретными образцами их европейского прочтения (например, законодательного закрепления и идеологического продвижения идеи однополого брака, семьи на основе однополого или гендерно еще более нестандартного родительства и т. п.).

²Преподаватели, сотрудники и студенты юридического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова в течение последних лет участвуют, совместно с прихожанами Троицкого храма (с. Введенье), в оказании поддержки паллиативным больным Ярославской районной больницы (приобретают продукты и предметы быта, выступают перед больными с концертными программами – исполняют прекрасные русские и российские песни...).

своей жизнью, конечно же, не закреплено в законе, по крайней мере, российском, это имело бы слишком далеко идущие социально-политические, этические и психологические последствия. Но реализация возможности подобного риска прямо и не запрещена. Иначе было бы невозможно осуществлять профессиональную деятельность специального типа, самым непосредственным образом связанную с опасностью для жизни: обеспечение обороноспособности страны и ее правопорядка, спасательные работы в различных чрезвычайных ситуациях, личное участие в испытании технических средств (летающих, плавающих, едущих...), управление источниками повышенной опасности (от автомобилей до космических кораблей и мирного атома), добыча некоторых ресурсов (особенно подземных), научно-исследовательские работы (в области вулканологии, гидрологии, химии, фармакологии и пр.), участие в различных экспериментах (например, медицинских – в клинических испытаниях вакцины и т.п.). Разумеется, риски во всех этих случаях минимизируются или хотя бы частично уменьшаются постоянно совершенствующимися правилами безопасности. Однако риски остаются, и граждане, включающиеся в такие виды профессиональной деятельности, осознанно принимают их на себя.

На второй (нижней) ступени по степени обоснованности рисков для жизни находятся те виды деятельности, которые не обусловлены явной (объективной) необходимостью самого своего существования: экстремальные виды спорта или иного «развлечения» – альпинизм, хай-дайвинг, авто/мотогонки, спортивные прыжки с парашютом; цирковая акробатика, любительская охота, зимняя рыбалка и пр. Разумеется, и в этом специфическом пространстве жизни имеются комплексные регуляторы, направленные на умаление опасности, что, впрочем, далеко не всегда оправдывает само существование того или иного вида любительских рисков. С другой стороны, «преодоление себя» может оказываться способом решения значимых жизненных проблем, способом существования/достойного выживания (например, для людей с инвалидностью¹). А значит, и в этом направлении необходимость социально-политической поддержки государства просматривается «невооруженным глазом».

В 2020-м году актуализировались проблемы, связанные с правом рисковать собственным здоровьем, в том числе в период пандемии. Появилось движение диссидентов, хотя и неоднородное: из любителей общественных протестов как таковых (и даже провокаторов), из неверующих в опасность ковида-19, из числа правозащитников, а также специалистов, оценивающих риски данного заболевания как не заслуживающие жестких и масштабных мер, принимаемых органами государственной власти и управления. Возникла и эволюционирует дискуссия в доктрине, в том числе политической и юридической, об основаниях ограничений и запретов и их соразмерности [8; 9], ибо она соразмерность является одним из конституционно-правовых критериев ограничения прав и свобод: «... только в той мере, в какой это необходимо ...» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

¹Одним из самых ярких и убедительных образцов подобного рода является паралимпийское движение. Неворотные по своей эмоциональной силе его образцы явились основой для появления и развития сходных инициатив, которые начинают получать не только общественную, но и государственную поддержку. (В 2020 г. вершина Эльбруса впервые покорилась человеку с инвалидностью, который в 2015 г. лишился ног в результате обрушения здания. Без финансовой и технической помощи восхождение не свершилось бы...)

Однако, в отличие от восхождения на Эльбрус и иных образцов рискованной (любительской) деятельности, которые не носят массового характера, любые пандемии представляют опасность для весьма значительного числа людей, создают организационные трудности по обеспечению медицинской помощью тех, кто не хочет рисковать своей жизнью (не хватает мест в больницах, медицинского оборудования, лекарств, врачей, вспомогательного медицинского и технического персонала и т. д.). Таких людей – абсолютное большинство. Следовательно, вводимые государствами, в том числе российским, разнообразные и довольно жесткие ограничения свободы передвижения, вплоть до карантина, свободы труда, собраний, обычного человеческого общения (которое, по мысли А. П. Чехова, является непреходящей «роскошью») могут быть оправданы и легитимированы нормами ст. 55 Конституции РФ о праве политической власти вводить таковые ограничения в целях защиты здоровья самих граждан, прав и законных интересов третьих лиц и безопасности государства. В этом смысле не только требования самоизоляции, специального режима передвижения, перевода на удаленную форму работы и учебы, но и требование обязательного ношения масок (перчаток?), пользования санитайзерами, соблюдения безопасной дистанции в общественных местах являются конкретизаторами означенных конституционных положений.

С очевидностью следует заметить, что ни политически, ни психологически, ни организационно и ни юридически мы не были к данной чрезвычайной ситуации готовы в необходимой мере, как, впрочем, и другие государства. Это, разумеется, является не основанием для полного оправдания оной неготовности, а лишь констатацией факта.

Если обратиться к анализу применяемого федерального и регионального законодательства, то, наряду с предоставлением льгот и послаблений (материальная помощь семьям с детьми, обеспечение бесплатными лекарствами, льготные кредиты, налоговые каникулы, технология «кэшбэка» в туристической отрасли, иные формы поддержки предпринимательства; льготы медицинским работникам, участвующим в лечении больных коронавирусной инфекцией; поощрение волонтерского движения и адресной благотворительности и т. д.), немалое число нормативных положений и практик вызывает вопросы, социальное и юридическое неудовольствие, неудовлетворение или даже протест.

Так, во-первых, в России использованы технологии неопределенного режима повышенной готовности и более определенного режима чрезвычайной ситуации – не объявлено, в отличие от ряда стран, чрезвычайное положение, хотя ряд принимаемых мер (ограничений и запретов), скорее, характеризует именно его. Многие юристы объясняют это простой меркантильностью государства: норма ст. 27 федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» предусматривает право граждан на возмещение ущерба, а большого числа судебных исков, конечно, не хочется, так как они могут привести к значительным финансовым затратам – плюсом к тем, которые осуществляются и еще будут осуществляться в рамках регулятивной, а не охранительной функции государства. Правда, некоторые политологи и юристы все же полагают, что дело не только в этом, но также и в сущности чрезвычайного положения: «коронпандемия» пока до этой сущности не дотягивает (недаром в январе 2021 г. и в последующее время Правительство РФ, мэрия г. Москвы, руководство ряда регионов подчеркивают, что локдауны, комендантский час, всеобщий карантин и т. п. меры (в отличие от ряда стран) применять

не планируется. Конечно, в этом подходе содержатся политический, экономический и социально-психологический компоненты, как следствие – аккуратные реакции власти на запросы граждан и российского общества в целом. Существует и потребность российской государственности продемонстрировать в условиях известного противостояния образцы своей успешности.

Во-вторых, четкие пределы ограничений прав граждан, в том числе в рамках региональных полномочий, на федеральном уровне установлены не были. Соответственно, губернаторы не только стали применять чрезвычайные меры еще до внесения соответствующих дополнений в федеральное законодательство, но и изобретали их «на ходу»: запреты или ограничения на въезд в регион, требование самоизоляции для всех граждан, для отдельных категорий (60 лет, 65 плюс), запреты прогулок, закрытие большинства учреждений и организаций и т. д. Мотивы подобных действий и различий в их региональных наборах не всегда были обусловлены эпидемиологической ситуацией: например, тотальная самоизоляция не вводилась в Тульской, Тверской, Ярославской и других областях, отличавшихся между собой по указанным показателям, и вводилась в Чеченской республике, на тот момент с более низкими характеристиками заболеваемости (впрочем, причины такого различия в данном случае вполне просматриваются – и они несоизмеримо ближе к политике и/или национально-культурному коду, нежели к медицине). Цифровой контроль исполнения введенных ограничений передвижения и самоизоляции также в большинстве регионов не осуществлялся (возможно, из-за его затратности, а возможно, и из опасения протестных акций, вероятность и массовость которых территориально различна)¹. В целом контроль исполнения региональных указов и постановлений традиционно организовывался бессистемно (за редким исключением). И это, как всегда, явилось своеобразным «психологическим лекарством» для граждан: разрешение выходить из самоизоляции в ближайший магазин², для выноса мусора или выгула собак выглядело (и на момент написания статьи выглядит) весьма экзотично, если использовать мягкие, литературные выражения. Да и сам термин «самоизоляция» звучит угрожающе и угнетающе действует на человеческую психику – его еще предстоит доктринально осмыслить психологам, социологам, юристам и представителям других профессий. Конечно, ошибки, переборы и даже откровенные конфузы³ и пр. можно объяснить (и они объясняются), как мы уже ранее отметили, чрезвычайной неожиданностью и сложностью возникших проблем и управленческих задач. Но и исключить справедливые упреки в адрес государственных структур также нельзя.

Совершенно отдельно от общей проблематики отстоит вопрос об ограничениях, введенных для граждан возрастной категории «65 плюс». Известные решения, по сути, создавали и продолжают создавать новый вид дискриминации, новую

¹ Ярославская область в этом отношении традиционно активна [10].

² Это изобретение коронавирусной поры даже вызывает удивление. К тому же, например, в центре г. Ярославля число приемлемых по ассортименту и качеству продовольственных магазинов не удовлетворяет означенным требованиям. При этом граждане могут находиться на диете по заболеванию и нуждаться в продуктах, которые можно приобрести далеко не в ближайшей торговой точке.

³ В мае 2020 г. в ситуации постепенного выхода из режима самоизоляции мэрией г. Москвы было принято неожиданное и странное решение: жителям разрешили выходить на прогулки по очереди: домам с четными номерами – по четным дням, с нечетными – по нечетным.

группу «меньшинств». С одной стороны, обоснование их специального «пандемического статуса» зиждется на объективных факторах: существенно более высокий риск заражения коронавирусом, сопряжение его с хроническими заболеваниями пожилых людей, ослабленным иммунитетом и т. п. Однако, с другой стороны, только лишь заботой государства о своих пожилых гражданах все ограничения в их адрес объяснить нельзя: в их основу были положены и соображения о количестве «койкомест», и боязнь грядущей статистики смертности перед «мировым сообществом», и надежда на исполнительность этой возрастной категории, сформировавшуюся еще в нелегкое советское время, в том числе и предположение об относительно невысоком уровне гражданской активности данной возрастной группы (в отличие от 35–40-летних, а тем более – представителей юного возраста¹). При этом власть отдавала себе отчет в том, что режим самоизоляции крайне вреден для физического и психического здоровья именно в означенном возрастном диапазоне (65 плюс – и далее бесконечность). Кроме того, не было осуществлено явственной дифференциации между работающими и неработающими гражданами (пенсионерами) – нормативные исключения для категории 65 плюс, чей труд необходим для функционирования организации, появились в основном осенью 2020 г., их применение, разумеется, было адресовано руководителям в рамках административного усмотрения², которое, как известно, весьма широко и субъектно разнообразно³.

Таким образом, как мы уже отметили ранее, можно констатировать появление в социально-политическом пространстве нового вида меньшинств. При этом в доктрине выделяются количественные и качественные характеристики групп означенного типа [11, с. 123–124]. И хотя эти характеристики не универсальны, для группы пожилых людей они работают: 1) по состоянию на 01.01.2020 г. граждане 65 лет и старше составляют 15,47 % от общей численности населения России, из них женщин – 66,69 %, мужчин – 33,31 %; 2) их объединяет критерий возраста. Другое дело, что в новейшее время те или иные меньшинства являются, по общему

¹ Небесспорное предположение, так как молодые люди, «вооруженные Интернетом», более приспособлены к домашнему режиму.

² В качестве примера «особой заботы» можно привести решение администрации вуза «х», коим преподаватели рассматриваемой категории переводились в режим работы online (в противовес более молодым) – с подчинением распоряжению об обязательном размещении лекционных и других учебных материалов в электронной образовательной среде. Возникал логичный вопрос: чем в этом смысле отличаются лекции и практические занятия в таком режиме от режима обычного?... А ведь это дополнительное требование удваивало объем работы (что, видимо, и свидетельствовало об особой заботе о немолодых профессорах и доцентах, традиционно, кстати, являющихся опорой любого вуза). С опозданием также последовали попытки материально-технического обеспечения дистанционного режима.

В мае по центральным каналам также сообщалось (для москвичей), что граждане 65 плюс имеют право в порядке исключения из режима самоизоляции выехать на дачу – «в один конец»... Реагировать на подобные оговорки, разумеется, следовало и следует на основе включения всех ресурсов иронии и самоиронии. Благо, как показала общественная практика эпохи «ковида», у россиян этих ресурсов – в избытке.

³ Следует также иметь в виду, что миру и нашей стране известно немало политических и общественных деятелей, которым глубоко за 70. Поскольку они режиму самоизоляции, как правило, не подвергались, это усиливает дискриминационные контексты внутри указанной возрастной группы.

правилу, субъектами специально охраняемого статуса и льготирования¹, а рассматриваемая группа в «пандемическом» контексте подвержена дискриминации (или так называемой «позитивной дискриминации») – своеобразному «принудительному осчастливливанию». Следует также заметить, что в социологии задолго до означенных событий, но применительно к группе пожилых людей возникла даже тема «геронтологического эйджизма» – комплекса дискриминирующих практик и установок в отношении граждан старших возрастов. Между тем, как показывают результаты соответствующих новейших исследований, излишний патернализм отнюдь не всегда способствует сохранению данной «возрастной популяции», напротив, он снижает энергетический и интеллектуальный потенциал пожилых людей, ослабляет их сопротивляемость возрасту и даже усугубляет индифферентность к жизни – вместо поощрения к более точной самооценке возможностей и формирования добровольного и разумного самоограничения, самоосознанного, а не принудительного [13]. При этом вред от режима принудительной самоизоляции также вполне очевиден, как для психического, так и для физического здоровья именно и прежде всего людей в возрасте 65 плюс.

Полагаем, что пожилых людей нельзя считать «пешками в большой игре»², выделять их в особым образом дискриминируемую группу – следовало бы применить к ним не технологию жесткого запрета, а диспозитивную методiku «мягкого права»: ознакомить их с неблагоприятной статистикой и основанных на ней рекомендациях медиков, предложить несколько «пряников» в виде ухода на больничный, материальной поддержки избравших «путь самоизоляции», системной и понятной волонтерской помощи, первоочередной вакцинации, бесплатного тестирования на ковид/антитела, демонстрации грамотных телепрограмм о рисках для данного возраста и т. д. (возможно, и в сочетании с «кнутом», например, отменой льготного проезда, как это было сделано в Москве, и др.). Необходимо также мотивировать солидаризацию различных групп российского общества, их установку на взаимопомощь и сплоченность перед бедой [14], аккуратно избегая избыточной акцентации на группы риска.

В этом плане далеко не бесполезно обратиться к практике «мягкого нормирования» поведения граждан в столь непростой период нашего бытия со стороны основных конфессий. Так, с одной стороны, в самом начале «пандемического цикла» патриарх Кирилл в своем обращении к верующим подтвердил необходимость самоизоляции и благословил их на «подвиг неотлучного пребывания в своих жилищах». В доктрине это было квалифицировано как акт социальной солидарности, при том, что «осознание ценности человеческой жизни является неотъемлемой частью христианского богословия» и первичным источником концепции прав человека [15, с. 551]. С другой стороны, проявилось и «диссидентское начало»: верующие, призванные патриархом к законопослушанию и на этом основании к ограничениям

¹ За некоторыми исключениями (традиционными, например, неизжитые элементы дискриминации в отношении женщин; нетрадиционными – в отношении претензий не только на формальное равенство, но даже имущества ЛГБТ-сообщества; и т. п.) [12].

² Среди них немало не только политических и общественных деятелей, но и академиков, профессоров, изобретателей технических устройств и вакцины, талантливых музыкантов и др. Но даже если и не опираться на «цвет серебряного возраста», то и в общей массе пожилых людей большинство разумно и ответственно относится к ценности человеческой жизни.

своих канонических прав, все же принимали решения самостоятельно, в зависимости от собственного религиозного самоощущения, ибо значительная часть канонов составляет «существо и смысл церковной жизни» [Там же. С. 556]. Исламские религиозные деятели также поддержали ограничительные меры российского государства. Причем, как отмечают политологи, в отличие от православия, в среде муфтиев и мусульман в целом «ковидного диссидентства» почти не было замечено – большинство из них с пониманием приняли решения об ограничениях религиозной обрядности [16, с. 569–570]. Таким образом, в рассматриваемых видах религиозного пространства была достигнута относительная «симфония» между свободой вероисповедания, толкованием политических решений со стороны религиозных лидеров и решениями верующих о самоограничении.

Актуализируется также проблематика вокруг такой своеобразной конструкции, как «обязанность гражданина сохранять свое здоровье», корректировки ее содержания и взаимодействия отдельных элементов, как в контексте заботы о здоровье в период эпидемии/пандемии, так и в общесоциальном контексте. Конструкция была введена в юридический оборот именно действующим федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в обороте политическом она возникла существенно раньше¹). Однако, во-первых, конкретизация данной обязанности осуществлена только для отдельных случаев: обязательность прохождения медосмотров, если они предусмотрены законодательством для той или иной профессии, и соблюдения режима лечения в период временной нетрудоспособности, а также правил поведения пациента в медицинской организации. Во-вторых, не только не установлена (и объективно не может быть установлена ввиду явной неопределенности содержания) ответственность за неисполнение обязанности заботиться о сохранении своего здоровья в общем виде, но и далеко не исчерпывающе и явственно определены меры воздействия на гражданина в означенных конкретных случаях. В стратегическом контексте рассматриваемая обязанность – скорее социально-политическая, нежели юридическая конструкция. Соответственно, и технологии ее продвижения, закрепления в общественном и индивидуальном сознании и социальных практиках должны быть скорее политологическими, нежели формально-юридическими (за исключением конкретных предписаний для строго определенных типов ситуаций).

Апологетика общерегулятивного смысла рассматриваемой обязанности может вести не только к абсурдным, ввиду невозможности их индивидуализировать, требованиям (правильно питаться, не курить, не употреблять алкоголь, смотреть под ноги во время гололеда, делать утреннюю зарядку, выключать телевизор и гаджеты за час до сна, принимать витамины и средства профилактики против гриппа и т. п.), но и к опасности – в смысле трактовки обязанностей врача и медицинской организации обеспечивать надлежащее лечение (огрехи последних могут трактоваться как последствия несоблюдения приведенного перечня действий гражда-

¹ Развитие медицинской диагностики, биотехнологий и территориальная концентрация населения, как отмечается в доктрине, привело к всплеску социальной девиации (в смысле здоровья) и формированию потребности распространить биополитику на максимально возможное количество граждан, а это, в свою очередь, способствовало формированию «культуры опасности» и на ее основе – двух целей государства в рассматриваемой сфере: «1) воздействовать на тело больного, ... побуждая его к самодисциплине и к возвращению в «норму»; 2) организовать тотальный контроль за «социальным телом» всего населения» [2, с. 92].

нина), а также их избыточных прав вмешиваться в его частную жизнь [17, с. 82]. Следует также иметь в виду, что данная общерегулятивная обязанность вступает в противоречие с профессиональными обязанностями весьма многочисленных категорий граждан, чья деятельность связана с риском, а также тех граждан, которые занимаются экстремальными видами спорта, туризма и т. д. Таким образом, декларируемая норма п. 1 ст. 27 в значительной мере является благим пожеланием законодателя.

Что касается конкретных вариантов ответственности либо применения иных мер воздействия, то они развиты далеко не в равной степени. Так, непрохождение медицинского профосмотра может (и, видимо, должно) вести к отказу либо в приеме на работу, либо в продлении трудового договора. Однако реализация данного правила изобилует огрехами. Во-первых, организация (бюджетного типа, например, вуз) в полном объеме для этой цели не финансируется, значит, приходится искать компромиссные варианты: жестко требовать прохождения ежегодного медосмотра преподавателями, оформляемыми на основах внутреннего совместительства (по основной должности они могут быть избраны по конкурсу на 3–5 лет), а также искать для данной цели медицинскую организацию с демпинговыми ценами за услуги, что снижает их качество и наносит соответствующий моральный и психологический ущерб работникам (стояние в очередях, формальность осмотра, неумелость процедурной медсестры и т. п.). В период коронавирусной пандемии это особенно опасно (тем более что исключений для 65 плюс не делается¹). Во-вторых, если вдумчиво проанализировать перечень медицинских услуг, то становится ясным, что он сформирован в значительной мере формально: например, неясно, зачем преподавателю вуза получать «одобрение» стоматолога и даже офтальмолога (право преподавания не исключено даже для незрячих² и уж тем более – для лиц с зубными протезами, кариесом или пародонтозом); для онкологических же больных явно далеко не безвредной является ежегодная флюорография..

Конечно, в период пандемии конструкция рассматриваемой обязанности активно усиливается административной ответственностью за нарушение правил карантина, непредставление теста на коронавирус гражданами, прибывшими из-за границы (если такое правило установлено), и за иные действия. Полагаем, что данная подотрасль административного законодательства, получив необходимый импульс в чрезвычайных обстоятельствах, отныне будет только развиваться, а применение ее норм – находиться под разумным контролем госструктур³.

Таким образом, социальные и гуманитарные науки получили и продолжают получать чрезвычайно интересный материал для анализа и размышлений, политическая практика – для формирования «банка» управленческих решений, а практика законодательская – для развития специализированного «антивирусного» законодательства, федерального, регионального и локального. Рассматриваемые чрезвычай-

¹В этом в очередной раз ярко проявляется «забота» государства о пожилых людях: сочетание требования самоизоляции и обязательности прохождения медосмотра – результат своеобразной управленческой «логики», а скорее, отсутствия действительного системного подхода к вопросу. При этом об автомобилистах российские власти озаботились: были пролонгированы сроки действия водительских удостоверений.

²На юридических факультетах есть незрячие зав. кафедрами, профессора и т. д.

³Так, например, мэрия г. Москвы сообщила, что в несанкционированных публичных акциях 23 января 2021 г. приняли участи 19 человек, находящихся на карантине в связи с заболеванием ковидом.

ные обстоятельства также значительно актуализировали и оживили дискурс относительно социально-политического и формально-юридического содержания права человека на жизнь, распоряжения ею по своему усмотрению, содержания и пределов ограничения прав и свобод человека в период нестандартных ситуаций, поиска разумного взаимодействия частных и публичных начал, интересов отдельной личности, групп граждан и политических структур. Указанные обстоятельства усилили и вектор размышлений политологов (в меньшей степени – правоведов, ибо юриспруденция есть концентрированное выражение политики) в сторону проблематики меняющейся роли государства в активно меняющемся мире, в том числе в контексте и в период так называемого «отложенного времени» [18, с. 195], государства социальной направленности [19; 20; 21], к которому, смеем надеяться, не только причисляет себя наша страна, опирающаяся отныне на известные конституционные поправки¹, но и действительно активно этого желает. Методология политики, включая воздействие и на предмет нашего размышления, воистину должна стремиться к «симфонии» государственной безопасности, общественных и индивидуальных смыслов и интересов.

Ссылки / References

1. Озеров А. А. Смысложизненный компонент российского социума в условиях пандемии Covid-19 // Власть. 2020. № 6. С. 67–71.
2. Кравченко С. А. Пандемия Covid-19: вызовы здоровью населения мира – возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитка? // Политические исследования. 2020. № 6. С. 91–102.
3. Резник Е. С. Право на жизнь: гражданско-правовые аспекты. М.: Юрлитинформ, 2010. 184 с.
4. Биомедицинское право в России и за рубежом / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина и др. М.: Проспект, 2019. 368 с.
5. Соколов А. В. Особенности деятельности НКО в условиях развития Интернета // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2020. № 20. С. 324–331.
6. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
7. Головин Ю. А., Петрова О. В. Роль коммуникации в политико-административном управлении национальными проектами в Ярославской области // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 6–17.
8. Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // Закон. 2020. № 5. С. 42–52.
9. Агальцова М. В., Иманова Т. В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.

¹То, что они были осуществлены в период пандемии, еще долго будет обсуждаться в российском обществе (особенно в его либеральных кругах), но факт состоялся – и за ним должны последовать соответствующие доказательственные факты реальности поставленных задач.

10. Соколов А. В., Палатников Д. Е. Протестная активность: опыт индексного анализа // Социальные и гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 29–37.
11. Дехканов С. А. Международно-правовые критерии меньшинств // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 122–131.
12. Tarusina N., Isaeva E. Equalization of legal status with respect to gender // Russian law journal. Vol. 4. № 3. P. 74–93.
13. Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 32–45.
14. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Зуева С. В. Новый образ жизни в условиях социальной разобщенности: о солидарности на национальном и международном уровне // Общество в условиях социального разобщения: новые практики в образовании, бизнесе, коммуникациях и потреблении. Материалы междунар. научно-практич. конференции. Ярославль, 2021. С. 16–25.
15. Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558.
16. Почта Ю. М. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 559–578.
17. Шишков С. Н., Полубинская Д. Е. Забота о сохранении здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.
18. Титова Л. Г. Российский политический процесс – отложенное время? // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5. № 3. С. 193–199.
19. Пушкин А. В каком мире мы проснемся завтра // Российская газета. 13 мая 2020 г. № 100 (8154). С. 10.
20. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
21. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118.

The influence of patriotic education on the image of a patriot among young people (using the example of the Yaroslavl region)

V. V. Zagrebin¹, I. Y. Kiselev¹, N. V. Ovchinnikova¹, A. G. Smirnova¹, E. V. Yasyuchenya²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Center for patriotic education, 19/11 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-182-193

Research Article
Full text in Russian

In modern conditions of globalization and the introduction of the Internet into the daily life of young people, there is a blurring of the value of patriotism in the mass consciousness of young people. This process takes place in the time when one of the main directions of the implementation of the national state youth policy is directly related to patriotic education. The article is based on the materials of a sociological study of the subjective understanding of patriotism in the minds of regional youth involved in the process of patriotic education. On a targeted sample, 345 respondents aged 14 to 30, living in the Yaroslavl region and carrying out activities within the framework of patriotic education, were interviewed.

The results of the empirical study lead to a number of conclusions. First, the vast majority of the surveyed respondents identify themselves as patriots of their country. At the same time, girls are more willing than boys to call themselves patriots. Secondly, a clear idea of patriotism has not been formed in the minds of young people. Thirdly, the associative component is also poorly represented in the image of a patriot - the respondents could not name a "true" patriot and an "antipatriot", which indicates the absence of a single reference group in the youth environment. Fourthly, the main feature of young people, involved in the process of patriotic education, reveals the fact that they do not only identify themselves as patriots, but are also ready for active volunteer work as well. Fifth, respondents highly appreciate the work of state institutions specializing in patriotic education. As a recommendation, we can propose to pay more attention to the introduction of modern multimedia technologies in the educational sphere.

Keywords: patriotism; patriotic sentiments; patriotic identity; patriotic education; youth; sociological research; Yaroslavl region

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zagrebin, Vladimir V. (correspondence author)	Email: vladimir_zagrebin@mail.ru Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor
Kiselev, Igor Y.	Email: igkisselev@mail.ru Doc. Sc. (Sociology), Professor
Ovchinnikova, Natalia V.	Email: nv.lyusina@yandex.ru Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor
Smirnova, Anna G.	Email: agsmirnova2001@mail.ru Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor
Yasyuchenya Elisey V.	Email: erman@yandex.ru Deputy director

Funding: P. G. Demidov Yaroslavl State University, project OP2G-14-20-19

For citation: Zagrebin V. V., Kiselev I. Y., Ovchinnikova N. V., Sminova A. G., Yasyuchenya E. V. The influence of patriotic education on the image of a patriot among young people (using the example of the Yaroslavl region) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 182-193. (in Russ.)

© Zagrebin V. V., Kiselev I. Y., Ovchinnikova N. V., Sminova A. G., Yasyuchenya E. V., 2021

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Влияние патриотического воспитания на образ патриота среди молодёжи (на примере Ярославской области)

В. В. Загребин¹, И. Ю. Киселев¹, Н. В. Овчинникова¹, А. Г. Смирнова¹, Е. В. Ясюченя²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, РФ

²ГАУ ЯО «Центр патриотического воспитания», ул. Советская, 19/11, Ярославль, 150003, РФ

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-182-193
УДК 316.354.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

В современных условиях глобализации и внедрения интернета в повседневную жизнь молодёжи наблюдается размытие ценности патриотизма в массовом сознании молодёжи. Данный процесс происходит в то время, когда одно из основных направлений реализации отечественной государственной молодёжной политики непосредственно связано с патриотическим воспитанием. Статья основана на материалах социологического исследования субъективного понимания патриотизма в сознании региональной молодёжи, вовлечённой в процесс патриотического воспитания. По целенаправленной выборке были опрошены 345 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих на территории Ярославской области и осуществляющих деятельность в рамках патриотического воспитания.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, значительное большинство опрошенных идентифицирует себя как патриотов своей страны. При этом девушки охотнее юношей называют себя патриотами. Во-вторых, в сознании молодёжи не сформировано чёткого представления о патриотизме. В-третьих, в образе патриота плохо представлен и ассоциативный компонент: респонденты не смогли назвать «истинного» патриота и «антипатриота», что говорит об отсутствии единой референтной группы в молодёжной среде. В-четвёртых, основной чертой молодёжи, вовлечённой в процесс патриотического воспитания, можно считать то, что они не только идентифицируют себя как патриотов, но и готовы к активной волонтерской деятельности. В-пятых, респонденты высоко оценивают работу государственных учреждений, специализирующихся на патриотическом воспитании. В качестве рекомендации можно предложить с большим вниманием отнестись к внедрению современных мультимедийных технологий в образовательную сферу.

Ключевые слова: патриотизм; патриотические настроения; патриотическая идентичность; патриотическое воспитание; молодёжь; социологические исследования; Ярославская область

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Загребин, Владимир Владимирович (автор для корреспонденции)	Email: vladimir_zagrebini@mail.ru Кандидат социологических наук, доцент
Киселев, Игорь Юрьевич	Email: igkisselev@mail.ru Доктор социологических наук, заведующий кафедрой
Овчинникова, Наталья Владимировна	Email: nv.lyusina@yandex.ru Кандидат социологических наук, доцент
Смирнова, Анна Геннадьевна	Email: agsmirnova2001@mail.ru Кандидат политических наук, доцент
Ясюченя, Елисей Валерьевич	Email: erman@yandex.ru Заместитель директора

Финансирование: ЯРГУ, грант № ОР2G-14-20-19

Для цитирования: Загребин В. В., Киселев И. Ю., Овчинникова Н. В., Смирнова А. Г., Ясюченя Е. В. Влияние патриотического воспитания на образ патриота среди молодёжи (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 182-193.

Введение

Патриотизм для российской молодёжи является базовой традиционной и наиболее устойчивой социальной ценностью [1, с. 138]. При этом в настоящее время проблема формирования патриотических установок молодёжи стоит довольно остро. Сегодня в условиях интенсивного развития глобализации и внедрения интернета в повседневную жизнь молодёжи мы наблюдаем, с одной стороны, рост социальной мобильности, стирание территориальных границ, усвоение подростками западных установок, прежде всего на успех, с другой – разрыв родственных связей и отсутствие привязанности к родной земле среди подрастающего поколения [2, с. 67]. Всё это приводит к размыванию ценности патриотизма в массовом сознании молодёжи.

Патриотизм можно определить как социальное чувство, а также нравственно-политический принцип, выражающийся в любви к Отечеству и готовности подчинить общим интересам свои индивидуальные, что предполагает гордость культурой Родины, желание сохранять культурные особенности и идентификацию себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. В основе этого чувства лежит положительно окрашенное ценностное отношение к родной земле, родному языку и традициям [3, с. 6]. Однако в обыденном понимании чаще всего представители молодёжи вкладывают в содержание патриотизма абстрактную «любовь» к Отчизне. Об этом свидетельствуют опросы федеральных центров изучения общественного мнения [4]. Но что значит «любить Родину» для подрастающего поколения? Причём молодёжь значительно менее требовательна при обсуждении критериев патриотизма в отличие от других возрастных когорт [5]. Кроме того, ряд экспертов указывает на размывость определений ключевых понятий патриотизма даже в текстах приоритетных документов и программ патриотического воспитания [6, с. 199].

Целью настоящей статьи является попытка проанализировать системы определённых знаний, понятий, представлений и взглядов о патриотизме, а также настроений в форме личного опыта, выраженного в индивидуальной социальной позиции, среди региональной молодёжи, а также ответить на ряд исследовательских вопросов. С чем же отождествляется понятие патриотизма в сознании молодёжи, так или иначе вовлечённой в процесс патриотического воспитания? Как объект патриотического воспитания сам оценивает работу государственных учреждений, специализирующихся на патриотическом воспитании?

О классификациях патриотического воспитания и патриотизма

Одно из основных направлений реализации государственной молодёжной политики в Российской Федерации непосредственно связано с патриотическим воспитанием¹. В научной литературе выделяется два взаимодополняющих компонента целостной системы патриотического воспитания: гражданско-патриотическое и военно-патриотическое. *Гражданско-патриотическое воспитание* трактуется как целенаправленный педагогический процесс формирования необходимых качеств и навыков для функционирования и взаимодействия в условиях демократического

¹Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 02.02.2021).

общества. Здесь особое внимание уделяется подготовке подростков к инициативному труду, реализации прав и обязанностей, а также умению брать на себя ответственность за свой политический, нравственный и правовой выбор [7, с. 64]. *Военно-патриотическое воспитание* определяется как педагогический процесс формирования необходимых качеств и навыков для выполнения воинского долга в рядах армии на основе осознания своей роли и места в служении Отечеству, высокой личной ответственности за выполнение требований военной службы [8, с. 163].

Феномен патриотизма как объект научного исследования довольно многогранен. В настоящем исследовании патриотизм прежде всего фиксируется через самоидентификацию. В своём анализе мы опираемся на логику конструктивно-институциональной методологии. С этой точки зрения, патриотизм является социальной ценностью, которая имеет следующие компоненты. Во-первых, формирование патриотизма в молодёжной среде выражается в эмоциональном компоненте. Сильные патриотические чувства нередко используют различные политические силы для достижения своих целей в качестве эффективного ресурса мобилизации масс [9, с. 112]. Во-вторых, в формировании молодёжного патриотизма важен когнитивный компонент, выражающийся в знании культуры и истории Отечества, в том числе фольклорных, военно-спортивных и национальных традиций, помогающих формировать позитивный образ Родины [10, с. 20]. В-третьих, не менее важен активный (деятельный) компонент [11, с. 124]. Нельзя забывать, что патриотизм – это не только любовь к природе и другим особенностям своей отчизны, но и отношение к людям, согражданам, выражающееся в заботе о сохранении их личного достоинства, здоровья и жизни, в стремлении обеспечить условия для благополучия и процветания, улучшить жизнь здесь и сейчас.

В связи с тем, какой компонент ярче выражен в молодёжной среде, российские исследователи выделяют два основных патриотизма: *государственный* и *гражданственный* [12, с. 52–54]. Кроме того, И. А. Халий выделяет еще *индифферентное отношение к Родине* как специфический тип патриотизма [2, с. 69].

Основу *государственного (безоговорочного) патриотизма* составляет эмоциональный компонент. Такой тип патриотизма выражается в любви к Родине как таковой, на декларируемом уровне, то есть лишь на словах, без стремления преобразить сложившиеся условия. *Гражданский (преобразовательный) патриотизм* представлен активным (деятельным) компонентом, обусловленным рациональным типом национальной гордости, выражается в готовности участвовать в делах государства и стремлении внести свой личный вклад в развитие общества. Для индивидов, отношение которых можно оценить как *индифферентное отношение к Родине*, характерно отсутствие стремления как-либо выразить свою гражданскую позицию, поскольку это, по их мнению, не приведёт к позитивным социальным изменениям в стране. Поэтому в этой группе наблюдаются высокие эмиграционные настроения.

Об исследовательской методике и отборе респондентов

В декабре 2020 года было проведено социологическое исследование, направленное на изучение субъективного понимания патриотизма в сознании региональной молодёжи, вовлечённой в процесс патриотического воспитания. Сбор первичных эмпирических данных проведён с помощью интернет-анкетирования на платформе Google Forms. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы SPSS

for Windows 26, включающей в себя описательную статистику (мода, медиана, межквартильный размах), анализ частотных распределений и таблиц сопряженности, а также расчет критерия χ^2 Пирсона.

В опросе приняли участие 345 юных жителей Ярославской области, так или иначе осуществляющих деятельность в рамках патриотического воспитания, в возрасте от 14 до 30 лет: 14–18 лет (48 %), 19–21 года (14 %), 22–26 лет (16 %), 27–30 лет (22 %). Из них 69 % женщин и 31 % мужчин. Характеристики выборочной совокупности: неслучайная, целенаправленная [13, с. 143]. Выборка формировалась по социальному признаку вовлеченности подростка в процесс патриотического воспитания.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено 5 основных направлений патриотического воспитания, в рамках которых респонденты осуществляют свою деятельность: *социально-патриотическое* (добровольчество) (34 %), *культурно-патриотическое* (24 %), *военно-патриотическое*, в том числе поисковая деятельность (15 %), *спортивно-патриотическое* (11 %), *гражданско-патриотическое* (межнациональное взаимодействие, гражданская идентичность, избирательное право) (9 %), *историко-патриотическое* (изучение истории, реконструкция) (4 %). При этом направления патриотического воспитания выбираются с разной частотой и эти различия статистически значимые (критерий $\chi^2_{df=12} = 624,8$; $p < 0,01$).

О структуре патриотической идентичности

Согласно результатам опроса, подавляющее большинство респондентов идентифицирует себя как патриотов своей страны. Так, участники опроса, отвечая на вопрос, считают ли они себя патриотами, чаще всего выбирают ответ «скорее да» (48 %) и «да» (43 %). Отметим, что всего 2 % опрошенных не считают себя патриотами, но практически каждый десятый респондент (7 %) выбрал вариант ответа «скорее не считает, чем считает» (критерий $\chi^2_{df=3} = 231,469$; $p < 0,01$).

Распределение ответов в зависимости от пола повторяет распределение ответов по выборке в целом. Вместе с тем респонденты-юноши чаще, чем респонденты-девушки, дают отрицательный и скорее отрицательный ответы на вопрос «Считают ли они себя патриотами?». Такие ответы дали 14 % юношей и 7 % девушек. Различия статистически значимые (критерий $\chi^2_{df=3} = 10,893$; $p=0,012$). Результаты социологического опроса ярославской молодежи, проведенного в 2019 году, также зафиксировали, что девушки охотнее юношей называют себя патриотами (77 % против 70 %) [14, с. 58]. Однако лонгитюдных исследований о гендерных особенностях молодежного патриотизма не проводилось, поэтому говорить о снижении или росте патриотических чувств среди юношей и девушек можно говорить лишь условно. Статистически значимых различий в распределении ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом» у представителей разных возрастных групп не выявлено.

В *структуре идентичности* респондентов доминирует гражданская идентичность (табл. 1). Больше всего в качестве гражданина своей страны ощущают себя 42 % опрошенных. Далее по частоте упоминания следует идентификационная категория «член своей семьи» – 22 %, «гражданин мира» – 14 %, «житель своего населенного пункта» – 13 %, «представитель своего народа/национальности» – 8,5 % (критерий $\chi^2_{df=5} = 212,144$; $p < 0,01$).

В данном исследовании не было выявлено статистически значимых различий в описании структуры идентичности респондентов в зависимости от пола. Однако выявлены значимые различия в зависимости от *возраста респондентов*. Как видим

из табл. 1, с возрастом увеличивается доля респондентов, которые отождествляют себя с гражданами своей страны. При этом уменьшается доля респондентов, которые ощущают себя в качестве гражданина мира (критерий $\chi^2_{df=12} = 23,557$; $p=0,023$).

Таблица 1

Структура идентичности в зависимости от возраста респондентов

Самоидентичность респондентов	Возрастные квоты респондентов				Всего
	14–18 лет	19–21 год	22–26 лет	27–30 лет	
гражданин своей страны	39 %	46 %	37 %	51 %	42 %
член своей семьи	24 %	17 %	18 %	22 %	22 %
гражданин мира	20 %	12 %	11 %	3 %	14 %
житель своего населенного пункта	9 %	15 %	20 %	17 %	13 %
представитель своего народа/национальности	7 %	10 %	13 %	7 %	8 %

Кроме того, выявлены различия в описании структуры идентичности опрошенных в зависимости от *самокатегоризации респондентов в качестве патриотов*. Так, у респондентов, которые определяют или скорее определяют себя в качестве патриотов, ведущей самоидентификацией выступает гражданская идентичность (54 % и 34 % соответственно). В свою очередь, респонденты, которые не определяют или скорее не определяют себя в качестве патриотов, чаще, чем другие категории респондентов, определяют себя в качестве жителей своего населенного пункта (29 % и 8 % соответственно) и членов своей семьи (14 % и 46 %), то есть принадлежат к локальным сообществам (критерий $\chi^2_{df=12} = 27,079$; $p=0,008$).

О субъективном понимании значения понятия «патриотизм»

В ходе анкетирования участникам было предложено самостоятельно подобрать синонимы, с помощью которых они могли заменить понятие «патриотизм». Респонденты представили довольно широкий спектр трактовок. Наиболее часто выбираемый ответ (среди *первых ответов* на вопрос) – «любовь к родине» (77 %); патриотизм как готовность защищать Отечество отметили 10 % опрошенных; понимание патриотизма через знание культурного и исторического наследия отметили 4 % опрошенных. Среди *вторых ответов* на вопрос доминирует понимание патриотизма как готовности защищать Отечество – 14 % и уважение к своей семье – 2 %. Среди *третьих ответов* на вопрос – готовность защищать Отечество – 23 %, уважение к старшему поколению – 12 % и уважение к семье – 7 %.

Анализ ответов респондентов на вопрос «Кто для Вас является авторитетом (человек, мнение которого для Вас важно) в вопросе отношения к стране и процессам, которые в ней происходят?» позволяет построить иерархию лидеров мнения среди молодёжи. Лидирующую позицию в ней занимают родители (54 %), руководители клубов или секций, тренеры (28 %), учителя в школе (19 %). Наименее

авторитетным, по мнению респондентов, является мнение друзей (13 %) и известных блогеров (7 %). В то же время среди опрошенных популярным стал ответ «нет авторитета» (29 %).

Содержание активной гражданской позиции для российской молодёжи в большей степени выражается в готовности защищать Отечество (60 %), знании исторического и культурного наследия страны (52 %), участии в волонтерской деятельности (48 %), уважении к старшему поколению (47 %), уважении к своей семье (40 %), готовности выразить свою позицию, идущую вразрез с общегосударственной (38 %), участии в политических процессах в стране (29 %). Менее популярный ответ – лояльность к действиям и решениям, принимаемым государственной властью (11 %).

В то же время сами представители молодёжи готовы выражать свою гражданскую позицию прежде всего через участие в волонтерской деятельности (60 %), уважение к старшему поколению (57 %), уважение к своей семье (57 %), знание исторического и культурного наследия страны (52 %), готовность защищать Отечество (41 %). В меньшей степени респонденты готовы выражать свою позицию, идущую вразрез с общегосударственной (26 %), участвовать в политических процессах в стране (23 %) и быть лояльными к действиям и решениям, принимаемым государственной властью (11 %).

Участники опроса полагают, что в России должна быть единая идеология. Так считает значительное большинство опрошенных (69 %). Вместе с тем порядка трети опрошенных (30 %) убеждены, что никакая идеология не нужна ($\chi^2_{df=3} = 64,806$; $p < 0,01$).

В ходе исследования не были выявлены статистически значимые различия в ответах на вопрос о необходимости единой идеологии в зависимости от пола и возраста респондентов. Однако отмечаются статистически значимые различия в распределении ответов на данный вопрос в зависимости от *самокатегоризации респондентов в качестве патриотов*. Мнение о том, что в стране должна быть единая идеология, высказывает каждый второй респондент, который считает себя патриотом (47 %). При этом каждый третий опрошенный, кто не считает себя патриотом, полагает, что в стране не должно быть единой идеологии (29 %) (критерий $\chi^2_{df=9} = 39,343$; $p < 0,01$).

Об образе патриота в массовом сознании

Участники опроса убеждены в том, что человек с выраженной патриотической позицией воспринимается в обществе положительно (33 %) и скорее положительно (51 %).

Стоит отметить, что респонденты по-разному оценивают эмоциональную окрашенность образа патриота в зависимости от возраста. Наиболее часто убежденность в том, что образ патриота имеет положительный характер, высказывают самые молодые респонденты в возрасте от 14 до 18 лет (43 %). Доля таких ответов снижается с увеличением возраста. Так, среди респондентов в возрасте 19–21 года с таким мнением 33 %, в возрасте 22–26 лет – 24 % и в возрасте 27–30 лет таких уже 18 %. При этом доля ответов, согласно которым патриот воспринимается обществом отрицательно и скорее отрицательно, самая большая среди респондентов 27–30 лет (3 % и 12 % соответственно), самая маленькая – среди респондентов 14–18 лет (2 % и 8 % соответственно). Кроме того, респонденты по-разному оценивают эмоциональную

окрашенность образа патриота в зависимости от *самокатегоризации в качестве патриота*. Так, респонденты, которые считают себя патриотом, чаще всего убеждены в том, что в обществе человек с патриотической позицией воспринимается положительно (46 %) и скорее положительно (42 %). В свою очередь, респонденты, которые не считают себя патриотами, полагают, что в обществе человек с патриотической позицией воспринимается скорее отрицательно (43 %).

Респонденты убеждены, что выраженная патриотическая позиция сама по себе не ограничивает (35 %) или скорее не ограничивает (41 %) свободу существования (критерий $\chi^2_{df=3} = 96,493$; $p < 0,01$). Мнение по данной позиции не зависит от пола, возраста и самокатегоризации респондентов в качестве патриота.

Содержание категории «известный, модный человек» может быть раскрыто в том числе посредством анализа ответов на открытые вопросы о том, кого из публичных людей и политических деятелей можно назвать патриотом и кто из них нравится больше всего респондентам.

Полученные результаты не позволяют сделать вывод о существовании фигуры *политического лидера*, который вызывал бы положительные эмоции у респондентов. Так, каждый второй опрошенный не дал ответа вообще (45 %); ещё каждый десятый (11 %) отметил, что никто не нравится. Респонденты, которые определились с выбором, чаще других называли действующего президента РФ В. В. Путина (14 %) и главного оппозиционера А. А. Навального (6 %), а также В. В. Жириновского (4 %), С. К. Шойгу (2 %), С. И. Фургала (2 %). Другие политики упоминались респондентами не более 1–3 раз.

Среди современных публичных людей, *не являющихся политическими деятелями* (спортсмены, блогеры, артисты и т. д.), в качестве патриотов респонденты выделяют актера К. Хабенского (3 %), журналиста и видеоблогера Ю. Дудя (3 %), музыканта О. Газманова (3 %) и «спортсменов» (3 %). Отметим, что 42 % опрошенных не смогла дать ответ на поставленный вопрос или выбрали вариант «затрудняюсь ответить» (6 %). Остальные варианты ответа упоминались лишь 1–3 раза.

Таким образом, публичные люди, в том числе политики, не рассматриваются респондентами в качестве лидеров мнений, не воспринимаются в качестве эталона поведения патриота.

Образ патриота в литературе или кино в сознании респондентов также не связан с каким-то одним персонажем. Чаще всего респонденты не дают какого бы то ни было ответа на вопрос о том, кого из литературных или киногероев они бы назвали патриотом (38 %) или выбрали вариант «затрудняюсь ответить» (4 %). Чаще других упоминаются Андрей Болконский (4 %), Тарас Бульба (4 %), Петр Гринев (3 %) и Василий Теркин (2 %).

Важно отметить, что почти половина опрошенных (46 %) не смогла назвать историческую или известную личность, которая внесла особый вклад в развитие нашей страны. Причём, как отмечалось выше, 52 % респондентов продемонстрировали готовность выражать свою гражданскую позицию через знание исторического и культурного наследия страны. Тем не менее чаще других в качестве достояния нашей страны рассматривается деятельность Петра I (10 %), действующего президента страны В. В. Путина (3 %), И. В. Сталина (3 %), В. И. Ленина (3 %), А. С. Пушкина (3 %), Ю. А. Гагарина (3 %).

В свою очередь, разрушительная, деструктивная роль в истории респондентами отводится преимущественно, по мнению опрошенных, М. С. Горбачеву (7 %), Б. Н. Ельцину (5 %), И. В. Сталину (4 %), В. И. Ленину (3 %). Вместе с тем, как и в случае

остальных вопросов, 51 % респондентов не дал ответ на поставленный вопрос. Можно заметить, что среди исторических фигур конструктивная и деструктивная роль зачастую приписывается одним и тем же политическим деятелям. Вероятно, ребята назвали того, кого смогли вспомнить в момент заполнения анкеты.

Об эмиграционных настроениях

Каждый второй опрошенный (49 %) рассматривает для себя *возможность переехать в другую страну*. Как правило, в качестве места переезда рассматриваются западные страны с высоким уровнем жизни. Как показывают результаты проведенного в 2019 году исследования миграционных настроений ярославской молодежи, чаще всего представители региональной молодежи, думающие о переезде в другую страну, не имеют никаких временных рамок [15, с. 303]. Поэтому для большинства желание эмигрировать – всего лишь гипотетическое предположение, которое вряд ли приведет к конкретным действиям. В свою очередь, треть респондентов (28 %) рассматривает в качестве страны для жизни только Россию. Отметим, что каждый пятый (23 %) затруднился ответить на поставленный вопрос. Вероятно, они просто не задумывались об этом (критерий $\chi^2_{df=2} = 38,21$; $p=0,01$).

О субъективных оценках эффективности системы патриотического воспитания

Участники опроса оценивали эффективность системы патриотического воспитания на всероссийском и региональном уровнях по 10-бальной шкале.

Респонденты оценили эффективность системы патриотического воспитания в масштабе Российской Федерации на довольно высоком уровне. Мода, то есть наиболее часто встречающееся значение, равна 7 баллам. Такую оценку эффективности системы патриотического воспитания в масштабах всей страны дал 21 % респондентов. Отметим, что и медиана, то есть значение, которое делит вариационный ряд пополам, равна также 7 баллам. Другими словами, 50 % респондентов оценили эффективность системы патриотического воспитания менее чем на 7 баллов, а другие 50 % – более чем на 7 баллов. Межквартильный размах составляет 3 балла, то есть 50 % респондентов оценили эффективность системы патриотического воспитания в интервале от 5 до 8 баллов. На региональном уровне оценка респондентами эффективности системы патриотического воспитания также довольно высокая. Модальная оценка равна 8 баллам. Такую оценку эффективности региональной системы патриотического воспитания дали 18 % респондентов. Отметим, что медианная оценка эффективности системы патриотического воспитания на региональном уровне равна также 7 баллам. Межквартильный размах составляет 4 балла, то есть 50 % респондентов оценили эффективность системы патриотического воспитания в интервале от 5 до 9 баллов.

Среди причин, которые, по мнению опрошенных, мешают проведению работы по патриотическому воспитанию, отмечаются следующие: ассоциация с государственной политикой (41 %); неинтересная форма подачи материала (31 %); сложность тематики (12 %); немодная тематика (7 %). Различия статистически значимые (критерий $\chi^2_{df=4} = 150,2$; $p=0,01$).

Далее респонденты назвали наиболее важные социальные институты, которые *должны заниматься патриотическим воспитанием*. Распределение частот пер-

вого варианта ответа, который дали респонденты, позволяет заметить, что ведущим институтом патриотического воспитания выступает семья (67 %), школа и другие учебные заведения (17 %), клубы или секции (7 %). Распределение частот в рамках второго варианта ответа выглядит следующим образом: 24 % опрошенных полагают, что патриотическим воспитанием должны заниматься клубы и секции; 23 % – школа и другие учебные заведения; семья – 6 %; детский сад – 5 %. Распределение частот в рамках третьего варианта ответа выглядит следующим образом: школа и другое учебное заведение – 20 %; детский сад – 8 %.

Респонденты выразили мнение о том, какую интернет-платформу лучше использовать для повышения эффективности патриотической работы с молодёжью. В рамках первого варианта ответа чаще всего респонденты отмечают социальную сеть ВКонтакте (77 %), ТикТок (13 %), Инстаграм (4 %). В рамках второго варианта ответа чаще других упоминаются Инстаграм (17 %), ТикТок (16 %). Третьим вариантом ответа респонденты называют Инстаграм (28 %) и ТикТок (9 %), Фейсбук (2 %).

По мнению опрошенных, чтобы сделать патриотическое воспитание более эффективным, в подачу материалов патриотической направленности необходимо добавить следующие элементы. Прежде всего важно, чтобы информация была интересной (55 %), подана с юмором (11 %), красиво оформленной (8 %), содержать мемы и смайлы (6 %). Информацию должен представлять известный, модный человек (14 %).

Заключение и рекомендации

Результаты исследования продемонстрировали, что значительное большинство опрошенной молодёжи идентифицирует себя как патриотов своей страны. Однако необходимо учитывать, что патриотическая идентичность является в массовом сознании социально одобряемой. Согласно тезаурусной теории [16, с. 579], патриотизм базируется на разделении «свой – чужой». В таком случае патриотизм, в случае выбора индивидом или группой индивида конформной стратегии, выступает как определенный способ присоединения к большинству [17]. Следовательно, маркером «чужака» в общественном сознании является отсутствие патриотических чувств. Таким образом, молодой человек, признавшийся в отсутствии патриотических чувств, рискует стать изгоем.

При этом патриотические чувства среди молодёжи выражаются лишь номинально. В большинстве случаев в массовом сознании молодёжи не сформировано чёткого представления о патриотизме. В определении патриотизма плохо представлен когнитивный компонент, выражающийся, как правило, в знании истории и культуры Родины.

Кроме того, для опрошенных характерно отсутствие единой референтной личности или группы. Результаты опроса показали, что в образе патриота плохо представлен и ассоциативный компонент: респонденты не смогли назвать «истинного» патриота и так сказать «антипатриота». Однако, как ни странно, ни один из участников опроса не вспомнил даже героев Великой Отечественной войны. Ряд отечественных исследователей рассматривает патриотические чувства через социальную память и непосредственно связывает с Днём Победы [18, с. 34–45]. Также результаты ранее проведённых исследований жизненных ценностей российской молодёжи указывают на опасность тренда угасания эмоционального отношения к Великой Отечественной войне среди молодёжи. Например, в исследовании Лаборатории социологических исследований Московского энергетического института [19, с. 486] около 40 % студентов

московских вузов не включили «Победу СССР над нацистской Германией» в пятёрку национальных ценностей. Поскольку масштабных лонгитюдных исследований не проводилось, говорить о тенденциях и причинно-следственных связях мы не можем, поэтому это скорее формулировка гипотезы для дальнейших научных изысканий.

В ходе исследования выявлено, что в большинстве случаев для опрошенных характерен *гражданский патриотизм*. Для молодёжи суть патриотизма выражается через эмоциональный и активный (деятельный) компонент, в то время как результаты ранее проведённого массового опроса показывают, что в сознании ярославской молодёжи понятие патриотизма осмысливается лишь через эмоциональный компонент, выражающийся прежде всего через чувства гордости и любви к Родине [14, с. 61]. Поэтому основной чертой молодёжи, вовлечённой в процесс патриотического воспитания, можно считать то, что они не только идентифицируют себя как патриотов, но и готовы к активной волонтерской деятельности.

С нашей точки зрения, патриотическое воспитание и в дальнейшем должно быть направлено на развитие именно активного компонента патриотизма. Слова о любви к Отчизне всегда должны быть подкреплены конкретными действиями, направленными на созидание, изменение ситуации в городе или стране к лучшему и развитие общества в целом. Важно отметить, что сами участники опроса довольно высоко оценили работу государственных учреждений, специализирующихся на патриотическом воспитании как на региональном, так и федеральном уровнях. Среди основных причин, которые, по мнению опрошенных, снижают эффективность патриотической работы с молодёжью, называются ассоциации с государственной политикой и неактуальная форма подачи материала.

В качестве рекомендации можно предложить с большим вниманием отнестись к подготовке выступлений и написанию текстов патриотической направленности. При подаче сложного материала можно использовать иронию и юмор там, где это, конечно, уместно. Анализ социальных практик показывает, что молодые в наибольшей мере подвержены модным влияниям. Представители подрастающего поколения предпочитают яркие, запоминающиеся ролики, которые должны включать в себя мотивационную составляющую. Сегодня важным ресурсом являются современные мультимедийные технологии, активно внедряемые в образовательную сферу. Для привлечения внимания воспитанников необходимо включать в презентации мемы и смайлы, а также интерактивные элементы из популярных среди молодёжи компьютерных игр, фильмов. В целях приобщения молодёжи к изучению отечественной истории и культуры просветительский процесс должен быть построен на реальных конкретно-исторических примерах патриотизма. Особенно эффективны мероприятия, когда молодёжь принимает активное участие в реализации виртуальных проектов, например, создание различных исторических реконструкций. Также важно проводить большое количество различных коллективных мероприятий, форумов, конференций, чтобы молодые люди чувствовали вовлечённость в общее дело и понимали общественную ценность своих действий. При этом уместно было бы приглашать на такие события известных людей, например, политиков, учёных, общественных деятелей, спортсменов, музыкантов, актёров.

Ссылки / References

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020. 688 с.

2. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социс. 2017. № 2 (394). С. 67–74.
3. Ланцева А. М. Философский смысл концепта патриотизм в России и Чехии // Вестник славянских культур. 2013. № 3. С. 5–11.
4. Что значит быть патриотом? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3685 от 09.06.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения: 28.01.2021).
5. Патриотизм // ФОМ. 18.06.2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Алиев С. А., Омаров О. Н. Теоретические проблемы патриотического воспитания // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 198–201.
7. Сиволобова Н. А., Котлова Е. П. Гражданско-патриотическое воспитание учащихся в современном российском обществе // Образование личности. 2014. № 1. С. 63–67.
8. Мурзина И. Я., Казакова С. В. Перспективные направления патриотического воспитания // Образование и наука. 2019. № 2. С. 155–175.
9. Жовтун Д. Т., Меркушин В. И. Подходы к научному определению патриотизма // Социология власти. 2006. № 1. С. 112–124.
10. Бедрик А. В., Дьяченко А. Н. Гражданственность российской молодежи: перспективы конструирования института образования // Патриотизм – национальная идея России: материалы Всерос. науч. конф., Ростов-на-Дону, 27 апреля 2016 года. Ростов н/Д.: ООО «Фонд науки и образования», 2016. С. 19–23.
11. Шаповалов В. Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 124–132.
12. Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 42–59.
13. Simon J., Katz J. The art of empirical investigation. Piscataway: Transaction Publishers. 2003. 558 p.
14. Загребин В. В., Зуева С. В. Патриотизм в массовом сознании современной молодежи: результаты социологического исследования // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции / Под общ. ред. Т. С. Акоповой; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. С. 56–62.
15. Загребин В. В., Жешко О. Н. Миграционные настроения среди молодёжи г. Ярославля // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2019. С. 301–304.
16. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. 784 с.
17. Омельченко Е. Л. О поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов. 27.03.2015 // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. URL: <https://spb.hse.ru/press/146967207.html> (дата обращения: 28.01.2021).
18. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / [Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого]; Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.
19. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 3. С. 481–493.

Institutionalization of long-term care for the elderly: the experience of St. Petersburg

G. V. Kolosova¹

¹Herzen State Pedagogical University, 48 Moika River emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-194-203

Research Article
Full text in Russian

The increase in life expectancy and the growth of the elderly population in the Russian Federation, including in St. Petersburg, dictates the need for changes in the areas of social services and health care. This is not surprising, aging today has become a global process that has different mechanisms of formation and differs by country and territory. But the sociological theoretical study of the topic of aging is still insufficient. European states rely on demographic trends, which determine a new approach to assessing the available resources, prospects for the development and improvement of social service systems in the direction of long-term care for the elderly. It is important, while maintaining continuity in the work of the social services established in the 1990s, to actively include the family, NGOs and volunteerism in the development of these institutions. The purpose of this article is to analyze the achievements and barriers to the institutional development of long-term care for the elderly in St. Petersburg. Methodically, the article is based on the analysis of legal acts regulating the development of long-term care, mainly in St. Petersburg. For the care system to take shape, it requires the participation of families, NGOs and volunteer resources, as well as the study of the best Russian and international experience.

Keywords: elderly; aging; social services; long-term care system; interaction; family care; volunteerism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolosova, Galina V. | E-mail: kolosova@ksp.gov.spb.ru
(correspondence author) | Postgraduate

For citation: Kolosova G. V. Institutionalization of long-term care for the elderly: the experience of St. Petersburg // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 2. P. 194-203. (in Russ.)

Институционализация долговременного ухода за пожилыми: опыт Санкт-Петербурга

Г. В. Колосова¹

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, 48 Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-194-203
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Увеличение продолжительности жизни и рост численности пожилого населения в Российской Федерации, в том числе в Санкт-Петербурге, диктует необходимость изменений в сферах социального обслуживания и здравоохранения. Это неудивительно: старение сегодня стало глобальным процессом, имеющим разные механизмы формирования и различающимся по странам и территориям. Но социологическая теоретическая проработка темы старения пока недостаточна. Европейские государства опираются на демографические тенденции, которые определяют новый подход к оценке имеющихся ресурсов, перспектив развития и совершенствования систем социального обслуживания в направлении долговременного ухода за пожилыми. Важно, сохраняя преемственность в работе сложившихся в 1990-е социальных служб, активно включить в развитие этих институтов семью, НКО и добровольчество. Цель данной статьи – проанализировать достижения и барьеры институционального развития долговременного ухода за пожилыми в Санкт-Петербурге. Методически статья опирается на анализ нормативно-правовых актов, регулирующих развитие долговременного ухода в основном в Санкт-Петербурге. Чтобы система ухода сложилась, необходимо участие в ней семей, НКО и добровольческих ресурсов, а также изучение лучшего российского и международного опыта.

Ключевые слова: пожилые; старение; социальное обслуживание; система долговременного ухода; взаимодействие; семейный уход; добровольчество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колосова, Галина Владимировна | E-mail: kolosova@ksp.gov.spb.ru
(автор для корреспонденции) | Аспирант

Для цитирования: Колосова Г. В. Институционализация долговременного ухода за пожилыми: опыт Санкт-Петербурга // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 194-203.

Введение

Увеличение доли и численности населения старших возрастов оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие «стареющих» государств. При этом население не только стареет, но и дольше живет. Ежегодно растет показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В Петербурге в 2019 году этот показатель составил 76,31 года (в России – 73,34 года), в том числе у женщин – 79,99 лет (в России – 78,17 года), у мужчин 71,99 лет (в России – 68,24 лет). Относительно 2000 года показатель увеличился у женщин на 7 лет (с 73,02 до 79,99 лет), у мужчин – на 11,5 лет (с 60,44 до 71,99 лет) [1]. Несомненно, положительные демографические тенденции определяют новый подход к оценке имеющихся ресурсов, в том числе использования ресурсов самих пожилых.

Отметим, что до середины XX века научное сообщество не уделяло внимания старению населения, а удельный вес и численность пожилых людей длительное время не демонстрировали существенных темпов роста. Однако во 2-й половине XX века процесс старения населения стал очевидным. Восприятие пожилых людей в общественном сознании также изменилось. Определяющим в этом отношении становится изменение представления о возрасте старости и ее характеристиках, а также возникновение потребности в новых, долговременных, формах ухода. Но возраст старости в настоящее время отодвигается на 10–15 лет, численность пожилых растет, что порождает тревоги «кризиса старения» и нарушения демографического баланса [2]. Несмотря на важность демографических расчетов, они требуют социологической интерпретации, а изменение возрастной структуры общества – трансформации ряда социальных институтов. Представления о социально-возрастных группах как базовых категориях социальных порядков все еще перегружены устойчивыми стереотипами, в то время как социальная жизнь быстро меняется, становится «текучей» [3]. Об институциональных сдвигах свидетельствует появление концепций «образования через всю жизнь» (life long education – LLE) и «активного старения» (Active Ageing – AA), с одной стороны, и «долговременного ухода за пожилыми» (Long term care – LTC) – с другой. И если «активное старение» уже разработано как социологическая, а не только политическая тема [4], то «длительный уход» пока требует социологических и управленческих усилий [5].

В социологии проблематика изучения старения уже не нова, но пока только складывается, в отличие от социологии детства или молодости. Долгое время старение как «заключительный этап жизни» рассматривалось исключительно в медицинской парадигме, потом появилась наука «социальная геронтология», а социологии старения еще надо стать частью уважаемой теоретической социологии. Для этого должно быть больше работ о том, как социально-возрастная группа старших (людей позднего возраста) вписана в социальную структуру, как происходят процессы стратификации и дифференциации. По мнению ряда социологов, разные варианты геронтологии, например, критическая геронтология, старение на месте или старение как перспектива жизненного курса, относятся, скорее, к социологии возраста в целом, а не социологии старения [6].

В XXI в. пожилые, или, как в последние годы их называют, «старшие», уже не воспринимаются однозначно как объекты заботы и ухода. Напротив, все больше внимания уделяется изучению и использованию ресурсного потенциала старшего поколения, по возможности – стимулированию трудовой и общественной занятости пожилых людей. В этом направлении принимаются решения о продлении периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Приняты международные и российские нормативные документы, регулирующие, в том числе, трудовую деятельность пожилых людей: Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002)¹ и в России «Стратегия действий в отношении пожилых» (2016)². Государствам и работодателям эти документы рекомендовали создавать благоприятные условия и стимулировать занятость населения «третьего возраста».

¹Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging. Second World Assembly on Aging. April 8–12. 2002. Madrid. Spain. URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf (дата обращения: 02.02.2021); Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing. UNECE Ministerial Conference on Ageing. September 11–13. 2002. Berlin. Germany. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/RIS.pdf> (дата обращения: 02.02.2021); Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization, 2002. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO> (дата обращения: 02.02.2021).

²Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: <https://rg.ru/2016/03/02/utverzhdena-strategiia-dejstvii-v-interesah-grazhdan-starshego-pokoleniia.html> (дата обращения: 02.02.2021).

Однако, сколь бы впечатляющими ни были успехи общества в деле увеличения продолжительности жизни и улучшения здоровья пожилых, определенная их часть все же на последнем отрезке жизни тяжело болеет и нуждается в долговременном уходе. Причем с увеличением продолжительности жизни растет и число нуждающихся в уходе. Перспективного развития и совершенствования требуют системы социального обслуживания и здравоохранения с учетом меняющихся потребностей и нужд пожилых, а также всех жителей Санкт-Петербурга.

Цель статьи – показать особенности складывающейся в Петербурге системы длительного ухода за пожилыми, проанализировать достигнутые успехи и барьеры во взаимодействии различных сложившихся и относительно новых социальных институтов в решении данной актуальной задачи.

Методы

Социология старения находится в ситуации «догоняющего развития», активно заимствуя статистические данные из социальной геронтологии, а подходы и методы – из социальной антропологии. При этом в дискуссии постоянно используется как объективистский подход структурных функционалистов, из которого, однако, вытекает, что быть пожилым – значит играть роль пожилого (как «роль больного» у Т. Парсонса), так и понимание того, что старение и его восприятие во многом социально и культурно конструируется (А. Мол). Обращение к анализу понятия телесной нормы (М. Фуко) тоже может быть плодотворным.

Автор использует анализ широко представленных в статье нормативных документов (качественную методологию) и анализ международных и российских статистических данных о старении в качестве дополнения. Анализируются федеральные законы и нормативные акты субъекта РФ (Санкт-Петербурга) разного уровня, касающиеся организации системы долговременного ухода (СДУ) за пожилыми. СДУ входит в корпус документов по организации социального обслуживания в целом.

Направления развития долговременного ухода

Кто же нуждается в системе долговременного ухода? Кажется, ответ на данный вопрос очень прост – самые пожилые жители Петербурга. Однако и опыт, и результаты исследований показывают, что возраст и потребность в длительном уходе связаны не одномерно и не линейно. Это общая тенденция как для Западной Европы, так и для России. Так, в Западной Европе средняя продолжительность здоровой жизни женщин – около 74 лет, мужчин – 71 год. В России же у женщин – 68, а мужчин – 59 [7]. Нуждающихся в долговременном уходе (long term care) в России даже больше, чем в Европе из-за низкой продолжительности здоровой жизни. Идеолог создания системы долговременного ухода, руководитель проекта «Старость в радость» Е. Олескина отмечает: «С 2021 года внедрение СДУ проводится в 24 пилотных субъектах и стоит задача охватить СДУ 5,8 % от числа граждан старше трудоспособного возраста и граждан с инвалидностью, нуждающихся в уходе» [8].

Система долговременного ухода (СДУ) – комплексная система, направленная на обеспечение каждого человека, не полностью справляющегося с самостоятельным уходом, системой поддержки самого высокого качества жизни с наивысшим возможным уровнем независимости, автономии, участия в деятельности, самореализации и человеческого достоинства. Традиционно длительный уход за пожилыми предоставлялся в интернатных учреждениях, т. е. домах престарелых. Но в настоящее время большое внимание уделяется стационарозамещающим технологиям ухода и обслуживания,

позволяющим пожилому человеку оставаться дома, в привычной обстановке, как можно дольше.

Официальное определение долговременного ухода следующее: долговременный уход – технология социального обслуживания, в том числе стационарозамещающая, позволяющая обеспечивать посторонний уход за гражданами, нуждающимися в постороннем уходе, в целях обеспечения комфортных и безопасных условий проживания, сохранения (поддержания) самостоятельности и уменьшения зависимости от посторонней помощи таких граждан, их интеграции в общество [9].

Далее мы рассмотрим, в каких направлениях долговременный уход развивается в Санкт-Петербурге, где есть давние традиции взаимодействия власти и НКО, а также частных организаций в обслуживании пожилых.

Варианты организации долговременного ухода в Петербурге

Итак, учитывая, что население Петербурга – одно из самых пожилых в России, особое внимание в городе уделено созданию институциональной системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированное социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, развитию стационарозамещающих технологий социального обслуживания. Федеральным проектом «Старшее поколение» национального проекта «Демография» предусмотрено введение СДУ в 85 субъектах РФ.

В Санкт-Петербурге внедрение предусмотренной приказом Минтруда России № 667¹ Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в постороннем уходе, планируется в 2022 году. Исполнителями регионального проекта «Старшее поколение» являются Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга совместно с 28 исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга.

1. Адаптация сложившегося института обслуживания пожилых (КЦСОН) для развития технологий долговременного ухода.

С 2018 года на базе государственного бюджетного учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района» создана экспериментальная (инновационная) площадка, на которой осуществлялась разработка модели отделения социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов (далее – ОСМУ). При формировании данной модели на первый план выдвигались повышение эффективности и активизация имеющегося потенциала клиентов, а также социально-психологический патронаж, улучшение качества адресной реабилитационной и оздоровительной работы с пожилыми людьми.

Эти меры способствуют сокращению повторных обращений пожилых граждан в стационарные учреждения здравоохранения, поскольку создаются условия, позволяющие сохранить возможность проживания пожилых людей и инвалидов в привычной домашней среде и способствующие повышению качества их жизни. Отделение организовано для предоставления ежедневного ухода на дому, чтобы обеспечить всестороннее удовлетворение потребностей получателя социальных услуг. Отличительной чертой проекта является увеличение коммуникативной и реабилитационной составляющей социального обслуживания.

¹«О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2021 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в постороннем уходе». Приказ Минтруда России от 29.09.2020 № 667. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-29092020-n-667-o-realizatsii/> (дата обращения: 13.02.2021).

На этапе апробации модели ОСМУ была сформирована группа клиентов из 22 человек и определен штат сотрудников: 15 работающих в отделении (заведующий, специалисты по уходу на дому и социальные работники) и привлекаемых (1–2 раза в неделю) специалистов других отделений (психолог, юрист, специалист реабилитационного отделения, специалист досугового отделения). Исследование показало, что среди получателей услуг инновационного отделения значительная доля граждан желает получать на дому услуги специалистов реабилитационного отделения. Также интерес граждан был проявлен к освоению информационно-коммуникационных технологий и к занятиям с психологом на дому. За месяц ОСМУ предоставляет в среднем 4 тыс. услуг. За время работы достоверно зафиксирована положительная динамика состояния получателей социальных услуг в части физической, эмоциональной и коммуникативной активности.

По результатам экспериментальной работы ОСМУ в 2019 году в 5 комплексных центрах создано 7 отделений социально-медицинского ухода на дому, служба сиделок и др. К 01.01.2021 года уже в 7 районах города работают 12 таких отделений. Социальные услуги долговременного ухода в 2019 году получили 209 чел.; в 2020 году – 303 чел. Затем пандемия COVID-19 несколько замедлила развитие. Но оптимизация деятельности отделений 18 комплексных центров социального обслуживания населения, находящихся в ведении администраций районов Санкт-Петербурга, будет продолжена в 2021 году.

2. Институционализация новой практики – создание службы сиделок

Законом Санкт-Петербурга от 21.12.2010 № 719-166¹ установлены дополнительные меры социальной поддержки отдельных категорий граждан по финансированию расходов, связанных с предоставлением услуг сиделок, в размере 90 % от стоимости услуг за счет средств бюджета Санкт-Петербурга. В 2019 году услуги сиделок получили 437 чел., в 2020 году – 292 чел. С 01.01.2017 г. эти услуги включены в перечень предоставляемых поставщиками социальных услуг, утвержденный Законом Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 717-135². Услуги по социально-медицинскому уходу на дому (услуги сиделок) в 2019 году получили 2,5 тыс. чел., в том числе в негосударственных организациях – 1,9 тыс. чел.; в 2020 году – 5,3 тыс. чел., в том числе в негосударственных организациях – 2,9 тыс. чел.

Для развития экстренной помощи пожилым используется «тревожная кнопка», использование которой стало уже привычным. С 01.01.2017 г. данная услуга включена в перечень социальных услуг, предоставляемых поставщиками, утвержденный Законом Санкт-Петербурга № 717-135. Услугу «тревожная кнопка» в 2019 году получили 3,3 тыс. чел.; в 2020 году – 3,5 тыс. чел.

¹Закон Санкт-Петербурга от 21.12.2010 № 719-166 «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан по финансированию расходов, связанных с предоставлением услуг по социально-медицинскому уходу на дому». URL: <https://peterburg-pravo.ru/zakon/2010-12-21-n-719-166/> (дата обращения: 13.02.2021).

²Закон Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.10.2019). URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/11/27/22/zakon_SPb_717-135_red_04.07.2019_dei_01.10.2019 (дата обращения: 13.02.2021); Федеральный закон от 18.03.2020 № 60-ФЗ. О внесении изменений в статьи 2 и 31.4 Федерального закона «О некоммерческих организациях». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/45306 (дата обращения: 13.02.2021).

Таким образом, как в долговременном уходе, так и в техническом оснащении ухода за пожилыми используются механизмы государственно-частного партнерства и расширяется взаимодействие с некоммерческими и частными организациями в соответствии с ФЗ № 442 «О социальном обслуживании населения»¹. Довольно медленно, но создаются условия для вхождения негосударственных акторов на региональный рынок социальных услуг. Сегодня социально-ориентированные некоммерческие организации (СОНКО) могут получать статус исполнителя (поставщика) общественно полезных услуг в упрощенном порядке², хотя определенные барьеры для их вхождения на рынок социального обслуживания существуют. По мнению социолога В. А. Смирнова, «Петербург является регионом с высоким уровнем развития некоммерческого сектора и социальных инноваций, что проявляется в самой большой доле успешных грантовых заявок СОНКО (почти 35 %), а также высоким показателем победителей конкурса социальных проектов Фонда «Наше будущее» (ФНБ). Кроме этого, мы видим высокую степень включенности СОНКО в региональные рынки социальных услуг. Этот показатель выше, чем в Москве» [10].

3. Поддержка самого традиционного института заботы – семьи с нуждающимся в долговременном уходе

Исторически именно семья была основным институтом, осуществляющим долгосрочный уход за своими близкими, в том числе пожилыми. Однако в условиях индустриализации и урбанизации эта функция семьи реализуется все в меньшем объеме из-за вовлечения женщин в рынок внедомашнего труда. При этом сегодня в разных странах все чаще звучат призывы к деинституционализации ухода за пожилыми в последнем периоде жизни. Согласно распространенному мнению, дома можно поправиться быстрее даже в случае болезни (за исключением тяжёлых заболеваний). Кроме того, необходимо принимать в расчёт и тот факт, что содержание пожилых людей в больницах или специальных учреждениях намного дороже их проживания в домашних условиях. Долговременный уход, оказываемый квалифицированными специалистами на дому, в связи со всеми вышеперечисленными факторами оказывается более выигрышной стратегией. Не менее важным может быть и техническое оснащение квартиры пожилого человека различными сенсорными и мониторинговыми устройствами, позволяющими дистанционно получать информацию о его состоянии [11].

Мер поддержки семьи или ухаживающего за пожилым родственником пока недостаточно. Так, пенсионер по достижении 80 лет может обратиться в Пенсионный фонд за назначением ежемесячной компенсационной выплаты по уходу. Выплата составляет 1440–1560 рублей в зависимости от районного коэффициента. Выплата оформляется по месту нахождения пенсионного дела пожилого человека. Соответствующие заявления должны написать как пенсионер, так и ухаживающий человек.

Но есть ряд ограничений для ухаживающего. Осуществлять уход может человек:

- в возрасте от 14 лет и старше (при разрешении органов опеки);
- не работающий;
- не получающий пенсию;
- не получающий пособие по безработице.

«Плюсы» для ухаживающего – период ухода включается в трудовой стаж, а вот размер выплаты – 1200 р. – не менялся с 2002 г. Отсутствие позитивной поддержки очень

¹Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (последняя редакция). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38016/> (дата обращения: 13.02.2021).

²Федеральный закон от 18.03.2020 № 60-ФЗ. О внесении изменений в статьи 2 и 31.4 Федерального закона «О некоммерческих организациях». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/45306. (дата обращения: 13.02.2021).

сильно тормозит развитие семейного ухода, хотя и государство, и сами пожилые в нем заинтересованы.

В целях создания условий развития форм долговременного ухода, включающих социально-медицинскую помощь на дому, в том числе развитие форм родственного (семейного) ухода за пожилыми, Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга совместно с Комитетом по здравоохранению и администрациями районов города уже рассматривались предложения, подготовленные государственным бюджетным учреждением Городской информационно-методический центр «Семья» (далее – СПб ГИМС «Семья») по стимулированию родственного (семейного) ухода. Но конкретные решения по увеличению суммы выплат так и не были приняты.

Кажется, что ряд ограничений, отмеченных выше, должен быть снят для женщин предпенсионного возраста, ухаживающих за своими родителями или родителями мужа. Таким занятым домашним уходом женщинам необходимо сохранять трудовой стаж, а оплата их занятости также должна быть не меньше прожиточного минимума. Это, безусловно, меньше/дешевле, чем содержание пожилого человека в интернатном учреждении, соответствует, как правило, желаниям самих стариков и принципам гуманности.

Таким образом, инвестиции в оплату родственного ухода за детьми или пожилыми позволят избежать нового строительства и оборудования учреждений для ухода, найма воспитателей или сиделок и дальнейшей бюрократизации заботы. Это тем более оправдано, что в условиях наших демографических волн число необходимых мест в стационарных учреждениях то избыточно, то недостаточно.

4. Возрождение институтов солидарности – добровольчество

Солидаризации российского общества через развитие волонтерства придается сегодня большое значение [12]. При предоставлении долговременного ухода и комплексной медико-социальной помощи гражданам пожилого возраста добровольчество (волонтерство) также широко используется. Добровольцы предоставляют гражданам социально-бытовые, социально-педагогические, социально-правовые услуги, а также организуют мероприятия, посвященные памятным и праздничным датам, с посещением и поздравлением граждан на дому¹.

Большую помощь комплексным центрам в работе с гражданами старшего поколения оказывают добровольцы (волонтеры) трудоспособного возраста. В 2020 году комплексными центрами социального обслуживания вовлечен в добровольческую деятельность 1451 чел., заключено 235 договоров с добровольцами (волонтерами) трудоспособного и пожилого возраста. Кроме того, СО НКО, работающие по направлению повышения качества жизни граждан пожилого возраста и инвалидов, активно вовлекают граждан в добровольческую деятельность.

Одной из организаций, деятельность которых в том числе направлена на развитие добровольчества в сфере социального обслуживания населения, является Межрегиональная общественная организация инвалидов и пенсионеров «Еврейский Благотворительный Центр «Забота – Хэсэд Авраам» (далее – «Хэсэд Авраам»). Данная организация занимается поддержкой, реабилитацией и защитой пожилых людей и инвалидов с 1993 г. В настоящее время в «Хэсэд Авраам» действует более 26 благотворительных

¹Распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 26.04.2018 № 235-р (в редакции распоряжения от 28.07.2020) «Об организации и использовании труда добровольцев (волонтеров) в государственных учреждениях социального обслуживания населения Санкт-Петербурга». URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/05/16/R%20KSP%2026.04.2018%20№%20235-p.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).

программ, включая медико-социальную реабилитацию, дневной центр, программы помощи людям с синдромом Альцгеймера и их родственникам, предоставление проката реабилитационного оборудования и прочее.

В 2020 году «Хэсэд Авраам» продолжена реализация проекта «Терапевтические каникулы», в котором всю логистику, занятия с подопечными, сопровождение и развлекательную часть проводят сотрудники и волонтеры, прошедшие специальное обучение. Проект «Терапевтические каникулы» – это выездное мероприятие для пар «человек с деменцией – ухаживающий родственник», рассчитанное на 7 дней для оказания социально-психологической помощи семьям, столкнувшимся с проблемой деменции и долгосрочного ухода у своих пожилых родственников. В рамках мероприятия проходят тематические занятия: физкультурно-оздоровительные, лекции и мастер-классы, занятия, направленные на поддержание когнитивных функций подопечных, и многое другое.

В настоящее время большинство благотворительных программ ушло в онлайн и имеет постоянное расписание в разделе Хэсэд Онлайн. Терапевтические каникулы в 2020 году были Виртуальными терапевтическими каникулами. Кроме этого, впервые была проведена масштабная двухдневная конференция, посвященная проблемам деменции и болезни Альцгеймера. В ней приняли участие спикеры из Израиля, Германии, Нидерландов, Франции, Англии и Финляндии, было более 500 участников. Всего за 2020 год была оказана помощь более 12000 человек. Но на онлайн-мероприятия приходило за год более 30000 человек.

Начиная с 1993 г., когда был основан Хэсэд, аудитория получателей его услуг постоянно расширяется, а технологии обслуживания улучшаются в тесном взаимодействии с Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Заключение

Итак, уже в настоящее время в Петербурге ведется активная работа по созданию системы СДУ, в которой принимают участие как Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга и комплексные центры, так и ряд НКО и добровольных сообществ. Важным направлением работы с пожилыми можно считать работу по мотивации людей к длительной занятости, постепенное вытеснение мифологии пользы раннего выхода на пенсию доказательствами того, что потеря социального статуса травматична, приводит к ухудшению здоровья и ускоряет болезни и даже смерть. К сожалению, политическая толерантность не позволяет многим авторам-социологам прямо говорить об уходе на пенсию как пути в «социальное небытие». Занятость в разумном по продолжительности режиме вместе со здоровым образом жизни и доступностью восстановительной медицины гораздо полезнее пассивного «отдыха» на пенсии и отодвигает время, когда становится необходимым долговременный уход. Так, «молодые пожилые», т.е. люди от 55–60 лет до примерно 70 лет, могли бы взять на себя досуговую работу в комплексных центрах, проведение онлайн-занятий по реабилитационной физкультуре и психологическую помощь (по телефону) тем пожилым, которые уже редко выходят из квартир. Это было бы важным и почетным участием, добровольным или оплачиваемым, в институционализации СДУ.

Хотя Петербург не вошел в число пилотных регионов по внедрению СДУ, успешный опыт реализации мероприятий, направленных на развитие системы долговременного ухода в Санкт-Петербурге, неоднократно был представлен на международных форумах, региональных и городских конференциях. Традиционно в апреле 2019 года в Санкт-Петербурге прошел XIV Международный форум «Старшее поколение» (далее –

форум), в рамках которого были организованы Международный конгресс «Социальная адаптация, поддержка и здоровье пожилых людей в современном обществе» и выставка социальной, медицинской, благотворительной помощи, товаров и услуг для пожилых людей «Забота, помощь, милосердие» и культурная программа. Более 21 тыс. посетителей форума привлекли выставочные экспозиции. В деловой программе форума приняло участие более 2,0 тыс. человек: представители органов социальной защиты населения из 44 субъектов Российской Федерации, специалисты из 11 зарубежных стран: Абхазии, Австрии, Белоруссии, Германии, Испании, Казахстана, Латвии, Молдавии, Монголии, Узбекистана, Финляндии. В 2021 г. Форум возобновит свою работу, прерванную в 2020 году в связи с пандемией Ковид-19, после улучшения эпидемиологической ситуации.

Ссылки / References

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 02.02.2021).
2. Вишневецкий А. Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А. Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820.
3. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии Covid-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
5. Grigoryeva I., & Sidorenko A. Eldercare in transition(S): The special case of Russia // International Journal of Care and Caring. 2019. № 3 (1). P. 59–73. <https://doi.org/10.1332/239788218X15411704353873> (дата обращения: 02.02.2021).
6. Смолькин А. А. Социология возраста и границы социального конструирования // Социология власти. 2019 № 1 (31). С. 8–13. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-8-13.
7. Long-term care in ageing societies – challenges and policy options. Commission staff working document. European Commission, 2013. URL: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=12633&langId=en> (дата обращения: 02.02.2021).
8. European Health for All Database (HFA-DB) // World Health Organization. Regional Office for Europe. URL: <https://www.euro.who.int/en/data-and-evidence/databases/european-health-for-all-family-of-databases-hfa-db> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Что будет с проектом системы долговременного ухода – комментируют Минтруд и БФ «Старость в радость». URL: <https://www.miloserdie.ru/news/chto-budet-s-proektom-sistemy-dolgovremennogo-uhoda-kommentiruyut-mintrud-i-razrabotchiki/> (дата обращения: 18.03.2021).
10. Смирнов В. А. Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 23–40.
11. Meigal A., Korzun D. & all. Ambient Intelligence At-Home Laboratory for Human Everyday Life // International Journal of Embedded and Real-Time Communication Systems. Volume 10. Issue 2. April–June 2019. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4dee/e3874821494765f5b1cd08b6c1fac0d33da7.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).
12. Носкова О. П. Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере всероссийской акции #мывместе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 368–379. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-368-379.

Unofficial toponyms in the language consciousness of Yaroslavl residents (on the example of the toponym Bragino)

Y. S. Potyomkina¹, M. V. Shamanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-204-211

Research Article
Full text in Russian

The article presents a psycholinguistic description of unofficial toponyms of Yaroslavl on the example of one of them. Based on the data of a free associative experiment, the associative fields of the unofficial toponym Bragino were formed in two age groups of subjects: from 18 to 30 years and from 30 to 80 years. When comparing the obtained associative fields, their core and periphery, and semantic groups, the peculiarities of understanding this lexeme by different age groups were revealed. It is shown that the psycholinguistic description of the analyzed lexeme differs in two groups of subjects: the core of the field partially coincides, semantic groups of associative fields overlap, but most of them are different in volume, small semantic groups are relevant only in one group of subjects. As a part of the obtained associative fields, evaluation reactions were identified, both positive and negative. It is shown that evaluative reactions are more common in the youth sphere, but negative-evaluative reactions are superior to positive-evaluative ones in both groups of subjects. In general, the study allows us to draw conclusions about the development of the unofficial toponym by Yaroslavl residents and the similarity and differentiation of associative fields in different age groups.

Keywords: toponym; unofficial toponym; language consciousness; associative experiment; associative field; semantic group

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potyomkina Yulia. S. | E-mail: potyomkina.yuliya@yandex.ru
(correspondence author) | Student

Shamanova Marina V. | E-mail: mshamanova@mail.ru
Doc. Sc. (Philology), Associate Professor

Funding: P. G. Demidov Yaroslavl State University, project VIP-011.

For citation: Potyomkina Y. S., Shamanova M. V. Unofficial toponyms in the language consciousness of Yaroslavl residents (on the example of the toponym Bragino) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 2. P. 204-211. (in Russ.)

Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев (на примере топонима Брагино)

Ю. С. Потемкина¹, М. В. Шаманова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, РФ

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-204-211
УДК 811.161.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлено психолингвистическое описание неофициальных топонимов г. Ярославля на примере одного из них. На базе данных свободного ассоциативного эксперимента сформированы ассоциативные поля неофициального топонима Брагино в двух возрастных группах испытуемых: от 18 до 30 лет и от 30 до 80 лет. При сопоставлении полученных ассоциативных полей, их ядра и периферии, семантических групп были выявлены особенности осмысления данной лексемы различными возрастными группами. Показано, что психолингвистическое описание анализируемой лексемы в двух группах испытуемых отличается: ядро поля совпадает частично, семантические группы ассоциативных полей пересекаются, но большинство из них оказываются различными по объёму, небольшие семантические группы являются актуальными только в одной группе испытуемых. В составе полученных ассоциативных полей были выявлены оценочные реакции, как положительные, так и отрицательные. Показано, что оценочные реакции более распространены в молодежной сфере, однако отрицательно-оценочные реакции превосходят положительно-оценочные в обеих группах испытуемых. В целом проведенное исследование позволяет сделать выводы об освоенности неофициального топонима ярославцами и сходстве и дифференцированности ассоциативных полей в различных возрастных группах.

Ключевые слова: топоним; неофициальный топоним; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; семантическая группа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потемкина, Юлия Сергеевна | E-mail: potyomkina.yuliya@yandex.ru
(автор для корреспонденции) | Магистрант

Шаманова, Марина Владимировна | E-mail: mshamanova@mail.ru
Доктор филологических наук, доцент, завкафедрой общей и прикладной филологии

Финансирование: ЯрГУ, проект № ВИП-011

Для цитирования: Потемкина Ю. С., Шаманова М. В. Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев (на примере топонима Брагино) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 204-211.

Объектом исследования в данной статье является один из неофициальных топонимов г. Ярославля.

В толковых словарях русского языка дается примерно одинаковое значение термина «топоним»: «Собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, озера, горы, урочища и т. п.)» [1, с. 642; 2, с. 1332].

Научное определение термина встречаем в «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий»: «Топоним (греч. *topos* «место» + *онима* «имя»). Слово или краткое словосочетание, применяемое для наименования какого-л. географического объекта, используемое как имя собственное с учетом языка, письменности и традиций того или иного народа...» [3, с. 216].

А. М. Маракуев в «Кратком очерке топонимики как географической дисциплины» дает следующее определение топониму: это имя собственное, которое в существующем контексте с учетом места, времени, языка и письменности служит для отличия одного какого-либо географического объекта от других географических объектов [4, с. 32]. Таким образом, определение термина выходит за рамки лингвистических дисциплин.

Различают официальные и неофициальные топонимы. Официальные топонимы встречаются в словарях, энциклопедиях, справочниках, на картах.

Под неофициальными топонимами вслед за О. А. Шариповой мы будем понимать устойчивые выражения, которые не закреплены в словарях и функционируют в городской речи как неофициальные названия географических объектов [5, с. 203]. Неофициальным топонимам посвящен ряд работ, как на материале русских наименований географических объектов, так и на материале иностранных [6; 7; 8; 9 и др.].

Официальные и неофициальные топонимы обладают рядом важных отличий. Во-первых, неофициальные топонимы не кодифицированы, не нормированы, употребляются, в отличие от официальных топонимов, только в устной обиходно-бытовой речи, зачастую обладают эмоционально-оценочной окраской, поэтому их называют также речевыми топонимами. Во-вторых, неофициальные топонимы встречаются в речи жителей определенного населенного пункта, поэтому их называют регионализмами, локализмами, региолектами и т. п. В-третьих, официальные топонимы, как правило, имеют длительную историю, а неофициальные топонимы могут обладать признаком как историчности, так и динамичности.

Характеризуя неофициальные топонимы, О. А. Шарипова отмечает, что «это не просто лексика и фразеология, характеризующая городские объекты, а лексика особого рода, изучение которой предполагает различные аспекты: социолингвистический, психолингвистический, лингвокультурологический, этнолингвистический и др.» [5, с. 203–204].

При исследовании неофициальных топонимов г. Ярославля мы использовали один из психолингвистических методов, а именно свободный ассоциативный эксперимент.

В «Большом психологическом словаре» дано определение ассоциативному эксперименту как особому методу исследования мотивации личности и как приему, направленному на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [10, с. 26]. С. В. Архипова утверждает, что «ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики». Он вскрывает объективно существующие в психике носителя

языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обобщить как «специфические черты менталитета» [11, с. 6].

Нами при изучении семантики неофициальных топонимов были использованы психолингвистические методы.

Испытуемым предлагалось следующее задание: прочитать предлагаемый список слов и написать первую пришедшую на ум реакцию на данное слово. Если не одно слово не вспоминается при прочтении стимула, испытуемые должны были поставить прочерк.

Материалом данного исследования послужили реакции, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул *Брагино*.

В психолингвистическом эксперименте приняли участие 227 человек: молодежь Ярославля в возрасте от 18 до 30 лет (I возрастная группа) и взрослые мужчины и женщины в возрасте от 30 до 80 лет (II возрастная группа).

По результатам свободного ассоциативного эксперимента были составлены ассоциативные поля на предложенные в анкете стимулы в разных возрастных группах испытуемых (сохранены орфография и пунктуация анкет).

I возрастная группа

БРАГИНО 127: далеко 18; гопники 9; дом 8; район 7; криминал, ТЦ «Космос» (Космос) 4; глушь, здесь (БРЗД) 3; бандит (бандиты), Дзержинский р-н, Женя, практика, преступность, пробки, ужас 2; алкоголь, Альтаир, Артемка, бабуля, батуты, беднота, биомусор, болото, бродит, Бродягино, бутылка, Гагарин, грабеж, далекий забытый уголок, деревня, детская больница, долгая дорога, дочь маминной подруги, друзья, завод, каток, конечная, культура, Лёха, любовь, Люся, магазин, маршрутка, ностальгия из детства, овраг, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, отшельники, отшиб города, пацанчики, переход, подруга, рынок, смерть, спокойствие, там убивают людей, темно, тетя, трамвай, удаленность, уют, фабричный район, хрущевки 1.

Всего было получено 119, реакций, из них различных – 65. Отсутствовали реакции в 8 анкетах.

Достаточное количество различных реакций (65), на наш взгляд, говорит о разносторонней освоенности неофициального топонима в языковом сознании ярославской молодежи. Небольшое количество анкет, в которых реакции отсутствовали, подчеркивает освоенность неофициального топонима *Брагино*.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

Пространственная характеристика: далеко 18; глушь, здесь (БРЗД) 3; далекий забытый уголок, деревня, долгая дорога, отшельники, отшиб города, удаленность 1. Всего 30 реакций.

Определение района как неблагополучного: гопники 9; криминал 4; бандит (бандиты), преступность 2; алкоголь, беднота, бутылка, грабеж, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, пацанчики, смерть, там убивают людей 1. Всего 27 реакций.

Указание на городские и природные объекты: ТЦ «Космос» (Космос) 4; Альтаир, батуты, болото, детская больница, завод, каток, магазин, овраг, переход, рынок, трамвай, фабричный район, хрущевки 1. Всего 17 реакций.

Связь с домом и семьей, знакомыми: дом 8; бабуля, дочь маминой подруги, друзья, ностальгия из детства, подруга, тетя 1. Всего 14 реакций.

Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки: ужас 2; любовь, спокойствие, темно, уют 1. Всего 6 реакций.

Характеристика дорожных условий: пробки 2. Всего 2 реакции.

Характеристика с помощью различных видов транспорта: конечная, маршрут 1. Всего 2 реакции.

Не были распределены в семантические группы созвучные реакции: *бродит, Бродягино* 1. Всего 2 реакции.

Некоторые реакции не поддаются интерпретации, в частности, реакции, связанные с конкретными личными впечатлениями и опытом испытуемых: *Женя, практика* 2; *Артемка, биомусор, Гагарин, культура, Лёха, Люся* 1. Всего 10 реакций.

Семь реакций являются определением неофициального топонима *Брагино* – район. Двое испытуемых дали в качестве реакции официальный топоним: *Дзержинский р-н*.

На топоним было дано 37 оценочных реакций, из них две положительных (*спокойствие, уют* 1) и 35 отрицательных (*гопники* 9; *криминал* 4; *глушь* 3; *бандит (бандиты), пробки, преступность* 2; *алкоголь, беднота, грабеж, далекий забытый уголок, деревня, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, отшиб города, пацанчики, смерть, там убивают людей, ужас* 1). Таким образом, отрицательно-оценочных реакций почти в восемнадцать раз больше, чем положительно-оценочных.

II возрастная группа

БРАГИНО 100: брага, пробка, пруды «очки» 8; деревня, живу 7; мой район 6; Альтаир, спальня район 4; здесь 3; больница, высотки, город, дом (мой дом), муравейник, Норское, район 2; 2-е Брагино, болото, большая деревня, бражка, бродягино, выпивка, говно, гопники, Дзержинский район, дома, здорово, зеленая зона, Космос, Моторный завод, нет дорог вообще, одноклассница, озеро, окраина, очень неудобно, панелька, парк Победы, поселок, промзона, Пятерка, работа «мечты», разбой, родное, трамвай, ул. А. Невского, Ярославль 1.

Всего реакций – 99, из них различных – 46. В 3 анкетах реакции отсутствовали.

Достаточное количество различных реакций свидетельствует о разносторонней освоенности неофициального топонима в языковом сознании взрослого населения. Небольшое количество анкет, в которых реакции отсутствовали, подчеркивает освоенность неофициального топонима *Брагино*.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

1. Указание на городские и природные объекты: пруды «очки» 8; Альтаир 4; больница, высотки 2; болото, дома, зеленая зона, Космос, Моторный завод, озеро, панелька, парк Победы 1. Всего 24 реакции.

2. Пространственная характеристика: деревня 7; здесь 3; город, Норское 2; 2-е Брагино, окраина, поселок, промзона, ул. А. Невского, Ярославль 1. Всего 20 реакций.

3. Связь с домом и семьей, знакомыми: живу 7; мой район 6; дом (мой дом) 2; одноклассница 1. Всего 16 реакций.

4. Характеристика дорожных условий: пробка 8; нет дорог вообще 1. Всего 9 реакций.

5. Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки: большая деревня, муравейник, говно, здорово, очень неудобно, родное 1. Всего 6 реакций.

6. Определение района как неблагополучного: выпивка, гопники, разбой 1. Всего 3 реакции.

Не были распределены в семантические группы созвучные топониму реакции: *брага 8; бражка, бродягино 1*. Всего 10 реакций.

Единичная реакция *работа «мечты»* не составила семантическую группу, но она связана с определением района как места работы. Также единичная реакция *трамвай* не составила семантическую группу, но она связана с характеристикой района с помощью различных видов транспорта.

13 реакций были непосредственным определением неофициального топонима *Брагино* – район (*мой район 6; спальный район 4; район 2*). Один испытуемый дал в качестве реакции официальный топоним: *Дзержинский район*.

Одна реакция дана ошибочно, она связана с другим районом Ярославля: *Пятерка 1*.

На топоним было дано 17 оценочных реакций, из них 2 положительных (*здорово, родное 1*) и 15 отрицательных (*пробка 8; большая деревня, выпивка, говно, гопники, нет дорог вообще, очень неудобно, разбой 1*). Таким образом, отрицательно-оценочных реакций почти в восемь раз больше, чем положительно-оценочных.

Анализ ассоциативных полей двух возрастных групп показал, что ядро поля не совпадает в этих группах. Приведем наиболее частотные реакции в таблице 1.

Таблица 1

Ядро ассоциативного поля неофициального топонима Брагино в двух возрастных группах

От 18 до 30 лет	Старше 30 лет
далеко 18	брага, пробка, пруды «очки» 8
гопники 9	деревня, живу 7
дом 8	мой район 6

Ядро поля в молодежном ассоциативном поле четко выражено, реакция, относящаяся к центру ядра, имеет частотность, вдвое превышающую последующую. Во второй возрастной группе ядро и периферия имеет нечеткие, размытые границы.

Молодежь определяет Брагино с помощью абстрактной пространственной характеристики *далеко*, а взрослые реципиенты дают более конкретные реакции и связывают район с природным объектом (*пруды «очки»*) и дорожной ситуацией (*пробки*). Ядерные реакции у обеих групп связаны с домом – *дом* у студентов и *живу, мой район* у взрослых. Следует отметить, что реакции *гопники, дом, пробки* присутствуют в обоих ассоциативных полях, однако размещаются в различных зонах данных полей.

Шесть семантических групп совпадают в двух группах испытуемых: «Пространственная характеристика» (30 и 21 реакция соответственно у молодежи и испытуемых старше 30 лет); «Указание на городские и природные объекты» (17 и 25 реакций соответственно); «Связь с домом и семьей, знакомыми» (14 и 16 реакций); «Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки» (по 6 реакций в каждой возрастной группе); «Определение района как неблагополучного» (27 и 3 реакции); «Характеристика дорожных условий» (2 и 9 реакций). Таким образом, большинство семантических групп совпадает.

Однако самая объемная группа у испытуемых от 18 до 30 лет – «Пространственная характеристика», а у испытуемых от 30 до 80 лет – «Указание на городские и природные объекты», что говорит о более конкретном восприятии неофициального топонима *Брагино* языковым сознанием взрослого населения.

У «взрослых» испытуемых семантическая группа «Определение района как неблагополучного» представлена менее объемно (3 реакции), в молодежной группе – 27 реакций. Такую асимметричность можно объяснить тем, что *гонниками* (ядерная реакция в молодежной возрастной группе) чаще всего называют молодых людей. Также во II возрастной группе отсутствуют реакции, входящие в семантическую группу «Характеристика с помощью различных видов транспорта», хотя и в молодежном языковом сознании она представлена всего двумя реакциями.

Внутри семантических групп есть несовпадающие реакции. У взрослых реципиентов отмечается реакция *пруды «очки»* с достаточно высоким индексом яркости (8), что подчеркивает более конкретное и разнообразное восприятие неофициального топонима *Брагино*.

Оценочных реакций среди молодежи в 2,2 раза больше, чем у испытуемых более старшего возраста: 37 и 17 реакций соответственно. Такая разница, на наш взгляд, объясняется наличием у молодых реципиентов реакций, относящихся к семантической группе «Указание на криминальность района», которые содержат отрицательную оценку. В обеих возрастных группах преобладают отрицательно-оценочные реакции – 35 и 15 реакций соответственно.

Отметим, что взрослые реципиенты ассоциируют неофициальный топоним с собой, выражая реакцию с помощью притяжательного местоимения (*мой район 6; дом (мой дом) 2*). Такие реакции свойственны мужчинам и женщинам от 45 лет. У студентов аналогичных реакций не выявлено.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что неофициальный топоним *Брагино* достаточно хорошо и дифференцированно освоен различными возрастными группами испытуемых.

Ссылки / References

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование; Астрель; Оникс, 2012. 736 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др.; под общ. ред. А. Н. Тихонова и Р. И. Хашимова. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2008. 840 с.

4. Маракуев А. М. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины // Учен. записки Казах. ун-та. Сер. «Геология и география». Алма-Ата, 1954. Т. 18. Вып. 2. С. 29-72.
5. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 203–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofitsialnye-toponimy-kak-podсистема-yazyka-goroda> (дата обращения: 26.05.2021).
6. Ахметова М. В. Неофициальная топонимика Российского Севера (Карелия и Ленинградская область) в электронных источниках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3. С. 54–59.
7. Борейко Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска) // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofitsialnaya-toponimika-sovremennogo-goroda-na-primere-omska/viewer> (дата обращения: 26.05.2021).
8. Рослякова Е. С. Неофициальные топонимы крупных городов США: способы образования и связь с культурой // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2017. Том 11. С. 110–113. URL: <https://геро.nspu.ru/bitstream/nspu/2464/1/neoficialnye-toponimy-krupnyh-go.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).
9. Субиркина Н. Ю. О языковом творчестве (на примере неофициальных названий Франции и Англии) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 3. С. 69–71. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2017/03/2017-03-13.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).
10. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Евронек, 2003. 632 с.
11. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-v-psiholingvistike> (дата обращения: 19.06.2019).

Thematic group “Education” in Russian language (using analysis of Russian jargon dictionary as an example)

K. O. Selezneva^{1,2}

¹Voronezh State University, 43 Narodnaya str., Borisoglebsk, Voronezh Region 397160, Russian Federation
²Krasnodar Air Force Institute for Pilots, 35 Dzerzhinskiy str., Krasnodar 350090, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-212-222

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the lexemes which are entered into the composition of the thematic group “Education”. Some lexemes from Russian jargon dictionary are used. Solid sorting is used as a method. There is a list of the lexemes which are in the groups and minigroups in the thematic group «Education» as a result of the author’s study. The author has done systematization and classification of these lexemes. The author’s study gave an opportunity to sort out the following subgroups and minigroups: Students’ names, Actuals’ names that are connected with education learning process, Teachers’ names, School subjects, Educational institutions, Educational departments, Separate workers’ names in education, Marks, Students and teachers’ names of several educational institutions, Forms of control and types of accounting, Allusions that appear after specific teachers, students and educational workers mentioning. Some subgroups have the following minigroups: Students’ names connecting to their attitude to the study process, Students’ names depending their department, Common students’ names, Students’ names depending their grade, Foreign students’ names, Students’ names depending their duties and privileges, Students’ names depending their interests, Students’ names depending their form of studying, Teachers’ names depending subjects, Teachers’ names depending the allusions connecting with the subject they teach, Common teachers’ names.

Keywords: thematic group; education; jargon; solid sorting method; vocabulary data; marks

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Selezneva, Kristina O. | E-mail: kireeva_kristina@mail.ru
| Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Selezneva K. O. Thematic group “Education” in Russian language (using analysis of Russian jargon dictionary as an example) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 2. P. 212-222. (in Russ.)

Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона)

К. О. Селезнева^{1,2}

¹Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет, ул. Народная, 43, Борисоглебск, Воронежская обл., 397160, Российская Федерация

²Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков, ул. Дзержинского, 135, Краснодар, 350090, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-212-222

УДК 81

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются лексические единицы, входящие в тематическую группу «Образование». Материалом послужили те из них, которые содержатся в Большом словаре русского жаргона. Методом сплошной выборки были отобраны единицы, относящиеся к исследуемой тематической группе. В результате получился список лексических единиц, которые входят в подгруппы и мини-группы тематической группы «Образование». Автором статьи были проведены систематизация и анализ полученных данных. Проведенное автором исследование позволило выделить следующие подгруппы и мини-группы: Наименования учащихся, Наименования реалий, связанных с образованием и учебным процессом, Наименования педагогов, Наименования учебных предметов, Наименования учебных заведений, Наименования учебных подразделений, помещений и мест, Наименования отдельных работников в сфере образования, Наименования оценок, Наименования учащихся/преподавателей определенных учебных заведений, Наименования видов контроля и форм отчетности и Аллюзии, возникающие при упоминании отдельных преподавателей, учащихся и работников образования. Некоторые подгруппы имеют в своём составе следующие мини-группы: Наименования учащихся по отношению к учёбе, Наименования учащихся в зависимости от направления обучения, факультета, специальности, Общие наименования учащихся, Наименования учащихся в зависимости от курса и класса, на котором (в котором) они обучаются, Наименования иностранных студентов, Наименования учащихся в зависимости от получаемых ими льгот и исполняемых обязанностей, Наименования учащихся по интересам, Наименования учащихся в зависимости от форм обучения, Наименования педагогов по преподаваемому предмету, Наименования педагогов по реалиям, связанным с преподаваемой дисциплиной, Общие наименования педагогов.

Ключевые слова: тематическая группа; образование; жаргон; метод сплошной выборки; словарные данные; пометы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Селезнева, Кристина Олеговна

Email: kireeva_kristina@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, старший преподаватель отдельной дисциплины

Для цитирования: Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 212-222.

Предметом нашего исследования является тематическая группа (ТГ) «Образование». Данная тематическая группа выбрана нами не случайно. Напомним, что в соответствии с принятой Национальной доктриной образования в Российской Федерации до 2025 года приказом Минобрнауки России от 11.02.2002 N 393 принята Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, которая взаимосвязана с основными направлениями социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу и определяет приоритеты и меры реализации генеральной, стратегической линии в модернизации образования. Совершенно очевидно, что модернизация невозможна без реформ. В каждой семье есть бывшие, нынешние или будущие учащиеся, поэтому вопросы реформы сферы образования в России затрагивают интересы каждой семьи. Лексика, в свою очередь, наиболее подвижной языковой пласт, который отражает не только политические процессы, но и отношение к ним людей. Именно поэтому интересно наблюдать за появлением новых лексических единиц, новых значений и оттенков значений у привычных лексем в сфере образования.

Наиболее «свободной» и наиболее быстро реагирующей на подобного рода изменения является, на наш взгляд, жаргонная лексика. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) дает следующее определение жаргону: «Жаргон – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста (молодёжный жаргон). Отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств» [1]. Л. И. Скворцов предлагает следующую трактовку термину «жаргон»: «Жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно пересмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п. (например, жаргон моряков, лётчиков, спортсменов, учащихся, актёров, заключённых). В нестрогом терминологическом смысле «жаргон» употребляется для обозначения искажённой, вульгарной, неправильной речи [то же, что арго], но с пейоративной, уничижительной, оценкой» [2].

Отметим, что в свете реформы системы образования в РФ лингвистические исследования в области лексики, относящейся к данной сфере, активно развиваются [3; 4; 5]. Так, учёные Воронежской лингвистической школы занимаются изучением данной темы, что нашло своё отражение в работах Д. В. Козельской, М. А. Стерниной, К. О. Селезневой [6; 7]. Не ослабевает интерес ученых-филологов к вопросам изучения факторов, принципов, особенностей функционирования жаргона [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Принимая во внимание всё вышеизложенное, актуальность исследования тематической группы «Образование» в русском языке на примере анализа Большого словаря русского жаргона не вызывает сомнения.

Методом сплошной выборки из Большого словаря русского жаргона [15] нами были выписаны слова, принадлежащие к исследуемой тематической группировке. В итоге нами был получен базовый список данной ТГ, состоящий из 565 единиц. Именно он послужил материалом для дальнейшего исследования. Полученные данные были нами проанализированы, систематизированы и структурированы в более

мелкие группы и подгруппы. Рассмотрим более подробно список тематических групп и входящих в их состав подгрупп в порядке убывания:

1. Наименования учащихся (110):

1.1. Наименования учащихся по отношению к учёбе (35): *Аккуратист* – прилежный ученик, отличник; *Борода 3* – знаток, хорошо разбирающийся в учебном материале ученик; *Бот* – отличник, примерный ученик; зубрила; *Ботан* – отличник, прилежный, примерный ученик; *2 Ботаник 1, Ботанчик* – отличник, прилежный ученик; *Ботанка* – отличница, примерная ученица; *Букварь 3* – старательный ученик, отличник; *Букварь 4* – двоечник, второгодник; *Казёнщик* – прогульщик; *Комар 1* – неусидчивый ученик; *Молекула 2* – студент, плохо подготовившийся к занятию; *Олимпик* – студент, не сдавший зачет по физвоспитанию, физической подготовке; *Патриот* – отличник, зубрила; *Пахарь 2* – прилежный ученик, студент; *Политик 2* – курсант военного училища, лишенный отпуска из-за нарушения дисциплины; *Промокашка 2* – прилежная школьница; *Пустырь 1* – двоечник, несообразительный ученик; *1 Пушкин 5* – отличник; *Рюхач* – способный, эрудированный учащийся, отличник; *Синоптик 2* – прилежный ученик, отличник; *Смертник 3* – кандидат на отчисление; *Павший смертью храбрых* – об ученике, сбежавшем с урока; *Стерильный* – ничего не знающий, не подготовившийся к экзамену, к зачету; *Стилл* – прилежный ученик, зубрила; *Фотограф 2* – учащийся, который списывает выполненную работу у других; *Хвостатый 1, Хвостист* – студент, имеющий академическую задолженность; *Хвостун* – отстающий, неуспевающий студент; *Аленький цветочек 1* – ученик у доски; *Череп 3* – отличник; *Чеснок 3* – отличник, зубрила; *Чистый 2* – ничего не знающий, не подготовившийся к занятию; *Шуршало 1* – отличник; *Ягель* – отстающий ученик, двоечник.

1.2. Наименования учащихся в зависимости от направления обучения, факультета, специальности (28): *Абсирáнт* – аспирант; *Бином 1* – студент факультета информатики; *2 Бух* – студент отделения «Бухгалтерский учёт и аудит»; *Вокалога 1* – учащийся консерватории по классу вокала; *Дуб 3* – студент привилегированного факультета; *Журик* – студент факультета журналистики; *Зверь 2* – студент биологического факультета; *Интенсивник* – студент, изучающий иностранный язык интенсивно (по особой программе); *Истерик* – студенты исторического факультета; *Кадет 1* – ученик кадетского класса – класса мужского воспитания; *Кадет 2* – курсант военного училища, школы милиции; *Кадет 3* – курсант, проходящий практику на зарубежном судне; *Карась 2* – курсант военного училища; *Киллер 3* – студент отделения, факультета единоборств; *Классик 1* – студент отделения классической филологии; *Корнет 2* – курсант военного училища, школы МВД; *1 Курóк 5* – курсант военного училища; *Милитарист 2* – курсант училища МВД; *Начальник 2* – студент факультета начальных классов (в пединституте); *Паяльник 1* – студент, избравший техническую специализацию (в радиотехнике, обеспечении компьютеров); *Пимношка* – студентка факультета педагогики и методики начального образования (ПиМНО); *Топтун 7* – курсант военного училища; *Турист 3* – студент отделения «Менеджмент в сфере туризма»; *Филолух* – студент-филолог; *Фин* – студент отделения «Финансы и кредит»; *Халат 5* – студент медицинского института; *Шизик 3* – студент-физик; *Юнкер* – курсант военного училища.

1.3. Общие наименования учащихся (22): *Абитá 1* – абитуриент, абитуриентка; *Абитá 2* – абитуриенты; *Абитéнь 1* – абитуриент, абитуриентка; *Абитéнь 2* – абитуриенты; *Абиту́ра* – абитуриенты; *Академик 3* – студент, находящийся в академическом отпуске; *Бурсáк* – студент, учащийся; *Вуз 1* – о девушке, которая учится

в вузе для того, чтобы найти мужа; *Зажигалка 4* – воодушевленная, бойкая абитуриентка; *Зёма 2* – одноклассник, проживающий в одном доме, в одном дворе с говорящим (земляк); *Клякса 1* – школьница; *Крыска 3* – школьник, ворующий в классе и в гардеробе; *2 Мыло* – о студентах, которые пишут в стиле соцреализма, подражают А. А. Мыльникову (нар. худ. СССР); *Обиженный 3* – презираемый и унижаемый всеми ученик; *Основной 2* – ученик, представитель школьной «элиты», выделяющийся материальным положением или умственными способностями, эрудицией; *Пацан 5* – неформальный лидер в классе, в школе; *Студень 2* – студент; *Студиозус* – студент; *Целёвщик* – человек, обучающийся в целевой аспирантуре; *Шерстяной 2* – неформальный лидер в школе; *Шлепок* – курсант; *Шмонала* – вымогатель денег, сладостей (обычно старшеклассник).

1.4. Наименования учащихся в зависимости от курса и класса, на котором (в котором) они обучаются (13): *Адидас 3* – курсант III курса военного училища; *Вторяк 3* – студент второго курса; *Ашки 1* – ученики класса «А»; *Бэшки 1* – ученики класса «Б»; *Дед 4* – старшеклассник; *1 Енот 1* – студент первого курса; *Козерог* – студент-первокурсник; *Минус* – студент I курса военного училища; *Молодой 2* – первокурсник; *Первак* – студент первого курса; *Равно* – курсант второго курса военного училища; *Третьяк 1* – студент третьего курса; *Четвертак 4* – студент четвертого курса.

1.5. Наименования иностранных студентов (6): *Брат 2* – иностранный студент (обычно из стран Азии, Африки и Латинской Америки); *Друг 1* – иностранный студент (обычно из стран Азии, Африки и Латинской Америки); *Нуль 1* – студент-иностранцы, начинающие изучать язык с нуля; *Форин 2*, *Фрэнд*, *Френд 2* – иностранный студент.

1.6. Наименования учащихся в зависимости от получаемых ими льгот и исполняемых обязанностей (3): *Бесплатник 2* – ученик, пользующийся правом бесплатного питания в школьной столовой; *Казначей* – человек, получающий стипендию на группу; *Раб 2* – студент младшего курса, который помогает старшекурсникам делать дипломный проект.

1.7. Наименования учащихся по интересам (2): *Ашхлорик* – ученик, увлекающийся химией, разбирающийся в ней; *Примат 2* – студент, занимающийся прикладной математикой.

1.8. Наименования учащихся в зависимости от форм обучения (1): *Заушник* – студент-заочник.

2. Наименования реалий, связанных с образованием и учебным процессом (94): *Академ*, *Академка* – академический отпуск; *Бегá* – учебный марш-бросок в армии; *1 Бомба 4* – шпаргалка на большом листе бумаги с полным ответом на вопрос; *Бук 1* – книга; *Ваучер* – талон на обед в столовую; *Верхнее* – высшее образование; *Военка 2*, *Война 3* – занятия на военной кафедре; военная подготовка в вузе, в школе; *Воёшка* – занятия по военной подготовке; *Вóпли* – журнал «Вопросы литературы»; *Вспашка озимых*, *Сено-Солома*, *Шерсть 1* – неаккуратная штриховка; *Гармошка 1* – шпаргалка на длинном узком листке бумаги, свернутая гармошкой; *Графики* – графические уравнения; *Датцзыбао*, *Дацзыбао* – студенческая стенная газета; *Двойник 3* – дневник; *Диссер*, *Диссертуха* – диссертация (обычно кандидатская); *Диффуры* – дифференциальные уравнения; *Домаха* – домашнее задание; *Домашка 1* – домашняя работа, письменное домашнее задание; *Допинг* – доплата к стипендии на питание; *Завал 4* – получение неудовлетворительной оценки на экзамене; *Задвигон 1* – прогул, пропуск урока, лекции без уважительной причины; *Иностранка 2*, *Инострань 1* – библиотека иностранной литературы в Москве; *Камчатка 2* – последние парты в классе,

за которыми сидят плохие ученики; *Карабах* – провал на экзамене; *Картонка 1* – зачетная книжка; *Картошка 1* – осенние сельскохозяйственные работы, выполняемые студентами; *1 Кирпич 1* – очень толстая книга; *Комиксы 2*, *Медовый месяц* – каникулы в военном училище; *Курсы кройки и шитья 1* – курсы повышения квалификации хирургов; *Лом 1* – карандаш; *Я помню чудное мгновенье* – о каникулах; *Меридиан* – праздник, вечеринка, посвящённая завершению половины срока обучения; *Мозг 1* – учебник, учебники; *Мозгобойка* – родительское собрание; *Мыты* – воспитательная работа среди заключенных; *Бухенвальский набат* – звонок на урок; *Надрочка*, *Тяжелуха* – учёба; зубрежка; *Назидалово* – поучение, нотация, наставление; *Ночное* – самостоятельные занятия на протяжении всей ночи; *Французский отпуск* – пропуск занятий без уважительной причины; *Ошейник 1* – пионерский галстук; *Папирус 1* – конспект; *Пара 2* – лекция, учебное занятие, состоящее из двух спаренных академических часов; *Патруль* – дежурный или группа дежурных по школе; *Пенсия 2*, *1 Плата*, *Стенуха*, *Степь*, *Стёпа 1*, *Стёпка*, *Ступ*, *Ступа*, *Стипенсия*, *Ступон*, *Ступуха* – стипендия; *Поумёнка* – опрос учащихся; *Портфик* – портфель; *Приговор 3* – объявление результатов экзаменов; *1 Прицеп 4* – небольшой рюкзак, сумка, которую носят на плече, за спиной; *Продлёнка* – форма внеклассной работы с учениками (в школе) по завершении занятий; *Рабство* – система взаимопомощи студентов при написании дипломных работ; *Русиш 2* – урок русского языка; *Я бродил среди скал, я Европу искал* – об уроке географии; *Скафандр 3* – школьная форма; *Сменка 5* – сменная обувь, которую ученик надевает, приходя в школу; *Строяк* – студенческий строительный отряд; *Студик* – студенческий билет; *Торба 2* – школьный портфель; *Звериная тропа* – дорога в школу; *Ушко 2* – уважительная причина отсутствия на занятиях; *Форточка 4* – ничем не занятое время, разрыв в расписании занятий; *Форшмачка* – форма учащихся профессионально-технических училищ; *Халяву (халявку) кормить* – название предэкзаменационного «ритуала» привлечения удачи, когда в окно бросают вкусную пищу; *Халява, ловись!* – ритуальное восклицание перед экзаменом; *Хвост 7* – академическая задолженность, несданный зачет, экзамен; *Хождение по мукам* – урок; *Целёвка* – целевая аспирантура; *Числогрыз 2* – калькулятор; *Шар 7* – балл (в системе оценки знаний); *Шкурка 2* – обложка (книги, тетради); *Шпага 3*, *Шпора 6* – шпалгалка; *Много шуму из ничего* – классный час; *Экватор* – время после зимней сессии на третьем курсе, середина учебы в вузе, традиционный праздник студентов, прошедших половину срока обучения в вузе.

3. Наименования педагогов (86):

3.1. Наименования педагогов по преподаваемому предмету (22): *Мастак 2*, *Трудяга* – мастер производственного обучения; *Мляшница* – преподавательница методики литературы; *Мряшница* – преподавательница методики [преподавания] русского языка; *Немка 2* – учительница немецкого языка; *Обэжешник*, *Обэжист*, *Обэжук*, *Обэжун* – учитель, преподаватель ОБЖ – основ безопасности жизнедеятельности; *Обэжучка* – учительница, преподавательница ОБЖ; *Пеша 2*, *Пешка 3* – учительница пения; *Разговорник* – специалист по разговорной практике; *Русачка*, *Русичка* – учительница русского языка; *Современист*, *Современщик* – преподаватель современного русского языка; *Сряшница* – преподавательница современного русского языка; *Трудила*, *Трудило* – учитель труда; *Цивилизатор* – преподаватель предмета «основы цивилизации»; *Эмхэчка* – учительница, преподающая МХК (предмет «Мировая художественная культура»).

3.2. Наименования педагогов по реалиям, связанным с преподаваемой дисциплиной (21): *Амёба 2* – учительница зоологии и биологии; *Баян Баяныч* – учитель музыки; *Биссектриса 1* – учительница математики; *Глобус 1* – учитель географии; *Зверь 1*, *Пестик 1*, *Самец 1* – учитель биологии; *Лягушка 2* – преподаватель физиологии; *Мензурка 2*, *Молекула 1*, *Пробирка 1*, *Селитра 1* – учительница химии; *Мистер Икс*, *Два в квадрате* – учитель математики; *Семядоля*, *Тычина 1*, *Тычинка 1* – учительница биологии; *Синекдоха*, *Точка 1* – учительница русского языка и литературы; *Хромосом 1*, *Хромосома 2* – преподаватель генетики.

3.3. Общие наименования педагогов (16): *Мастак 3*, *Тичер 2*, *Чирик*, *Педик 3* – учитель; *Преп*, *Препак*, *Препод* – преподаватель; *Препóда*, *Преподша* – преподавательница; *2 Репка* – Женщина-репетитор; *Свой 2* – демократически настроенный преподаватель, понимающий проблемы студентов, нетребовательный на экзамене; *Тыча* – учительница, преподавательница; *Утка 3* – учительница в общеобразовательной школе ИТУ; *Халдей 5* – педагог общеобразовательной школы в ИТК; *Чира 2* – учительница; *2 Шкраб* – учитель общеобразовательной школы в ИТУ.

3.4. Наименования педагогов по именам, отчествам, фамилиям и их изменениям (12): *Барбариска* – прозвище учительницы с отчеством Борисовна; *Васьвась 1*, *Вась-Вась* – прозвище учителя по имени Василий Васильевич; *Васьгав* – прозвище учителя по имени Василий Гаврилович; *4 Веник* – прозвище учителя по отчеству Венедиктович; *Вергена* – прозвище учительницы по имени Вера Геннадьевна; *2 Вермишель* – прозвище учительницы по имени Вера Михайловна; *Всеболдович* – прозвище учителя по отчеству Всеволодович; *Горилла 2* – прозвище учительницы с отчеством Гавриловна; *2 Макарона 1* – женщина (как правило, учительница) по отчеству Макаровна; *Сырник 3* – учитель по имени Сергей Николаевич; *Харя* – учительница с отчеством Харитоновна.

3.5. Наименования педагогов классного руководителя, воспитателя (11): *Аракчеев 1* – классный руководитель; *Воспит* – классный руководитель; *Воспитка*, *Воспитуха* – воспитательница (в школе-интернате, группе продленного дня, пионерском лагере); *Жандарм* – классный руководитель; *Классуха* – классная руководительница; *Мамочка 1* – воспитательница, командир отряда в женской колонии; *Питка* – воспитательница (в колледже, техникуме, летнем лагере, группе продленного дня); *Скрипка 5* – классный руководитель; *Старпет* – старший воспитатель; *Старпетка* – старшая воспитательница.

3.6. Наименования педагогов по внешнему виду, внешности (2): *Батискаф 3* – прозвище невысокой полной учительницы в круглых очках; *Биолошадь* – крупная, физически сильная учительница биологии.

3.7. Наименования педагогов по темпераменту (2): *Гестаповна* – прозвище очень строгой учительницы; *Тигра 2* – властная, требовательная учительница.

4. Наименования учебных предметов (62): *Административка* – административное право; *Античка* – античная литература; *Всемирка* – история всемирной литературы; *Выразилка* – выразительное чтение; *Вышак 3*, *Вышка 2* – высшая математика; *2 Гроб 2* – гражданская оборона; *Диамат* – диалектический материализм; *Древнеруха* – древнерусская литература; *2 Заруба*, *Зарубéга*, *Зарубежка 1* – зарубежная литература; *Зарубежка 2* – экономическая география зарубежных стран; *Зёма 3* – землеведение; *Зоофилия* – зоология; *2 Игра* – историческая грамматика; *Истмат 1* – исторический материализм; *Истмат 2* – история математики; *Капээсна* – история КПСС; *2 Край* – краеведение; *Литвед* – литературоведение; введение в литературоведение; *Литерáча*, *Литрáча* – литература; *Матлы* – математическая логика; *Махалóвка 5* –

дирижирование; *Медпсих* – медицинская психология; *Курсы кройки и шитья 2* – спецкурс по хирургии в медицинском институте; *Тут моя могила* – теория машин и механизмов; *Другая моя могила* – детали машин и механизмов; *Мряха* – методика [преподавания] русского языка; *Мудёния* – механика управляемых движений; *Начерталка* – начертательная геометрия; *Обомжение* – ОБЖ – основы безопасности жизнедеятельности; *Общага 2* – обществоведение; *Отечка* – отечественная история; *Пеша 1, Пешка 2* – пение; *Русиш 1* – русский язык; *Новый русский* – современный русский язык; *Свинка 3* – свиноводство; *Совлит 1* – советская литература; *Совлит 2, Современка* – современная литература, современный литературный процесс; *Сопромат, Сопромуть* – сопротивление материалов; *Спец 6* – спецкурс, спецсеминар; *1 Спид 1* – социально-политическая история двадцатого века; *Сряшник* – современный русский язык; *Странноведение* – странноведение; *Течка 2* – отечественная история; *Тыр-пыр* – теория и практика периодической печати; *Уголовка* – уголовное право; *Физвос 1, Физер, Физра, Физуха* – физическое воспитание, физкультура; *Фрэн, Фрэнч, Френч* – французский язык; *Чтеша, Чтешка* – урок чтения; *Шкаф 3* – школьный курс физики.

5. Наименования учебных заведений (61): Бастилия, Морковка 2 – главное (высотное) здание МГУ в Москве; Бессрочка 2 – специальное профессионально-техническое училище для детей до 14 лет; Бўрса – любое учебное заведение (школа, ПТУ, университет и т. п.); Герцовник – педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге; Говназия – гимназия; Гужатник, Пуяга 1, Сорбонна 3, Фазанка 2, Чушок – профтехучилище, колледж; Зона 2, Казёнка 2, Скул – школа; Зоопарк 3, Короядка – спецшкола для трудновоспитуемых детей; Ипполитивка – музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова в Москве; Кембридж – профессионально-техническое училище; Керосинка 2 – Московская академия нефти и газа им. И. М. Губкина; Колледж – институт; 2 Кулёк 2 – кулинарное училище; Лесопилка – лесотехническая академия; Лумумбарий – университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; Манация – сельское профтехучилище; Мед 1 – медицинский институт; Медуха – медицинское училище, колледж; 2 Мўмо – Московский государственный Институт Международных Отношений; Бўрса зека, Сорбонна 2 – общеобразовательная школа для осужденных в ИТК; Монтага – строительно-монтажный техникум; Морозильник, Холодильник 4 – институт холодильной промышленности; Мужикально-педерастическое чудилище имени братьев Гнусиных – Московское музыкально-педагогическое училище им. Гнесиных; Музыкалка – детская музыкальная школа; Муха 6 – Высшее художественно-промышленное училище им. Мухиной в Санкт-Петербурге; 1 Пед 1 – педагогический институт; Педричище – хореографическое училище им. Вагановой в Санкт-Петербурге; Педулище – педучилище; Педуха – педагогический институт; 2 Плешка – академия народного хозяйства им. Плеханова; Сиротка – детский дом; Система 3 – военно-морское училище; Ситет – университет; Слежка – высшая следственная школа; Сорбонна 1 – школа для детей с замедленным психическим развитием; 2 Соха – сельскохозяйственная академия (СХА); 2 Строгач – Строгановское училище в Москве; Терем, Технарь 1 – техникум; Тряпка 3, Тряпочка 2 – университет технологии и дизайна в Санкт-Петербурге (бывш. Институт текстильной и легкой промышленности); Уни, Универ, Уник – университет; Учебка – школа младшего командного состава; Баклянья хаза – спортивная школа бокса, восточных единоборств; Шаолинь – военное училище; Школа 1 – любое высшее учебное заведение; Щепка – Театральное училище им. М. Щепкина в Москве; Щука 6, Щучка 3 – Театральное училище им. Б. Щукина в Москве.

6. Наименования учебных подразделений, помещений и мест (39): *2 Библия, Блевотека, Бляотека* – библиотека; *Быканат, Драконат* – деканат; *Военка 1* – военная кафедра в вузе; *Гестапо 2* – кабинет директора; *Деканат, КПД, КПЗ, Дворец съездов, Тубаркас, Тубзик* – туалет; *1 Загон 3, Свинарник* – класс, аудитория; *1 Загон 4* – физкультурная раздевалка; *Зверофак* – биологический факультет; *Камбуз* – столовая в военно-морском училище; *Келья 2* – комната в общежитии; *Кошара 2, Обцага 1, Резиденция* – общежитие; *Махаловка 4* – дирижерско-хоровое отделение в вузе, колледже; *Дворянское гнездо, Осиное гнездо, Серпентарий* – учительская; *Кошачий городок 1* – студенческий городок; *Мишка 2* – дворик перед факультетом журналистики МГУ, место встреч, тусовок молодёжи; *Много хочешь – мало получишь, Рыгаловка 1* – о школьной столовой; *Музла* – общежитие музучилища; *Примат 1* – факультет прикладной математики; *Псарня 1* – казарма, общежитие, учебное заведение МВД или КГБ, ФСБ; *1 Спид 2* – совет при директоре; *1 Фак* – факультет; *Физвос 2* – факультет физического воспитания в пединституте; *Халдейская* – учительская в общеобразовательной школе ИТУ; *Чнок* – буфет в военном училище; *Шизмат* – физико-математический факультет.

7. Наименования отдельных работников в сфере образования (33): *Аракчеев 2, Дерюга, Дерюжка, Дир, Дирик, Дирюга, Дирюжник, Диря, Кореш 3, Мюллер 2, Пастух 6, Хозяин 6, Чабан 2, Шеф 3* – директор школы; *2 Бабуля, Дирюжница* – женщина – директор школы; *Быкан* – декан; *Гав-Гав 1, Зек, Зэк* – заведующий кафедрой; *1 Гусь 3* – директор школы в ИТУ; *Команда* – комендант общежития (о женщине); *Мазай* – ректор; *Али-баба и сорок разбойников 1* – директор школы и учителя; *Проф, Профи 2, Старик 1* – профессор; *Голый (сухой, холодный) профессор* – человек, получивший звание профессора, не защищая докторскую диссертацию; *Проэректор* – проректор; *Рук* – научный руководитель; *Шеф 4* – руководитель курсовой или дипломной работы.

8. Наименования оценок (32): *1 Гусь 1, Двойбан, Двушка 2, Двшушник, Дупль, Кровать 2, Напильник 3, Пара 1, Паяльник 7, Твикс 2, Утка 1, Цара, Цвайбан, Цвайка, Цица, Чекуша* – двойка, неудовлетворительная оценка; *Отл 1, Петрофан 2, Петух 10, Питекантроп 2, Пятак 6, Файф 2, Файфок 2, Файфушник 2* – оценка «отлично»; Государственная оценка, Международная оценка, *Тройбан, Тройной, Трюндель 2, Удочка 5* – тройка, оценка «удовлетворительно»; *2 Хор, Хорёк 7* – оценка «хорошо».

9. Наименования учащихся/преподавателей определенных учебных заведений (19): *Быдлёнок, Быдлók, Быдлюк, Гуж 3, Интеллигент 2, Птушка, Путыга 2, Ремесло 1* – учащийся ПТУ; *Гужевица* – учащаяся профтехучилища, колледжа; *Красивый 1, Шпитóнок* – воспитанник детского дома; *Маёвец* – студент или преподаватель МАИ; *Майовец* – студент МАИ; *Мендель* – студент МХТИ им. Менделеева; *Мимозник* – студент и выпускник МГИМО – Московского государственного института международных отношений; *Мимошник* – студент, аспирант или преподаватель МГИМО; *1 Пед 2, Педик 2* – студент педагогического института, университета; *Слушак* – слушатель военной академии.

10. Наименования видов контроля и форм отчетности (15): *Автомат 1* – зачет, полученный автоматически по результатам текущей успеваемости; *Госы* – государственные экзамены; *Запара 2* – экзамен; *Исповедь 4* – экзамен; *Клоаквиум* – коллоквиум; *Колók* – коллоквиум; *3 Контра, Контрабанда* – контрольная работа; *Курсач, Курсовик, Курсовуха* – курсовая работа; *2 Лаб (=1 Лаб)* – лабораторная работа; *Великая Запара* – сессия; *Экзема* – экзамен.

11. Аллюзии, возникающие при упоминании отдельных преподавателей, учащихся и работников образования (14): *Гном 2* – преподаватель экономики; *Воевода* – учитель НВП (начальной военной подготовки); *Истеришка* – учительница истории; *Козёл опущения* – учитель физкультуры (т. к. основное упражнение – наклон и подъём); *Погонщик ослов*, *Хип-хоп* – учитель физкультуры; *Самodelкин 2* – учитель труда; *Сурепка* – учительница биологии; *Хаки* – учитель ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) или военной подготовки; *Химера 2*, *Химоза* – учительница химии; *Чича 3* – учительница английского языка; *Шизик 2* – учитель физики; *Шизичка* – учительница физики.

Анализ полученных данных показал, что наиболее многочисленной является группа **Наименования учащихся (110 единиц)**, затем идёт группа **Наименования реалий, связанных с образованием и учебным процессом (94 единицы)** и, наконец, группа **Наименования педагогов (86 единиц)** «закрывает тройку лидеров». Обращает на себя внимание тот факт, что именно первая и третья из названных групп имеют в своём составе более мелкие подгруппы и мини-группы, причём примерно равное их количество. Так, в состав группы **Наименования учащихся** входит 8 подгрупп, а в состав **Наименования педагогов** – 7 подгрупп. На наш взгляд, это объясняется тем, что в процессе обучения самым важным является взаимодействие «учитель-ученик», что находит своё отражение в языке в виде разнообразных наименований каждого участника данного процесса.

Преобладание наименований учащихся и педагогов в студенческом и школьном жаргоне (такие лексические единицы приводятся в словаре с пометами *Студ.* и *Шк.*) объясняется тем, что именно для этих категорий граждан данная сфера является главной. Она занимает практически всё их время, приходится, на наш взгляд, на тот период, когда человек «максимально открыт для словотворчества», готов принимать новое, не боится экспериментировать со словами, стремясь привлечь к себе внимание сверстников. Это подтверждается и тем фактом, что группа **Наименования реалий, связанных с образованием и учебным процессом** занимает второе место в списке и содержит 94 единицы, причём на многие реалии в словаре приводится по несколько лексических единиц.

Следует отметить, что подавляющее большинство слов, выявленных в ходе исследования, носят ярко выраженный иронический, пренебрежительный, а порой и шуточный характер. Такие лексемы в словарях приводятся с соответствующими пометами: *Шутл.*, *Ирон.*, *Пренебр.* (Пестик – Шутл.-ирон. Учитель биологии; Обжешник – Пренебр. Учитель, преподаватель ОБЖ – основ безопасности жизнедеятельности и т. д.).

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что поколения молодых людей (именно студенческий и школьный жаргон представляет собой около 80 % изученного материала) сменяются через каждые пять-семь лет, а это значит, что уже через пять-семь лет изменится и их жаргон – какие-то лексические единицы мы больше не услышим, появятся новые слова, новые значения и/или оттенки значений у привычных слов. Вот почему так важно успеть не просто их зафиксировать, а рассмотреть особенности образования и функционирования, что открывает широкое поле для дальнейшей исследовательской деятельности в рамках данной темы.

Ссылки / References

1. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

2. Скворцов Л. И. Жаргон // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 129.
3. Николаева О. В. Когнитивные аспекты исследования Тематической группы «Высшее образование США»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2000. 199 с.
4. Колосовская Е. В. Национально-культурная специфика языкового сознания русских и британцев на материале Тематической группы «воспитание»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2004. 179 с.
5. Селезнева К. О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. 2019. № 3 С. 99–103.
6. Козельская Д. В., Стернина М. А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. Воронеж: РИТМ, 2018. 88 с.
7. Селезнева К. О. Тематическая группа «Общие номинации педагогов» в русском и испанском языках // Казанская наука. 2018. № 9. С. 114–116.
8. Киреева К. О. Жаргонные наименования учителей и преподавателей в русском языке // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Воронеж: Научная книга, 2009. Вып. 9. С. 60–71.
9. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия в Интернет-жаргоне: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2020. 179 с.
10. Ван Синхуа. Русский молодёжный жаргон в аспекте интерпретации вторичной языковой личностью: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2020. 663 с.
11. Руденя Ж. И. Жаргонная лексика в современном молодёжном дискурсе и возможности её представления в словаре для изучающих русский язык как иностранный (на материале жаргонизмов, функционирующих в речи воронежской молодёжи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2017. 221 с.
12. Афанасова Н. В. Язык фикрайтеров в Рунете: особенности формирования и функционирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Елец, 2017. 249 с.
13. Зоркина К. В. Лингвопрагматические характеристики молодёжного сленга (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2021. 213 с.
14. Пархоменко Е. В. Язык как способ бытия субъекта (на материале локальной языковой системы – воровского аргота): дис. ... канд. филол. наук: 09.00.01. Волгоград, 2019. 166 с.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.